

ISSN 2410-1451

**КУЛЬТУРА
НАУКА
ОБРАЗОВАНИЕ**

Культура. Наука. Образование. № 4 (61) / 2021

4

2021

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

КУЛЬТУРА

НАУКА

ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

основан 1 декабря 2006 года

выходит 4 раза в год

№ 4 (61) 2021

Иркутск

КУЛЬТУРА. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет путей сообщения»

Главный редактор журнала: и.о. ректора ИрГУПС, д-р техн. наук, проф. *А.П. Хоменко*

Заместитель главного редактора: канд. ист. наук, доц. *В. В. Третьяков*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук, проф. *Ч. Г. Андреев* (Улан-Удэ); д-р филос. наук, проф. *А. А. Атанов* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *А. В. Гайдамакин* (Омск); д-р ист. наук, проф. *А. В. Дулов* (Иркутск); к. филол. наук, доцент *О. Н. Касаткина* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Ю. А. Петрушин* (Иркутск); д-р филос. наук, доц. *Е. Н. Струк* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *В. Г. Третьяков* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Г. А. Цыкунов* (Иркутск); к. юр. наук, доцент *А. А. Тюкавкин-Плотников* (Иркутск); к. мед. наук, доцент *В. А. Чичкалюк* (Иркутск).

Ответственный секретарь *Н. В. Никифорова*

Ответственный за выпуск:

канд. ист. наук, доц. *В. В. Третьяков*

Адрес редакции:

664074, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15

Тел.: (3952) 63-83-11 (01-47)

E-mail: tretvv@yandex.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77 – 68123 от 21 декабря 2016 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Журнал включен в систему РИНЦ

Выходит 4 раза в год

Издается с 2006 года

СОДЕРЖАНИЕ

№ 4 (61)
2021

ФИЛОСОФИЯ

Третьяков В. В. (Иркутск)
Спиноза о свободе. Взгляд Гегеля 7

Егоров А. В. (Иркутск)
Долг и совесть в этике И. Канта 20

ИСТОРИЯ

Третьяков В. Г. (Иркутск) Предпосылки подписания
российско-монгольского соглашения 5 ноября
1921 г. (к 100-летию событий) 27

Неклюдова А. В. (Иркутск)
Развитие кожевенного производства в губернских
и областных городах Восточной Сибири в годы
Первой мировой войны 47

Хобта А. В. (Иркутск)
Из истории сооружения железнодорожного участка
Иркутск – Слюдянка 60

Ткачев В. В. (Иркутск)
Работа инженера путей сообщения А. П. Богословского
по приобщению иркутян к художественной жизни
в конце XIX – начале XX вв. 95

ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

Динец Д. А., Каутц В. Э., Меркулов А. С. (Иркутск)
Роль хозяйственного расчета в развитии
экономики СССР 106

Шевчук Е. П. (Иркутск)
Единый исполнительный орган хозяйственного
общества: природа, сущность, компетенции,
основные понятия 127

Мартынов А. С. (Иркутск)
Участники земельных отношений и заинтересованное
лицо 133

*ПСИХОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ОБРАЗОВАНИЯ*

Полищук С. С., Феоктистова М. В. (Иркутск) Участие эко-отряда «КПСС» во Всероссийском экологическом квесте для студентов «ПРОКЛИМАТ»	147
Памяти товарища, коллеги, ученого	153
Требования к оформлению представляемых в редакцию материалов	157

	CONTENTS
№ 4 (61) 2021	<p><i>PHILOSOPHY</i></p> <p>Tretyakov V. V. (<i>Irkutsk</i>) Spinoza about freedom. Gegel's view 7</p> <p>Egorov A. V. (<i>Irkutsk</i>) Duty and conscience in the ethics of I. Kant .. 20</p> <p><i>HISTORY</i></p> <p>Tretyakov V. G. (<i>Irkutsk</i>) Prerequisites for the signing of the russian-mongolian agreement on november 5, 1921 (to the 100th anniversary of the events) 27</p> <p>Neklyudova A. V. (<i>Irkutsk</i>) Development of leather production in the provincial and regional cities of Eastern Siberia during the First word war 47</p> <p>Hobta A. V. (<i>Irkutsk</i>) From the history of the construction of the Irkutsk – Slyudyanka railway section ... 60</p> <p>Tkachev V. V. (<i>Irkutsk</i>) Work of the engineer of the ways of communication A. P. Bogoslovsky on the appearance of irkutyan to artistic life in the late XIX – beginning XX centuries 95</p> <p><i>LAW AND MANAGEMENT</i></p> <p>Dinets D. A., Kautz V. E., Merkulov A. S. (<i>Irkutsk</i>) The role of economic calculation in the economy of the USSR 106</p> <p>Shevchuk E. P. (<i>Irkutsk</i>) Sole executive body of a business company: nature, essence, competencies, basic concepts 127</p> <p>Martynov A. S. (<i>Irkutsk</i>) Participants in land relations and the person concerned 133</p>

*PSYCHOLOGY.
THEORY AND PRACTICE OF EDUCATION*

Polischuk S. S., Feoktistova M. V. (Irkutsk)	
Participation of the «TPSS» eco-team in the	
All-Russian ecological quest for students	
«ABOUTKLIMAT»	147
 In memory of a comrade, colleague,	
scientist	153
 Information for authors	157

ФИЛОСОФИЯ

УДК 17.0

В. В. Третьяков*

СПИНОЗА О СВОБОДЕ. ВЗГЛЯД ГЕГЕЛЯ

В статье рассматривается понятие свободы, дается его интерпретация Спинозой. Выясняются общие основания философской системы Спинозы и место в ней проблематики свободы. Выделены отдельные замечания Гегеля в адрес спинозизма. Приводятся два значения понятия свободы в главном произведении великого философа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Спиноза, субстанция, Бог, свобода, Гегель, абсолютное.

V. V. Tretyakov

SPINOZA ABOUT FREEDOM. GEGEL'S VIEW

The article deals with the concept of freedom, its interpretation by Spinoza is given. The general foundations of Spinoza's philosophical system and the place of freedom issues in it are clarified. Some of Hegel's remarks on Spinozism are highlighted. Two meanings of the concept of freedom are given in the main work of the great philosopher.

KEYWORDS: Spinoza, substance, God, freedom, Hegel, absolute.

Ни об одной идее нельзя с таким полным правом сказать, что она неопределенна, многозначна, доступна величайшим недоразумениям и потому действительно им подвержена, как об идее свободы, и ни об одной не говорят обычно с такой малой степенью понимания ее.

Г. В. Ф. Гегель

В одной из своих работ Б. Рассел называет Спинозу самым благородным и привлекательным из великих философов [1, с. 77]. Спиноза был широко образованным ученым, обозначившим в

* **Третьяков Валерий Валерьевич**, кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

своем творчестве оригинальное решение многих философских проблем и в связи с этим привлекавшим пристальное внимание мыслителей в разные времена. Работы Спинозы выполнены в строгом, немногословном стиле, везде он представляет читателю логическое обоснование своих выводов. Своеобразное решение нашла в его творчестве и одна из фундаментальных философских проблем – проблема свободы. Эта тема является основной в наиболее примечательном труде Спинозы «Этика».

Философская система Спинозы основывается на признании существования только одной субстанции. Если античная метафизика считала субстанции разнообразными, многочисленными и иерархически упорядоченными, а Декарт допускал три субстанции (Бога, ум и материю), то, по Спинозе, существует только одна субстанция, которая есть Бог – первооснова, высшее начало, ни в чем другом, кроме себя, не нуждающееся, «причина самой себя»: «Под Богом я понимаю существо абсолютно бесконечное..., т. е. субстанцию, состоящую из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность» [2, с. 360–361]. Спиноза определяет атрибут как то, «что разум представляет в субстанции как составляющее ее сущность» [2, с. 368]. Субстанция действует по необходимости собственной природы; само существование субстанции заключено в ее сущности: «Все, что находится во власти Бога, должно... заключаться в его сущности, чтобы необходимо вытекать из нее и потому все это необходимо существует» [2, с. 393].

Бог Спинозы есть абсолютная необходимость, образующая гармонию мира. Человек способен к познанию Бога, поскольку ему доступны два атрибута субстанции – «мышление» и «протяженность». Согласно Спинозе, мышление и протяженность не выше или ниже иных атрибутов субстанции; иерархии атрибутов у Спинозы нет, атрибуты равноправны и равнозначны. Правда, Спиноза при этом говорит об особом значении разума, который положен для того, чтобы «постигать атрибуты бога и его модусы, и ничего более» [2, с. 388].

Наряду с субстанцией и атрибутами Спиноза выделяет модусы. «Под модусом я разумею состояние субстанции ..., иными словами то, что существует в другом и представляется через это дру-

гое» [2, с. 361]. Без субстанции и ее атрибутов не было бы и модусов, вещи различаются или различием их субстанций или различием их модусов (состояний) [2, с. 363]. Если атрибуты субстанции бесконечны, то модусы необходимо должны быть как бесконечными, так и конечными, иначе невозможно объяснить переход от бесконечного к конечному. Бесконечные модусы выступают средними между бесконечными атрибутами и конечными модусами. У Спинозы, правда, нет ясного обоснования процесса перехода от бесконечного к конечному, он лишь вводит ряд модусов, показывая, что одни происходят из других. Тем не менее в определении конечного в целом выражен взгляд Спинозы: «*Конечною в своем роде* называется такая вещь, которая может быть ограничена другой вещью той же природы» [2, с. 361]. Конечное всегда предполагает границы, а, следовательно, бесконечную связь конечных вещей. К. Фишер замечает, что такую связь Спиноза выражает через понятие необходимых и бесконечных модификаций, т. е. всех модусов: мышление, как атрибут субстанции, имеет своими модусами разум, волю, идеи; протяженность – тела; отдельные вещи есть модусы субстанции вообще. «Если бы не было мира идей, то мышление было бы силой, лишенной проявлений, т. е. не было бы силой, или атрибутом субстанции; субстанция была бы тогда причиной без силы, т. е. не была бы причиной, или субстанцией. То же применимо к телесному миру...» [3, с. 354]. Поэтому и конечное не может быть непосредственным следствием бесконечного (субстанции, атрибута, бесконечного модуса) – конечная вещь есть следствие другой конечной вещи: по мысли Спинозы, «из существа Бога непосредственно следуют атрибуты, из атрибутов непосредственно следуют бесконечные модификации, из последних косвенно следуют отдельные вещи, ибо каждая отдельная вещь имеет своей ближайшей причиной другую отдельную вещь» [3, с. 357].

Согласно Спинозе, начало и конец принадлежат не субстанции, ибо она абсолютна, а могут быть выведены лишь из природы субстанции. Субстанция – то, «что существует само в себе и представляется само через себя, т. е. то, познание чего не требует познания другой вещи» [2, с. 366]; модификации – то, что существует в другом и представление чего образуется из

представления о той вещи, в которой они существуют. Если субстанция необходимо вытекает прямо из ее природы, то необходимое существование модусов не следует из их определения – основание их существования вытекает не из их собственной природы, а из порядка телесной природы: *необходимо* же существует только то, «для чего нет никакого основания или причины, которая препятствовала бы его осуществлению» [2, с. 369]. Таким образом, «порядок телесной природы» задается порядком отношений между субстанцией и модусами, суть которых может быть выражена посредством понятий силы, причины, действия, совершенства и т. п. Можно предположить, что таковым выступает у Спинозы и понятие свободы. Правда в таком случае возможен вывод о том, что Спиноза рассматривает свободу как проявление связи субстанции и модусов. Такой взгляд можно признать заслуживающим внимания или неверным в зависимости от ответов на многие вопросы: как встраивается понятие свободы в систему базовых понятий его философии, какой смысл вкладывается им в это понятие, каковы его функции? Следует заметить, что здесь среди исследователей его творчества отмечаются существенные разногласия. Различия во мнениях в значительной степени обусловлены тем, что понятие свободы у Спинозы остается открытым для интерпретаций.

Для метафизических поисков в Новое время вопрос об определении сущности свободы был весьма острым. Понимание свободы как независимости от чего-либо, в котором акцент сделан на ограничении человеческой активности, порождало отрицательное понятие свободы: представление о зависимости человека от чего-либо ведет к негативному восприятию свободы. Независимость в новоевропейской философии рассматривалась как проблема преимущественно в двух направлениях: во-первых, как независимость от природы и, во-вторых, как независимость от Бога.

В первом направлении мысли внимание было сосредоточено на выяснении сущности человеческого существа: задаются ли действия человека природой, что есть свободная воля и обусловлена ли она необходимостью; такой взгляд на независимость мог быть обобщен до признания человека независимым от мира, если мир понимать как природу и историю в целом. Во втором

направлении акцент был сделан на выяснении сущности свободы как таковой: свобода есть самостоятельность человека в его отношении к Богу; Бог есть мир, а потому независимость человека от него возможна лишь тогда, когда человек вступает в божественное отношение – он ищет и познает Бога и через это воспринимает обращенное к нему от Бога слово – и, следовательно, может отходить от Бога, быть свободным по отношению к Богу. С этой точки зрения понимание свободы в новоевропейской метафизике вовсе не случайно опирается на понятия Бога, субстанции, природы, ибо они в своем единстве с человеком и составляют единственно целое сущее. А потому и проблема свободы приобретает всеобщий характер [4, с. 90].

По-видимому, сама идея свободы заключается Спинозой в определение субстанции – имманентной причины всех вещей, являющейся производящей причиной всех вещей и их сущности, могущество которой есть сама ее сущность [2, с. 380, 384, 389]. Не случайно ведь он представил определение свободы в первых строках «Этики». Идея для Спинозы – это понятие, образуемое душой, поскольку она есть вещь мыслящая; поясняя свой взгляд, Спиноза подчеркивает, что он говорит о *понятии*, а не о *восприятии*, «...так как слово восприятие как будто указывает на пассивное отношение души к объекту. Напротив, слово понятие, как кажется, выражает действие души» [2, с. 402]; свобода для Спинозы в этом плане, следовательно, не есть данность, она не само бытие, но она есть то, что претворяется в бытии. Спиноза к тому же различает *идеи* и *образы* «воображаемых нами вещей» [2, с. 438]. Но, по Спинозе, и «Бог есть вещь мыслящая»; поэтому следует различать идеи, которые есть идеи субстанции, и идеи, которые представляют человеку воздействующие на него вещи: «Ибо идеи возникают в Боге не так, как в нас, из одного или нескольких чувств, которые поэтому большей частью возбуждаются ими лишь несовершенно, но из существования и сущности, сообразно всему, что они представляют собой. Ведь моя идея не ваша, хотя вызывает их в нас одна и та же вещь» [2, с. 151]. Но как же соотносятся Спинозой такие различные идеи?

Поскольку разум божественной природы по своей причинности первее всех вещей и формальная сущность вещей такова пото-

му, что она такую существует объективно в разуме Бога, то ум Бога есть причина вещей и по отношению к их сущности, и по отношению к их существованию. Поскольку вещь, составляющая причину как существования, так и сущности какого-либо следствия, должна отличаться от этого последнего как по своему существованию, так и по своей сущности, то *ум Бога есть причина и существования, и сущности нашего ума*, и, следовательно, различается от нашего ума как по своему существованию, так и по своей сущности и не может иметь сходства с ним ни в чем, кроме названия [2, с. 380]. Можно говорить, следовательно, о двух ипостасях свободы в «Этике» Спинозы. Во-первых, свобода как начало и принцип миропорядка: истина свободы есть разум Бога, идея свободы необходимо существует в Боге, свобода воплощается в природе субстанции. Во-вторых, свобода как воплощение этического начала в мире: ум человека воспринимает субстанцию как идеал, Бога как первую причину всего сущего, как совершеннейшее существо и абсолютно свободное; сущность человека составляют модусы мышления как атрибута Бога и первой среди них выступает идея как начало бытия человеческой души, основанного на вечных идеях божественного разума, души существа морального, за высшее благо почитающего познание Бога, а высшей добродетелью само познание Бога и через это способного обретать истинную свободу. А. Гаджикурбанов пишет по этому поводу: «Этически значимым моделирующим признаком субстанции для морального субъекта оказывается ее свобода, которая и выступает как высшая цель нравственной деятельности человека, совершенное состояние его природы, или как его высшее Благо. Абсолютная свобода субстанции предстает в высшей форме нравственного достоинства, достижимой для человека, – в человеческой свободе... В наибольшей мере свобода воплощается... в идеальном образе свободного человека (*liber homo*), который совпадает с понятием мудреца» [5, с. 164].

Дефиницию свободы Спиноза располагает среди определенных первой части «Этики», которая названа им «О Боге»: «Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой» [2, с. 362]. *Необходимой*

вещью Спиноза считает ту, «которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу» [2, с. 362]. Это, во всяком случае, наиболее полная дефиниция свободы из имеющихся в «Этике». Как видно, данное определение свободы заставляет задуматься над тем, как понимает ее Спиноза, и имеющиеся в литературе ответы, как уже отмечалось, весьма разнятся. Интересные замечания по вопросу о сущности свободы в учении Спинозы можно сделать, обратившись к работам Гегеля.

В лекциях по истории философии Гегель, характеризуя философию Спинозы, замечает, что она достаточно проста и в целом понятна, но трудности вызывают как стиль изложения, так и то, что Спиноза не уделяет должного внимания многим основным, по мнению Гегеля, вопросам. Обращаясь к характеристике «Этики», Гегель отмечает, что в первой части своего главного философского труда Спиноза излагает общие метафизические идеи, заключающие в себе *познание* Бога и природы, а во второй части сразу переходит от Бога к философии духа, т. е. к этической стороне, совершенно не касаясь, таким образом, философии природы (т. е. исследования процесса становления, протяженности, движения и др.); в последующих трех частях Спиноза рассматривает происхождение и природу страстей, человеческое рабство, и, наконец, могущество интеллекта, мышления, человеческую свободу [6, с. 346].

Гегель указывает на ряд дефиниций, сформулированных Спинозой в первой части «Этики», оговорившись, что выделяет те, которые, по его мнению, заслуживают внимания. Прежде всего у Спинозы представлена дефиниция *причины самого себя*. Это очень важное выражение, однако Спиноза, как считает Гегель, в своей дефиниции постулирует *единство* всеобщей мысли и существования: если причина противоположна действию, то в причине самого себя это различие снимается, ибо она порождает лишь само себя: «Полагание этой причиной себя как некоего другого есть *отпадение* и вместе с тем *отрицание* этой потери... Причина, в которой причина тождественна с действием, есть бесконечная причина...; если бы Спиноза развил дальше то, что заключается в понятии *causa sui* [причина самого себя – *В.Т.*], то его субстанция не была

бы чем-то неподвижным» [6, с. 348]. По-видимому, если Гегель обратил внимание на то, что уже первая дефиниция лишь постулируется Спинозой, предустановлена им, а не выводится, и к тому же лишена жизненной формы, то таковым он должен считать и спинозовское понятие свободы. Ведь, как известно, в философской системе Гегеля свобода подвижна.

Во-вторых, Спиноза (и Гегель, следуя ему) обращается к дефиниции *конечного* (у Спинозы – *конечное в своем роде* [2, с. 361]). Здесь Гегель интерпретирует взгляд Спинозы так, что конечное есть результат отношений конечных вещей: «...ибо те, которые хотят ограничивать друг друга, должны для этого соприкасаться друг с другом, находиться, следовательно, в отношении друг с другом» [6, с. 349]; он замечает, что мысль и протяжение каждое само по себе есть целостность, «у них нет никакого касательства друг к другу; они не ограничивают друг друга, каждое из них есть замкнутое внутри себя целое» [6, с. 349]. Хотя у Спинозы, как представляется, акцент сделан на другом: «Так, например, тело называется конечным, потому что *мы* всегда *представляем* [курсив – наш] другое тело, еще большее» [2, с. 361]. Вне отношений нет конечного, но, по Спинозе, и вне ума нет конечного.

Субстанцию Спиноза раскрывает в третьем определении. Характеризуя взгляд Спинозы, Гегель замечает, что, если у Декарта телесное и мыслящее «Я» берутся отдельно и представляют собою самостоятельные субстанции, то у Спинозы эта самостоятельность снимается, так как материя и ум есть моменты единого абсолютно-го существа. Поэтому бытие у Спинозы – это не абстрактное бытие, а бытие как единство противоположностей. Спиноза, отмечает Гегель, не отодвигает противоположность, а, напротив, стремится опосредовать и разрешить ее: противоположность у него образуют не голые абстракции, а бытие и мышление, причем бытие Спинозой берется более определенно, как протяжение, и потому не может уже быть простым возвращением в себя, равенством и самим собою, каким является мышление. «Спинозовское чистое мышление, следовательно, уже больше не является наивным (*das Unbefangene*) всеобщим Платона, а есть единство, которое вместе с тем знакомо с абсолютной противоположностью между понятием и бытием» [6, с. 347].

Четвертым по порядку у Спинозы следует определение атрибута: «Под атрибутом я разумею то, что ум представляет в субстанции как составляющее ее сущность» [2, с. 361]. Следуя за мыслью Спинозы, Гегель замечает, что тот, подобно Декарту, выделяет два атрибута – мышление и протяжение; однако, если Декарт рассматривал их отдельными субстанциями, абсолютными, то у Спинозы они выступают атрибутами субстанции и, следовательно, обладают уже некой определенностью; определенность же есть начало для мышления: «Все единичное, иными словами, всякая конечная и ограниченная по своему существованию вещь может существовать и определяться к действию только в том случае, если она определяется к существованию и действию какой-либо другой причиной, также конечной и ограниченной по своему существованию. Эта причина в свою очередь также может существовать и определяться к действию только в том случае, если она определяется к существованию и действию третьей причиной, также конечной и ограниченной по своему существованию, и так до бесконечности» [2, с. 385–386]. Этот момент, по мысли Гегеля, мог бы стать отправной точкой становления: «Ум понимает их как сущность субстанции; но сущность не выше субстанции, а есть лишь сущность в рассмотрении субстанции умом, это рассмотрение же имеет место вне субстанции» [6, с. 349]. Однако у Спинозы эти атрибуты, хотя и обладают определенностью, но, вместе с тем, остаются целостностями и выступают поэтому различными способами рассмотрения субстанции; каждый из них хотя и содержит в себе все содержание субстанции, но «имеет в себе это содержание лишь в одной форме, которую привносит ум, и именно поэтому обе стороны в себе тождественны, бесконечны» [6, с. 349]. Спиноза, по мнению Гегеля, не мыслит *определенность* как момента перехода от единичного ко всеобщему.

Следующей у Спинозы выступает дефиниция модусов. Под модусом он понимает состояние субстанции, и, следуя порядку определений Спинозы, Гегель рассматривает модус как третий *момент* субстанции: субстанция постигается сама через себя; атрибут есть то, что находится в отношении к постигающему интеллекту (поскольку он постигает сущность), модус есть то, что постигается не как сущность, а в другом и через другое [6,

с. 349–350]. Хотя такая связь Спинозой устанавливается лишь в понятии, а не выводится им, Гегель все же считает важным различать их как всеобщее, особенное и единичное. А в таком случае, по мнению Гегеля, можно видеть недостаток философии Спинозы: модус у него лишен жизненности, он есть лишь нечто захиревшее; «он понимает третье лишь как модус, как дурную единичность. Истинная единичность, индивидуальность и субъективность, есть не только некое отдаление от всеобщего, всецело определенное, а как просто всецело определенное есть вместе с тем для себя сущее, определяющее лишь само себя. Единичное, субъективное тем самым есть как раз возвращение к всеобщему, а так как оно есть сущее у самого себя, то оно само есть всеобщее. Возвращение как раз и состоит именно лишь в том, что единичное, субъективное есть в самом себе всеобщее» [6, с. 350]. В данном случае Гегель усматривает недостаток системы Спинозы в отсутствии у него перехода; но все же можно заметить, что и избранный Спинозой метод, и решаемые им задачи не предполагали поиск механизмов изменения. Согласно Спинозе, порядок природы, ее строй определен Богом; под существованием он не мыслит временной протяженности как некоторого вида количества: он говорит главным образом «...о самой природе существования, приписываемого отдельным вещам... Речь моя, говорю я, о самом существовании единичных вещей, поскольку они находятся в Боге. Ибо хотя каждая отдельная вещь определяется к известного рода существованию другой отдельной вещью, однако сила, с которой каждая из них пребывает в своем существовании, вытекает из вечной необходимости божественной природы» [2, с. 443]. И далее: «будет ли вещь рассматриваться как часть или как целое, идея этой вещи, всей ее или части, будет... заключать в себе вечную и бесконечную сущность Бога. Поэтому то, что дает познание вечной и бесконечной сущности Бога, обще всем вещам и одинаково находится как в целом, так и в части, и, следовательно..., это познание будет адекватно» [2, с. 444].

Далее Гегель обращает внимание на дефиницию абсолютно бесконечного, вслед за Спинозой различая «абсолютно бесконечное» и «бесконечное в своем роде». В завершение Гегель выделяет

у Спинозы дефиницию Бога, который определяется как существо абсолютно бесконечное.

Вот ряд тех дефиниций, в которых, по мнению Гегеля, заключается вся философия Спинозы¹. Уже из сделанных Гегелем замечаний становится понятным, что он весьма остро оценивал подход Спинозы к решению важнейших философских вопросов, и к проблеме свободы в частности. Общий недостаток «Этики» он видит в том, что Спиноза начинает свой путь с дефиниций: если для математики такой способ приемлем, то в философии предварительно должно быть раскрыто содержание понятия. «Можно, скажем, признать, правильность данных Спинозой номинальных дефиниций, признать, что слово “субстанция” соответствует тому представлению, которое указывается дефиницией; но совершенно другой вопрос, истинно ли само по себе это содержание» [6, с. 352]. Критикуя метод изложения Спинозы, Гегель отмечает, что автор «Этики» лишь поясняет значения слов, не объясняя заключенное в них содержание; причем значение первого слова он полагает как основу, рассматривает как истинное, а поскольку содержание следующей дефиниции основывается на содержании предыдущей, то все остальное вытекает с необходимостью. У Спинозы, таким образом, «...все лишь прибавляется, втекает, но не вытекает, не выводится. Определения не развиты Спинозой из субстанции, она не раскрывается, чтобы породить эти атрибуты» [6, с. 353]. То же самое, как представляется, Гегель мог бы высказать и в отношении дефиниции свободы, которую Спиноза раскрыл весьма формально (точнее – он говорит о *свободной* вещи в противоположность *необходимой*). В такой же форме Спиноза наделяет Бога *качеством* свободы: теорема 17 первой части «Этики» гласит, что Бог действует в силу одних только законов своей природы и без чьего-либо принуждения, из чего Спиноза выводит следствие, «...что один только Бог есть свободная причина, так как только он один су-

¹ Нужно заметить, что в используемом нами варианте перевода «Этики» присутствуют еще дефиниции свободной вещи и вечности; возможно, в используемом Гегелем варианте строй определений был иной. Во всяком случае, Гегель не дает им здесь отдельной характеристики.

ществует... и действует... по одной лишь необходимости своей природы» [2, с. 378].

Характеризуя моральную сторону учения Спинозы, Гегель отмечает, что ее главным принципом служит положение о том, что конечный дух морален, поскольку он имеет истинную идею, т. е. поскольку он направляет свое познание и воление на Бога, ибо истина заключается в познании Бога. «Можно... сказать: не существует морали, более возвышенной, так как она требует от нас только того, чтобы мы имели ясную идею о Боге» [6, с. 361]. Моральная сторона его философии, считает Гегель, позволяет сделать Спинозе возвышенный вывод о том, «что все чувственное есть лишь ограничение и существует лишь одна подлинная субстанция, что человеческая свобода состоит в том, чтобы созерцать эту единственную субстанцию и сообразоваться в своих умонастроениях и в своем волении с вечно единым» [6, с. 364]. При этом, однако, в его системе Бог понимается лишь как субстанция, а не как дух, не как *конкретное*, и тем самым Спиноза, замечает Гегель, отрицает самостоятельность человеческой души: духовное и индивидуальное в его философии есть лишь некоторый модус, акциденция, а не субстанциальное существо [6, с. 364]. В абсолютном у Спинозы нет модусов; точнее – модусы растворяются им в субстанции, но не движутся, не имеют становления и бытия. Самосознание лишь рождается в системе Спинозы, но не может расцвести, ибо ему не хватает сил. Чтобы вдохнуть жизнь в философию Спинозы, прежде всего следует восполнить в ней предметную сторону: абсолютное существо должно получить характер некоторого предмета сознания, для чего «модусы следует возвести в предметную действительность как абсолютный момент самого абсолютного» [6, с. 372].

Таким образом, в целом высоко оценивая вклад Спинозы в развитие философской мысли, Гегель выделяет в его «Этике» немало моментов, ограничивающих понятие свободы. В отдельных случаях, правда, заметно, что Гегель пробует навязать философии Спинозы свои собственные воззрения, стремится увидеть в ней то, что не положено было в нее самим Спинозой. Но, вместе с тем, это указывает на великую притягательную силу положений философской системы Спинозы и ее актуальность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рассел Б.* История западной философии: в 2 т. Т. 2 / Б. Рассел. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. 400 с.
2. *Спиноза Б.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 1 / Б. Спиноза. М. : Госполитиздат, 1957. 631 с.
3. *Фишер К.* История новой философии: Бенедикт Спиноза / К. Фишер. М. : АСТ ; Транзиткнига, 2005. 557 с.
4. *Торубарова Т. В.* Знание и свобода как основной замысел «Этики» Б. Спинозы / Т. В. Торубарова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2018. № 2. С. 89–99. URL: www.gramota.net/materials/3/2018/2/22.html.
5. *Гаджикурбанов А.* Спиноза / А. Гаджикурбанов // Философская антропология. 2018. Т. 4, № 2. С. 152–185.
6. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по истории философии: в 3-х кн. Кн. 3 / Г. В. Ф. Гегель. СПб. : Наука, 1994. 583 с.

УДК 17.024

А. В. Егоров*

ДОЛГ И СОВЕСТЬ В ЭТИКЕ И. КАНТА

В статье рассматриваются взаимосвязанные понятия – долг и совесть как внешний и внутренний регуляторы в поведении человека, а также их особенности в философии И. Канта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *априорность, совесть, долг, трансцендентальность, трансцендентность, явление, «вещь в себе», человек.*

A. V. Egorov

DUTY AND CONSCIENCE IN THE ETHICS OF I. KANT

The article discusses the interrelated concepts of duty and conscience as external and internal regulators in human behavior, as well as their features in the philosophy of I. Kant.

KEYWORDS: *a priori, conscience, duty, transcendentality, transcendence, phenomenon, “thing in itself”, man.*

Иммануил Кант (1724–1804) преданный и верный себе человек. За свою долгую жизнь, он ни разу не изменил себе в своих порядках и образе жизни. Кант безвыездно жил в любимом Кенигсберге.

Совесть и долг И. Кант рассматривал как априорный источник знаний в познании самого себя и оценке своих поступков. Априорность совести означает, что она не имеет прямого непосредственного отношения к жизненному опыту человека, а благодаря особым природным данным присуща ему изначально. По Канту, априорные знания – это знания, полученные независимо от непосредственного опыта, они как результат своеобразной способ-

* *Егоров Александр Владимирович, кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.*

ности разумной природы человека: «Совесть не есть нечто приобретаемое, и не может быть долгом приобретение ее; каждый человек как нравственное существо имеет ее в себе изначально» [1, с. 272].

Кант различал и опытные знания, он считал, что вещи, воздействуя на нашу чувственность, пробуждают активность сознания. По Канту, опытное знание образуется от воздействия воспринимаемых нами предметов («вещей самих по себе») и способности нашего сознания к восприятию чувственных впечатлений. Такой совокупный процесс и дает нам не только опытное, но и внеопытное знание. Знание, предшествующее опыту, но зависимое от него, Кант называет априорным.

Совесть как проявление человеческого качества нельзя познать с позиций чистого, логического разума. Она как явление раскрывается в сфере мотивов и поступков человека, которому свойственно чувственно-разумное переживание мира. Совесть, согласно Канту, не ограничивает свободу действий человека, обладая свободой воли, он может отклоняться от нравственного пути.

Человек как «вещь сама по себе», наделенный свободой воли, свободен. Однако любая свобода должна быть культурно-ответственной, она не должна выходить за рамки культуры общества и личности. Этому помогают внутренний и внешний регуляторы – совесть и долг. Переживания, которые возникают в человеке в связи с нарушением морального долга, и упреки со стороны внутреннего судьи-обвинителя, «перед которым его мысли обвиняют и прощают друг друга, есть совесть» [1, с. 312].

Кант рассматривает совесть как качество, данное человеку от природы, которое необходимо развивать в себе. Воспитание совести как добродетели всегда было социальным явлением, оно отражало специфику исторических общественных отношений. Но Канта больше привлекает понятие «долг». Императивный долг, возведенный в закон, по Канту, может сделать многое.

Общественные отношения в Германии при жизни Канта не способствовали ее процветанию. Нужен был такой закон, который бы принес оздоровление нравственным отношениям. И Кант предлагает решение данной проблемы, он создает учение о «категорическом императиве», который вначале гласил: «Поступай согласно

максиме, которая в то время может иметь силу всеобщего закона» [1, с. 68]. И таким нравственным законом становится «долг», выступающий в форме категорического императива. Долг, по Канту, является всеобщей и необходимой нравственной формой отношений между людьми. Он, прежде всего, есть ответственность человека перед обществом. Но есть и ответственность субъекта перед собой. Отсюда возникает проблема совести. Совесть – это в первую очередь ответственность человека перед самим собой. Однако долг Кант ценит превыше всего, его исполнение категорично, невзирая ни на что. Очевидно, что кантовская «максима» долга подменяет проблему совести.

Естественно, что долг и совесть отражают исторические особенности эпохи, но сначала они должны стать из «вещи в себе» «вещью для человека», необходимым и всеобщим законом для человечества. К тому же, по Канту, нравственная воля человека не может пользоваться человеком как средством, она должна рассматривать его как цель. Вот совесть и есть цель в себе самой, своеобразный фактор реализации самоцели.

Долг и совесть – два понятия, которые дополняют друг друга, но не всегда совпадают по своему проявлению. Осознанный долг есть всегда долг, который должно соблюдать, но Кант к тому же требует категорически исполнять долг, осознан он или нет. Это у Канта волевой закон.

Проявление же совести всегда связано с внутренним «я», и поступки по совести, хотя и осознанны, но они могут не совпадать с требованиями долга. Напротив, осознанный долг – это всегда есть исполнение установленного порядка, в этом его категорическая сила. Долг – это предписание, связанное с правом, законами и государством, а совесть – хозяйка сама по себе. Человек, наделенный свободой воли, может осознанно нарушать тот же долг, в то время как категорический императив не допускает свободы воли, требует безоговорочного его исполнения. Выходит, что совесть перекрывается долгом, она подчинена долгу, но как запустить в жизнь «категорический императив»?

Совесть как нравственное побуждение является одной из форм коллективного сознательного, которое заложено многими поколениями прошлого. Общаясь в социальной среде, человек как коллективное сознательное развивается и приобретает такое каче-

ство, как совесть, она становится специфическим регулятором, личностным советником в его жизни. Совесть, выходит, есть определенный, выработанный жизненный принцип, который строго соблюдался и в прошлом. Она формировалась между табу и необходимой деятельностью.

В список запрещенных дел и действий в прошлом входила целая система правил-табу, нарушение которых приводило человека к смерти. Настолько субъект был слит с коллективом по условиям жизни, что нарушение запретов было равносильно смерти. Совесть, как видно, и есть общественный, нравственный продукт, выработанный человечеством, воспитываемый с рождения. Эта запретная идея «нельзя» уже была заложена в ребенке с детства.

Невозможно отрицать и то, что врожденные инстинкты, находясь в постоянном общественном проявлении, приобретают социальный характер и содержание. Так, инстинкт голода, это не дикое употребление пищи, а принятие пищи с принятыми нормами жизни. Наши инстинкты в обществе очеловечиваются, врожденные побуждения становятся социальным достоянием. Но такое чувство ответственности и самосознания, как совесть, появляется не сразу, а воспитывается и формируется в обществе.

Совесть у Канта связана с Богом, он говорит, что есть «такое моральное существо, имеющее власть над всем, называется Богом, то совесть должна мыслиться как субъективный принцип ответственности перед Богом за свои поступки» [1, с. 314]. Кант указывает на ответственность человека в первую очередь перед Богом, он уводит совесть в идеальную область, уравнивая ее с бессмертием души. Однако в реальной жизни человек (как социальное существо), наделенный волей, практическим разумом несет ответственность перед обществом.

Кант очищает нравственный долг от всех чувств, переживаний. Если в мире есть необходимость и всеобщность нравственных отношений, их соответствующие качественные и количественные критерии, то эти отношения должны иметь и обязательную форму нравственного исполнения. Выясняется, что долг — чистое понятие, лишенное человеческих чувств и конкретно-исторических условий. По Канту, категорический императив — это исполнение долга вообще, долг важен сам по себе. Кант не

наполняет историческим содержанием долг, не связывает теоретический аспект с практическим.

Нам известно, что совесть и долг есть определяющие формы морального поступка. Совесть – тоже максима, которая должна быть осознанным регулятором поступков самого человека. Правда, одни люди в своих поступках руководствуются, может быть, только долгом, не подразумевая, что существует совесть, другие – различают долг и совесть, считая при этом их единым целым, а третьи – не знают ни долга, ни совести. У Канта «каждый человек имеет совесть, и он всегда ощущает в себе внутреннего судью, который наблюдает за ним, грозит ему и вообще внушает ему уважение (связанное со страхом), и эту силу, стоящую на страже законов в нем, ни он сам себе (произвольно) создает, она коренится в его сущности» [1, с. 312]. Выходит, что мало ответственности человека перед Богом, нужен еще императивный долг.

Совесть, согласно Канту, как вещь сама по себе не познаваема, она трансцендентна, ее можно ощутить лишь путем откровения, как божественную истину, но ведь не всем дан дар божественного откровения. Реально к нравственной культуре человек может прийти только путем самосовершенствования и социализации.

У Канта мы не находим конкретных указаний на то, какие именно нормы должны выступать в роли принципов всеобщего законодательства. Позднюю формулировку категорического императива Кант наполняет уже содержанием, она гласит: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [2, с. 270]. На наш взгляд, такое содержание нравственной максимы не может не включать в себя и совесть (внутренний императив), но она сливается у Канта с внешним долгом и исчерпывается им. Форма категорического императива подменяет совесть, лишая личность свободы практического выбора.

Кант предлагает только один вариант – жить по категорическому императиву, т. е. быть законопослушным, выполнять долг. Но ведь любой долг в государстве исторически конкретен, следовательно, выполнение долга во время жизни Канта, – это было

соблюдение законов германского государства. Выходит, что вечный закон долга у Канта связан с разрывом формы и содержания. Этот разрыв связан с двумя видами познания: трансцендентальным и трансцендентным. Первый вид хотя и предшествует опыту априори, но имеет целью сделать возможным опытное познание, второй – нуждается в вере, в постулате божественного провидения.

Противоречия времени, которые переживала Германия – это отражение противоречий во взглядах Канта. Он признавал неискоренимость зла в общественной жизни, но вместе с тем полагал, что в душе человека живет неистребимое желание творить добро, быть нравственным в поведении и поступках. Он рассуждал, исходя из долга, что если в душе человека нет чувства любви, то пусть хотя бы будет чувство уважения, а сама «ненависть к человеку всегда отвратительна» [1, с. 274].

Кант допускал нравственный миропорядок не в границах опыта, не в эмпирическом мире, а только в идеальном мире. Практический разум может решить эту задачу при условии, если он способен привести сознание человека к непоколебимому убеждению в существовании бессмертия души и Бога. Под «вещами самих по себе» Кант понимал особые объекты идеального мира: бессмертие, совесть, свобода и Бог. Вера в эти постулаты при жизни Канта не могла быть поколеблена никакой критикой, никаким прогрессом научного знания.

Человек как реальное явление наделен разумом, душой, любовью и совестью, а это есть высшие нравственные ценности общества, которые он должен не только познать, но и соблюдать их. Человек сам создает себя в результате самопознания и самосознания в социальном обществе. Долг и совесть как единое целое, как внешний и внутренний императив важен для общества и человека.

Итак, у Канта просматривается противоречивая позиция на понятие совести. Он рассматривает совесть как проявление божественного дара, заложенного изначально, а не как задаток, который благодаря общественному влиянию может стать человеческим качеством. Правда у некоторых людей совесть так далеко заложена, что подчас человеку не под силу ее обнаружить даже с помощью Бога.

Трансцендентное в познании, по Канту, призвано ограничивать науку верой, а совесть – Богом. Кант отстаивал достоинство людей в их отношениях, он утверждал, что «человек есть цель, как для самого себя, так и для других..., сделать человека вообще своей целью – есть сам по себе его долг» [1, с. 267–268].

У Канта Бог нужен нравственности, а не нравственность Богу. Можно сказать, что совесть рассматривается Кантом как противоречивое сочетание чистого и практического разума, как продукт проявления земного и небесного дара. Абстрактное и в то же время аскетическое решение Кантом проблемы совести и долга вызывает большой интерес к духовному миру человека.

И. Кант пытался создать всеобщую и необходимую концепцию совести и долга на все времена, поэтому ему пришлось очистить две важные нравственные категории от человеческих чувств и переживаний, разрывая связь между чувствами и разумом. Однако суждения у него не идут дальше «вещи самой по себе». Разрыв состоит в том, что явления познаваемы, а «вещи сами по себе» – ноумены. «Вещи в себе», так же как Бог, бессмертие, свобода, – трансцендентны. Между трансцендентальным и трансцендентным нет перехода, нет связи. Бессмертие, Бог, свобода – понятия не познаваемые. Разум Кант отсылает к чистому мышлению, логике, а чувства – к практическому разуму, к явлениям. Но нам известно, что чувства, разум и воля представляют единое целое человека, они нераздельны, ведь исходные человеческие ощущения уже есть определенная и специфическая форма разума и мышления.

Долг и совесть – регулируемые понятия по своей функции, они дополняют друг друга: долг как внешнее проявление жизни человека, а совесть – как внутреннее явление; они сливаются в единый нравственный образ жизни, а образом жизни повелевают общество и власть.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кант И.* Метафизика нравов: в 2 ч. / И. Кант. М. : Мир книги, 2007. 399 с.
2. *Кант И.* Критика практического разума. Соч. в 6 т. Т. 4, ч. 1 / И. Кант. М. : Наука, 1966. 544 с.

ИСТОРИЯ

УДК 93/94

В. Г. Третьяков*

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОДПИСАНИЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 5 НОЯБРЯ 1921 Г. (К 100-ЛЕТИЮ СОБЫТИЙ)

В статье дается анализ событий, происходящих в 1917–1921 гг. в России, Китае и Внешней Монголии, которые привели к подписанию первого межправительственного соглашения между Советской Россией и Внешней Монголией. Это событие определило направление развития Внешней Монголии на многие десятилетия и явилось первым шагом на пути к образованию независимого Монгольского государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история России, Внешняя Монголия, Хурээ-Урга, барон Унгерн, атаман Семенов, Дальневосточная Республика, Красная армия, Монгольская народная партия.

V. G. Tretyakov

PREREQUISITES FOR THE SIGNING OF THE RUSSIAN-MONGOLIAN AGREEMENT ON NOVEMBER 5, 1921 (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE EVENTS)

The article analyzes the events taking place in 1917–1921 in Russia, China and Outer Mongolia, which led to the signing of the first intergovernmental agreement between Soviet Russia and Outer Mongolia. This event determined the direction of development of Outer Mongolia for many decades and was the first step towards the formation of an independent Mongolian state.

KEYWORDS: history of Russia, Outer Mongolia, Khure-Urge, baron Ungern, ataman Semenov, far Eastern Republic, Red army, Mongolian people's party.

* **Третьяков Валерий Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.

Как и все народы Центральной Азии, монголы жили в климатических условиях, которые были более-менее благоприятны для кочевого скотоводства. В конце XVII в., в 1691 г. высшее духовенство Халхи-Монголии и князья, желая присоединиться к западным монголам, стремившимся к объединению всех монголов для борьбы с Китаем, сами приняли китайское подданство. Правящая маньчжурская династия разделила всю территорию Монголии на Внутреннюю и Внешнюю. Управление Внутренней Монголией было передано губернаторам ближайших китайских провинций, которые способствовали постепенному переходу монголов со скотоводческого уклада жизни к земледельческому.

В отношении Внешней Монголии применялась несколько другая система. Здесь не навязывалась земледельческая колонизация и китайские власти не вмешивались во внутренние дела Внешней Монголии, сохраняя контроль над монгольскими князьями, на которых опирались маньчжуры. Взамен этого «невмешательства» монгольские князья обязаны были предоставлять в распоряжение Пекина войска. Несмотря на то, что постепенно управление Внешней Монголией стало передаваться китайским чиновникам, управление населением Монголии по-прежнему оставалось в руках князей. В качестве другой сильной опоры маньчжуры использовали буддийское духовенство. Они усиленно поощряли распространение буддизма, открывали монастыри, наделяли видных, авторитетных представителей духовенства княжескими владениями, которые иногда отнимали у провинившихся монгольских князей.

Таким образом, Внутренняя Монголия к началу XX в. стала почти земледельческой территорией, населенной в основном выходцами из Китая, а Внешняя Монголия оставалась скотоводческой страной с застывшим социальным укладом почти Чингисхановской эпохи. При этом торговля с Россией и Китаем способствовала развитию промыслов и ремесленничества, а цивилизационные достижения передовых стран медленно, но все же проникали в повседневную жизнь монголов.

Переломным в судьбе Внешней Монголии стал 1911 г., когда Синьхайская революция в Китае свергла маньчжурскую династию. Это создало значительные предпосылки для борьбы за независимость. Возглавили тогда эту борьбу монгольские феодалы и духовенство. При помощи России им удалось провозгласить Внешнюю

Монголию автономной Внешней Монголией в составе Китая. Автономия означала огромный шаг вперед в развитии самоопределения монгольского народа. Безусловно, правительство Китая было недовольно такой автономной частью своей территории и искало любые возможности, чтобы ее ликвидировать.

В свою очередь Правительство России стремилось закрепить эту автономию Внешней Монголии. Императорская Россия использовала разные механизмы, чтобы «оторвать» Внешнюю Монголию от Китая. Одним из таких механизмов стала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Под руководством правления КВЖД с мая 1909 г. по декабрь 1918 г. здесь издавалась газета на старомонгольском языке «Монголын сонин Бичиг». Редактором этой газеты был Хайсангун, являвшийся одним из руководителей освободительной борьбы монголов против маньчжуро-китайского господства [1, с. 377]. России удалось в ряде соглашений с Китаем в 1913–1915 гг. закрепить автономное положение Внешней Монголии в составе Китая. Все эти годы Россия внимательно следила за положением дел во Внешней Монголии, оказывала необходимую помощь и вела политику поддержки автономии, а Китай не предпринимал никаких мер, чтобы ее ликвидировать.

Ситуация стала меняться после революции в России, и особенно после установления Советской власти и начала гражданской войны. Когда власть в России захватили большевики, встревоженное этим Богдо-гэгэновское правительство Внешней Монголии закрыло русско-монгольскую границу, запретив гражданам России посещать территорию Внешней Монголии, прекратило торговые и прочие контакты с Россией и даже отозвало из Иркутска обучающуюся группу монгольской молодежи. В эту группу входил и Хорлоогийн Чойболсан, будущий руководитель Монгольской народной Республики. Он служил ламой в Бэйсинском монастыре. В 1911 г. приехал в Ургу. Здесь познакомился с бурятом Данчиновым, который руководил школой переводчиков. После обучения в школе переводчиков Хорлоогийна Чойболсана в 1914 г. в составе группы молодежи направили в Иркутск для продолжения учебы в гимназии [2, с. 228]. В своем письме к академику Монголии Б. Ринчену известный иркутский монголовед Е. М. Даревская писала, что монгольские дети обучались в Иркутске и Троицкосавске в 1913–1917 гг.

Как и Китай, правительство Внешней Монголии встало на сторону стран Антанты, чьи войска вели военные действия в Сибири и на Дальнем Востоке против большевиков. Япония тоже поддерживала страны Антанты. Китайские военные заключили с Японией тайное соглашение о совместных действиях против большевиков в России. В этих условиях власти автономной Внешней Монголии допустили ввод китайских и японских войск в Ургу.

Для того чтобы закрепиться в Монголии правительство Японии выдвинуло заманчивый для монголов план создания «Великой Монголии», в состав которой вошли бы Внутренняя и Внешняя Монголия, а также территории, занятые бурятами. Для проведения в жизнь этого плана Япония заручилась поддержкой забайкальских казаков и их атамана – Семенова, воюющих против большевиков. Значительная часть феодальной знати Внутренней Монголии поддерживала панмонгольское движение, однако правящая элита Внешней Монголии была против. Надо заметить, что против этого проекта выступали и ведущие страны Западной Европы и США. Они не хотели, чтобы Япония укрепила свои позиции в Монголии и, соответственно, в Китае, поэтому план создания «Великой Монголии» провалился.

Поскольку Внешняя Монголия отказалась войти в состав Панмонголии, правительство Китая решило силой заставить правительство Внешней Монголии отказаться от автономии. Летом 1919 г. представитель Китая в Урге Чень И предложил Богдо-гэгэну добровольно ликвидировать автономию Внешней Монголии. Богдо-гэгэн согласился, при этом его семья и часть светских и духовных феодалов получили разные привилегии. Богдо-гэгэну было повышено жалованье, ему дали пышный титул «учителя государства и покровителя желтой религии на Севере», а его жене – звание «мудрой и драгоценной княжны». Это соглашение было закреплено в документе, который назывался «Условия в 64 пунктах об улучшении будущего положения в Монголии» [3, с. 293–294].

Соглашение правящей элиты Внешней Монголии об отказе от автономии вызвало недовольство большей части населения, многие князья не хотели возвращаться под китайское правление. Созванная Богдо-гэгэном нижняя палата высказалась против ликвидации автономии, в ответ на это решение Богдо-гэгэн разогнал палату. Под давлением серьезной оппозиции он заколебался, это ко-

лебание подкреплялось еще и быстрым наступлением Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке.

В этих условиях Китай снова стал требовать добровольного отказа от автономии, правительство Внешней Монголии заявило, что для этого должны быть выработаны определенные условия. Совместно с представителем Китая Чень И было подготовлено более 50 статей вхождения Внешней Монголии в Китай без автономии.

Однако на заседании правительства некоторые монахи и князья выступили против этих статей. Богдо-гэгэн и правительство Монголии считали, что без одобрения съезда князей они не могут упразднить автономию в одностороннем порядке, иначе будут нарушены Кяхтинские трехсторонние соглашения. Было решено созвать съезд в октябре 1919 г. Представитель Китая продолжал давить на сторонников ликвидации автономии, и в этих условиях Богдо-гэгэн решил сам лично обратиться к президенту Китая с письмом.

В этом письме Богдо-гэгэн отмечал, что внезапное предложение китайского посланника Чень И о ликвидации автономии усложняет обстановку в стране и нарушает Кяхтинские трехсторонние соглашения. Ради сохранения автономии Внешняя Монголия не поддержала предложений панмонголистов. И этот вопрос невозможно решить без созыва хурала всех степных князей. В письме не отрицалось, что при сохранении автономии возможно объединение с Китаем. Он просил президента Китая о вооруженной защите от большевиков. Это письмо не дошло до президента Китая, и тогда было подготовлено второе письмо. Тон второго письма значительно отличается от первого. В нем четко отстаивалась автономия Монголии. Дело в том, что съезд князей высказался за сохранение автономии и соблюдение Кяхтинских соглашений 1913 и 1915 гг. и высылку из Монголии китайского представителя Чень И, который продолжал настаивать на своем предложении [4, с. 98–101].

Однако под давлением китайского генерала Сюй Шу-чжена 13 ноября 1919 г. на собрании Верхней палаты все князья, кроме главы Тушээтханского аймака Пунцагцэрэна и нескольких его сторонников высказались за отмену автономии. Генерал Сюй Шу-чжен дал 24 ч на то, чтобы было подписано требование о ликвида-

ции автономии. Китайские войска окружили дворец Богдо-гэгэна, взяли под свой контроль правительство. И 15 ноября под давлением китайского дипломата Чень И правительство Монголии согласилось подать просьбу об упразднении автономии, но потребовало, чтобы условия этого упразднения были обсуждены позднее. 17 ноября 1919 г. делегация Внешней Монголии вручила петицию генералу Сюй Шу-чжену о ликвидации автономии, а 22 ноября президент Китая издал указ о возвращении Внешней Монголии в состав Китая. Китайский министр иностранных дел сделал по этому поводу особое заявление: «Внешняя Монголия является одной из пяти наций, образующих Китайскую Республику». Правительство в Хурээ само выступило против автономии, за прекращение действия российско-монгольского договора – все это есть последствия смуты в России, из-за которой стороны теперь не могут выполнять обязательств по договору. В данных условиях международный договор, как считает правительство Китая, сам перестанет действовать, и лишь после восстановления порядка в России можно заключить с Россией торговое соглашение [4, с. 102].

В столице Монголии Хурээ-Урге было образовано Главное управление по делам северо-западного края Китайской Республики, а генерал Сюй Шу-чжен назначен «комиссаром по благоустройству окраины Китая и умиротворению Внешней Монголии». Он распустил монгольское правительство, разоружил и демобилизовал монгольскую армию, запретил населению свободно передвигаться, ввел новые налоги с аратов. Одновременно Сюй Шу-чжен со своими войсками принял активное участие в антисоветской интервенции.

В начале 1920 г. китайские войска вторглись в пограничные с Монголией районы России для оказания помощи войскам белой гвардии, противников большевиков. Эти действия Китая вызвали неоднозначную оценку разных государств. Фактически только США поддерживали решение правительства Китая.

Временный поверенный в делах США в Китае Чарльз Дэниэл Тенней уже 24 ноября сообщил в Вашингтон: «В соответствии с указом президента Китая независимость Внешней Монголии была ликвидирована и статус Монголии восстановлен». В американской информации сообщалось, что китайское правительство постоянно направляет свои войска во Внешнюю Монголию. По состоянию на

конец ноября 1919 г. в Хурээ было 2 500 солдат, в Маймачен – 500, в Улясутае – 150 солдат. 8-й полк, входящий в состав 3-й дивизии, получил приказ о передислокации в Хурээ, но из-за обильного снегопада и похолодания выдвинуться не смог [4, с. 103].

Однако практически все посольства России выступили против таких действий Китая. Советник посольства России в США Г. Г. Бах в обращении к правительству США подчеркнул, что китайская сторона откровенно нарушила Российско-китайско-монгольское соглашение 1913 и 1915 гг., объявив о присоединении к Китаю Внешней Монголии. Китай направил в Хурээ войска и под угрозой ареста монгольских министров и некоторых князей заставил их силой подписать документ о присоединении к Китаю. Богдо-гэгэн отказался поставить свою подпись под данным документом и все верующие, подавляющая часть населения поддерживают этот шаг Богдо. Из бесед с представителями народа в предварительном порядке видно, что только половина населения одного аймака поддерживает присоединение к Китаю. Нижняя палата Хурала не согласилась на ликвидацию автономии Монголии и приняла решение защищаться своими силами.

Посольство России в Париже 15 декабря 1919 г. сообщило правительствам стран Антанты, что правительство Китая уничтожило автономию Внешней Монголии, которая была признана по соглашению с китайским правительством в 1913 и 1915 гг. [4, с. 103–104].

В этих сложных политических условиях во Внешней Монголии возникают первые подпольные революционные кружки. В конце 1918 – начале 1919 г. в столице Внешней Монголии Хурээ-Урге возникли два нелегальных кружка. Один назывался «ургинский», другой «консульский», потому что функционировал при советском консульстве. Эти кружки ставили задачу изгнания из Монголии китайцев и создание этнически чистого независимого монгольского государства. Данные кружки быстро оказались под влиянием российских большевиков, которые находились в Урге. Этому в значительной степени содействовало послание советского правительства в августе 1919 г. «к монгольскому народу и правительству», в котором сообщалось об аннулировании всех тайных договоров Российской империи, направленных на закрепление ее влияния в Монголии [4, с. 294].

В послании подчеркивалось, что советское правительство официально заявляет, что Монголия – свободная страна. «Необходимо изгнать советников, консулов, банкиров и богачей правительства царской России, установивших гнет над монгольским народом силой денег и золота. Вся государственная власть и суд этой страны должны находиться в руках народа. Ни один иностранец не имеет право вмешиваться во внутренние дела Монголии». С аннулированием соглашения 1913 г. Монголия, обретая независимость, имеет полное право развивать связи с другими государствами «без опасений в отношении Пекина и Петрограда». Советское правительство «призывает установить дипломатические отношения с Россией и направить представителей свободной и независимой Монголии на встречу с Красной армией» [2, с. 216].

И если правительство Богдо-гэгэна старалось не доводить это послание до народа Внешней Монголии, то революционные кружки, наоборот, стали его широко пропагандировать. Влияние кружков на общественно-политическую жизнь в Монголии стало резко возрастать, что во многом способствовало росту симпатии монголов к Советской России.

Поворотным в существовании Внешней Монголии стало 25 июня 1920 г. В этот день в юрте Данзана состоялась встреча двух революционных кружков. И на этой встрече было принято решение о подготовке к созданию Монгольской народной партии. Рождение политической партии означало конец активному участию князей и хутухту, окружавших Богдо-гэгэна и возглавлявших движение монголов к независимости. Теперь им на смену пришла аратская интеллигенция, члены двух революционных кружков. На этом первом съезде был принят документ – программа, которая называлась «присяга партийцев». Она состояла из предисловия и девяти пунктов. В присяге указывалось, что цель Народной партии Внешней Монголии – изгнать из страны агрессоров, враждебных религии и расе, возродить потерянные права, восстановить настоящее государство и религию, усовершенствовать правительство, усилить внимание к интересам бедных и беднейших масс и построить новую счастливую жизнь без гнета и произвола.

В обращении этой партии к Советской России указывалось: «Искренне просим восстановить права всех монголов Халхи и четырех крупных аймаков (губерний), находившихся во владении

военных министров Улясутая, Урги и Кобде., покончить навсегда с таким понятием как “территория Китая”, и стать суверенным и независимым от Срединного государства» [2, с. 231–232].

Однако Япония продолжала искать повод, чтобы закрепиться в Монголии. Она помогла переброске в Монголию белогвардейских войск барона Унгерна. Они должны были захватить Хурээ-Ургу и использовать монгольскую территорию против большевистской России. В 1920 г. по мере продвижения Красной армии на восток войска барона Унгерна ушли из Даурии в Монголию. Главной его задачей было изгнание китайцев из Хурээ-Урги.

Первый штурм Урги был проведен 26 октября 1920 г. и окончился неудачей. Начались затяжные бои. Китайские войска ожесточенно сопротивлялись. Отступив, барон Унгерн сурово расправился с нарушителями дисциплины: перед строем был заживо сожжен прапорщик Чернов, полностью истреблена дезертировавшая офицерская сотня.

В декабре 1920 г. Унгерн снова подошел к Урге с отрядами, пополненными за счет монголов, тибетцев и бурят. В январе 1921 г. силы Унгерна разбили два китайских полка и путь к Урге был открыт. Но в это время в руках китайских войска оказался правитель Внешней Монголии Богдо-гэгэн. Для его спасения Унгерн направил специальный отряд, который и вывез Богдо-гэгэна из города. После этого 3 февраля 1921 г. в ходе штурма была захвачена столица Внешней Монголии – Хурээ-Урга, и барона Унгерна встречали как освободителя Монголии. Он принял участие в торжественной коронации Богдо-гэгэна в феврале 1921 г. За заслуги перед правителем Внешней Монголии Унгерну был пожалован титул «цин вана» (сиятельный князь) и хана (обычно доступный только по крови).

В период вторжения барона Унгерна в Ургу в его войска входили и японцы. Военное министерство США поручило своим агентам выяснить, есть ли в войсках Унгерна японские военные. Агенты США 24 марта 1921 г. сообщили в Вашингтон, что Унгерн захватил Хурээ силами, состоящими из 250 казаков, более чем 50 японцев, нескольких тысяч маньчжуров, монголов и бурят. Представитель японского военного командования в Маньчжурии генерал Мута выделил 100 тыс. руб. для набора в войска атамана Семенова японских добровольцев и бежавших в Маньчжурию

монголов и бурят. Всего было набрано 484 чел., создан батальон, который участвовал в штурме Хурээ [4, с. 114–120].

Закрепившись в Урге, барон Унгерн активно формировал местную власть, но сразу стал проявлять себя как диктатор, начав свое правление с резни китайцев и евреев, а также лиц, подозреваемых в левых настроениях.

В основе его режима были репрессивные меры. И это настораживало местное население, они все чаще стали поглядывать на Советскую Россию, тем более, что становилось очевидным поражение белого движения. Поняв эти настроения, Унгерн начинает искать контакт с Китаем. Не найдя поддержки, он решил уйти в Маньчжурию и там разоружиться, чтобы спасти часть людей. Монголы, видя, что Унгерн уже не собирается воевать с Китаем, полностью изменили к нему отношение [1, с. 580–584].

Насилия, грабежи, расстрелы, погромы Унгеровских воинов вызвали огромное недовольство со стороны монголов. И 1 марта 1921 г. в Маймачене, на границе с РСФСР было созвано совещание двух революционных кружков, на котором было объявлено о создании народно-революционной партии. Это совещание и вошло в историю как первый съезд Народной партии. Основной задачей партия ставила объединение всех сил страны для освобождения от иностранцев. Однако наряду с лозунгом национального освобождения выдвигалась и задача борьбы с феодалами, потому что аратская масса стала понимать, что без освобождения от феодальной кабалы при сохранении в стране прежнего господства князей и лам нет и не может быть никаких надежд на улучшение в будущем.

В освобожденном от белогвардейцев Маймачене было образовано временное народно-революционное правительство. Оно подчинило себе разрозненные партизанские отряды, которые вели борьбу против войск барона Унгерна. В акте об организации временного правительства 13 марта 1921 г. его задачи были сформулированы следующим образом: «Восставший монгольский народ стремится, во-первых, к освобождению страны от владычества чужеземных насильников, во-вторых, к созданию такого политического строя, который действительно защищал бы интересы трудовых масс и обеспечивал бы всестороннее развитие страны.

Исходя из вышеизложенного, во имя осуществления национального освобождения и воплощения в жизнь прав трудового

монгольского народа совещание сочло необходимым создание Временного народного правительства самостоятельной Монголии, свободной от влияний случайных внешних сил и дружественного с соседними демократическими державами» [5, с. 17].

Временное монгольское правительство 10 апреля 1921 г. обратилось к правительству РСФСР с просьбой об оказании вооруженной помощи в борьбе с белыми. Правительство Советской России было заинтересовано в ликвидации белогвардейского очага в Монголии, который являлся угрозой для российских границ, поэтому правительство РСФСР приняло предложение временного монгольского правительства о совместной ликвидации белогвардейцев в Монголии.

Дело в том, что барон Унгерн в конце мая 1921 г. направил свои войска к Троицкосавску, намереваясь выйти к Транссибу. Советское правительство понимало цель барона Унгерна. В июне 1921 г. советские войска совместно с монгольскими партизанами и монгольской народной армией разгромили основные силы Унгерна, но отдельные отряды разбрелись по Монголии [5, с. 17–18]. Конечно же, присутствие войск Красной армии укрепляло позиции революционных сил Внешней Монголии и позволяло им более активно, инициативно действовать в борьбе за завоевание и удержание власти.

Намереваясь принять участие в Вашингтонской конференции, на которой продолжали подводиться итоги Первой мировой войны, советское правительство с весны 1921 г. стало более пристально заниматься Дальним Востоком и Внешней Монголией. Министр иностранных дел Советской России Чечерин 1 июня 1921 г. направил ноты с осуждением японской агрессии на Дальнем Востоке и в Монголии в адрес правительств Англии, Франции, Италии и других стран.

В советской печати сообщалось, что бандиты барона Унгерна при японской военной помощи совершают убийства в Монголии и готовятся напасть на Советскую Россию с ее территории. Парламент Дальневосточной Республики (ДВР) принял решение о передаче Камчатки Советской России, чтобы показать, что у Советов имеется выход и Тихому океану и право участвовать в решении вопросов Дальнего Востока.

В связи с конференцией в Вашингтоне правительство США 1 октября 1921 г. дало указание Шурману – своему послу в Китае – срочно дать информацию о положении дел в Хурээ и Внешней Монголии. Посол сообщил, что Советская Россия установила контроль в восточной и западной частях Монголии. На середине пути на Калган создала таможенный пост и при наступлении на юг захватила Хурээ. США были недовольны пассивностью Китая, так как они были на стороне китайских интересов в монгольском вопросе. Консул США в Калгане Сокобин постоянно следил за взаимоотношениями между Россией, Китаем и Японией по отношению к Внешней Монголии.

США в то время относились к Внешней Монголии с позиций ограничения влияния Японии и России на Дальнем Востоке, сохранения территориальной целостности и административного единства Китая для развития торговли и инвестиций в его экономику [4, с. 114–115]. Япония, исходя из своих интересов, оказывала давление на правительство Китая, чтобы оно не разрешало Сокобину поездки в Хурээ, с целью недопущения проникновения США в Монголию. В свою очередь, США требовали от Японии вывода ее войск с Дальнего Востока. На Вашингтонской конференции было предъявлено требование и к России о выводе войск из Внешней Монголии. Советский представитель А. К. Пайкес заявил, что ввод советских войск на территорию Монголии был неизбежным действием, направленным на подавление угрозы со стороны белых. Как только такая угроза перестанет существовать, войска будут выведены из Монголии настолько быстро, насколько это возможно [4, с. 114].

В этот период руководители молодого монгольского государства настойчиво искали надежного защитника от Китая. Их надежды связывались, как правило, с Россией, но были и сторонники привлечения Японии и США. Так, 15 февраля 1921 г. представители временного правительства Богдо-гэгэна обратились к торговой фирме США с просьбой передать приглашение консулу США в Калгане приехать в Монголию, познакомиться с положением дел, а также просьбу к США выступить посредником между Монголией и Китаем. Американцы приняли приглашение и решили направить консула Сокобина из Калгана в Хурээ-Ургу. Он пробыл в Хурээ с 18 августа по 14 сентября 1921 г. Сокобин

встречался с руководителями Внешней Монголии, выяснял их позиции. Представитель Советской России Б. З. Шумяцкий по поводу пребывания консула США Сокобина в Хурээ сообщал в Москву, что американский посол обещает от имени Вашингтона экономическую помощь, чтобы получить мандат США на посредничество между Монголией и Китаем. В Хурээ-Урге многие высказывались за выдачу США мандата на посредничество. В эту кампанию был вовлечен и Богдо-гэгэн. Москва же настаивала, что давление со стороны представителя США неуместно, что правительство революционной Монголии должно требовать от Богдо-гэгэна отвечать представителям США, что по делам государственного характера нужно вести переговоры только с правительством. Народно-революционное правительство предложило Богдо-гэгэну при направлении письма в США отправить также ноту о посредничестве между Китаем и Внешней Монголией Советской России. И 10 сентября 1921 г. премьер-министр Внешней Монголии Бодао обратился к Советской России с просьбой о посредничестве между Монголией и Китаем.

Уже 14 сентября министр иностранных дел Советской России Г. В. Чечерин ответил согласием. В ответ на это согласие Сокобин докладывал в Вашингтон, что Советы требуют от Китая гораздо больше, чем признание независимости Монголии. При переговорах с Китаем по вопросу о Внешней Монголии у России нет цели предоставить независимость Монголии или освободить монгольский народ от иностранного гнета. Здесь идет игра на вовлечение иностранных держав в сношения с собой для принуждения китайского правительства признать Советы как одну из держав [4, с. 119].

Понятно, что представители Советской России внимательно следили за деятельностью Сокобина в Монголии. Представитель Советов Б. З. Шумяцкий докладывал, что Сокобин за все время пребывания в Хурээ-Урге стремился отдалить монгольское народное правительство от своего народа и объединить князей для устранения этого правительства. Но в конце августа 1921 г. в Хурээ состоялся большой хурал с участием аратов, чиновников, князей, лам разных хошунов, представителей партии и правительства, который одобрил образование народного правительства с ограниченной монархией.

Консул США считал, что советские войска взяли под контроль территорию, полноправно принадлежащую Китаю. И рано или поздно Советской России придется начать переговоры о выводе Красной армии. И что монгольский вопрос – это не вопрос Монголии и Китая, а вопрос советско-китайских отношений, и будет ли Монголия открыта или нет – зависит не от монгольского правительства, а от России. Если Китай не будет вести переговоры с Москвой, то Монголия будет продолжать отдаляться от Китая и в политическом плане будет сливаться с Советами. Он также считал, что советские войска полностью установили свой контроль в Монголии и, как только они уйдут из этой страны, Богдо-гэгэн и монгольские князья смогут убрать нынешнее правительство и создать монархию, связанную с Китаем. Китайцы понимают, что нынешнее монгольское правительство – одно название, и что по любым вопросам надо говорить с Россией [4, с. 122–123].

Первым иностранным государством, которому монгольское правительство сообщило о своем образовании, была ДВР. 10 июля 1921 г. министр иностранных дел Временного народно-революционного правительства направил ноту министру иностранных дел ДВР об образовании во Внешней Монголии постоянного народно-революционного правительства. В ноте подчеркивалось, что полномочные представители от Монгольской народной партии, Богдо-Хана, халхасских ванов, гунов и лам, прибыв в Кяхту, образовали монгольское народно-революционное правительство, которое, собрав войска, прогнало китайцев, присоединилось к войскам Советской России, обратило в бегство войска барона Унгерна и вошло в Ургу.

И далее особо выделяется, что многочисленное собрание представителей монгольского народа, собравшись 5 числа 6 луны в 11 год со времени получения автономии (по-европейски 10 июля), обсудив вопрос о текущем моменте в стране постановило: «Образовать монгольское народно-революционное правительство, возглавляемое Богдо-Ханом, которого в этот счастливый день возвели на престол освобожденной Монголии» [6, с. 7–8]. В данной ноте выражалась надежда на помощь и дружбу к их взаимной пользе.

12 июля 1921 г. Временное монгольское правительство обратилось к правительству РСФСР с просьбой не выводить части Красной армии из пределов Монголии до момента окончательной

ликвидации угрозы со стороны общего врага. В обращении подчеркивалось, что правительство Монголии вынуждено просить об этом, поскольку правительство еще не закончило своего оформления и создания аппарата власти, а присутствие советских войск будет способствовать безопасности на территории Монголии и на границах Советской России [6, с. 8].

Вероятно, в Москве тщательно анализировали это обращение монгольского правительства, потому что только 10 августа 1921 г. министр иностранных дел Советской России Чечерин телеграммой сообщал, что Российское правительство принимает решение дать этому ходатайству полное удовлетворение. И здесь же отмечалось, что советские войска будут выведены из Монголии, как только будет устранена угроза свободному развитию монгольского народа и безопасности России и ДВР.

В заключении этой телеграммы отмечается, что российское правительство убеждено, что совместными усилиями двух народов, борющихся против насилия царских генералов и против иностранной эксплуатации и гнета, в ближайшем будущем будет окончательно обеспечено свободное развитие монгольского народа на базисе его автономии, и в результате организации аппарата народно-революционной власти в Монголии в ней будет окончательно установлена на прочной основе народно-революционная власть. Здесь прямо указывается, что Москве нужна во Внешней Монголии только народно-революционная власть.

В сентябре 1921 г. народное правительство Монголии приняло решение установить дружеские отношения с Советской Россией и направить в Москву официальную делегацию. В состав делегации вошли заместитель премьер-министра, министр финансов, член Президиума ЦК Монгольской народной партии Сомейн Данзан, главнокомандующий Народной армией, военный министр Дамдин Сухэ-Батор, заместитель министра иностранных дел Баленштейн Цэрэндорги, личный представитель Богдо-Хана, вице-министр Эрдэнэ тонон вана Ширнэндамдин. Сотрудник министерства иностранных дел Даваа вошел в состав делегации как секретарь, сотрудник правительственного отдела Эрдэнэ Батхаан – как переводчик.

Министр иностранных дел Бодоо передал членам делегации печать и все необходимые документы для переговоров. В докумен-

тах особо выделялось, что «делегация во главе с Данзаном уполномочена вести переговоры и заключить договор с правительством Советской России. В письме министра иностранных дел Бодоо подчеркивалось: «Наделяем властью вести переговоры, заключать и подписывать документы с правительством Советской России... После ознакомления с данным письмом просим у правительства России разрешения на торговлю, а также просим обсуждать все вопросы, связанные с Россией и Монголией, с полномочным министром Данзаном...» [2, с. 251–52].

Делегация выехала из Урги в конце сентября 1921 г. и прибыла в Москву в начале октября. Правительственную делегацию Советской России возглавлял С. Духовский – начальник восточного отдела народного комиссариата по внешним делам, также в нее вошли сотрудник секции по вопросам экономики и права Б. Бец, сотрудник народного комиссариата по иностранным делам А. Берлин был назначен секретарем делегации, а переводчиком – Очиров.

В организации работы монгольской делегации активное участие принимал Б. З. Шумяцкий, которого считали экспертом по Монголии. Он присоединился к Монгольской делегации в Иркутске. В письме к Ленину Шумяцкий писал: «Мы посоветовали Народной революционной партии не игнорировать живого Будду, Хутухту Богдо-Хана и обеспечить ему ограниченную монархию с условием не вмешиваться в дела правительства, стараться уклоняться от конфликтных ситуаций, предоставлять новому правительству, т. е. правительству буржуазно-демократических сил, взять превосходство над религией, но в очень тактичной форме... Будет неуместно советовать им осуществить в Монголии власть просоветского типа, потому что в этой стране, отставшей от Советской России на 200 лет, 44 % мужского населения представляют священнослужители и богопреклонение перед Богдо достигло предела. Все, начиная ламами и послушниками, следуют за Богдо-гэгэном, и буржуазная революция в такой стране станет величайшим революционным достижением... В Монголии происходят коренные изменения и прослеживается явная ориентация на Советскую Россию. В последнее время в Урге встречается много американцев и японцев, которые деньгами и товарами пытаются привлечь монголов на свою сторону и превратить в своих друзей, но

монголы доказывают нам свою верность. Правящая Народная революционная партия не является членом Коминтерна, с детской непосредственностью считает себя нашим верным товарищем...» [4, с. 253–254].

Дискуссии между советской и монгольской делегациями проходили в вежливой, уважительной форме по всем пунктам переговоров. Например, советская делегация предложила заключить новый тройственный договор «о будущей автономной Монголии, которая будет создана в рамках Китайской республики», в качестве посредника между Монголией и Китаем выступит Россия, однако монгольская делегация отклонила это предложение.

Надо учитывать то обстоятельство, что Советская Россия была очень заинтересована в установлении дружественных отношений с Китаем как одной из ведущих стран. И поддержка просьбы делегации Внешней Монголии о признании независимости от Китая была затруднительна.

В ходе дискуссии о выходе из такого затруднительного положения учитывались и геополитические интересы Советской России. В письме В. И. Ленину Чечерин писал: «Революционное правительство Монголии – это туз в наших руках. Создание такого правительства разрушает планы японцев об антиреволюционном фронте, который бы простирался от берегов Тихого океана до Каспийского моря. Это значит, что границы Советской России будут заслонены дружественной Монголией и будут находиться в полной безопасности...» [4, с. 252].

Безусловно, монгольская делегация хотела, чтобы Советская Россия признала Внешнюю Монголию независимой. Но в ноте советского правительства правительству Внешней Монголии об оставлении войск Красной армии в Монголии в августе 1921 г. неоднократно подчеркивались слова «автономная Монголия», а это означало, что и Советская Россия признает автономию Внешней Монголии в составе Китая.

В ходе дискуссии в статье «О скорейшем соглашении Среднего государства и свободной Монголии при непосредственном участии Советской России» по предложению монгольской делегации термин «свободная Монголия» ввели в текст таким образом, чтобы можно было понять, что советская сторона признает независимость Монголии [4, с. 256–257].

Переговоры делегаций завершились подписанием 5 ноября 1921 г. (т. е. 6 числа 10 месяца по лунному календарю «многими возведенного» 11 года) соглашения об установлении дружественных связей. Соглашение подписали и утвердили печатью с советской стороны Духовский и Гец, а с монгольской стороны – Данзан, Сухэ-Батор, Цэрэндорж и Ширэнэндамдин. Статья 1 этого документа утверждала: Правительство РСФСР признает единственным законным правительством Монголии народное правительство Монголии. Это было первое международное признание новой свободной Монголии [6, с. 13].

Таким образом, важнейшими предпосылками подписания первого советско-монгольского соглашения от 5 ноября 1921 г. явились:

1. Продолжение традиции искать защиты от Китая в российском государстве. Значительный опыт сотрудничества, накопленный за 1914–1917 гг.

2. Попытка Китая силовым методом ликвидировать автономию Внешней Монголии способствовала объединению патриотических сил самого разного уровня: князей, лам, арактов, чиновников.

3. Оформление новых политических сил в лице первых политических кружков и создание Народной революционной партии.

4. Попытка белогвардейцев, войск барона Унгерна объединить всех монголов и бурят в единое Монгольское государство провалилась. Именно правящая элита Внешней Монголии была против такого объединения.

5. Обращение к Советской России за помощью для изгнания белогвардейцев и барона Унгерна привело к укреплению связи Внешней Монголии с Советской Россией. Координация действий Красной армии, монгольских войск и партизанских отрядов способствовала освобождению территории Внешней Монголии от недругов. Присутствие Красной армии позволяло влиять на правительство Внешней Монголии.

6. Для окончательной победы революционных сил, налаживания постоянного сотрудничества и признания Внешней Монголии как самостоятельного государства необходимо было подписание какого-либо документа международного характера с другими странами. И первой такой страной, которая 5 ноября 1921 г. под-

писала соглашение из 13 пунктов, была Советская Россия. Это стало возможным благодаря постоянным контактам представителей Советской России с наиболее революционной частью монгольского населения.

7. Соглашение с Советской Россией стало возможным благодаря гибкой политике Монгольской народной партии, которая не копировала советский опыт радикального решения вопроса о власти, а временно пошла на установление ограниченной монархии, что несколько успокаивало активных противников нового правительства.

8. Значительную роль в поддержке новой власти играл созданный в Улан-Баторе 25 августа Революционный союз монгольской молодежи. Он имел тесные связи с такими же организациями Советской России (особенно Иркутска) и даже других стран через коммунистический интернационал.

9. Важную роль в обеспечении широкой поддержки народного правительства и Народной революционной партии сыграла периодическая печать, которая полностью контролировалась новой властью. Первый номер газеты «Монгольская правда» (Монголын унэн) как органа Монгольской народной партии был напечатан в Иркутске в бывшей типографии П. И. Макушина и В. М. Посохина 10 ноября 1920 г. Всего в Иркутске вышло шесть номеров этой газеты [7, с. 524]. В иркутской летописи 25 марта 1921 г. отмечено, что в этот день вышел четвертый номер «Монгольской правды» на монгольском языке [7, с. 434].

10. Определенную роль в укреплении новой власти сыграли и созданные еще в 1917 г. монгольские профсоюзные органы. Они всегда поддерживали интересы трудового аратства, способствовали распространению революционно-освободительных идей среди населения Внешней Монголии. Монгольские профсоюзы назывались «Союз рабочих и служащих». Значительная часть членов профсоюза поддерживала политику Народно-революционной партии.

Все эти предпосылки способствовали укреплению позиций новой революционной власти и при активной поддержке Советской России постепенно законодательно закреплялась народная власть и обеспечивалась возможность для проведения всех последующих прогрессивных преобразований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Монгольская историческая энциклопедия. Улан-Удэ, 2015. 687 с.
2. *Баабар* История Монголии: от мирового господства до советского сателлита / Баабар. Казань : Татарское кн. изд-во, 2010. 542 с.
3. Всемирная история: Итоги первой мировой войны. Мн. : Харвест, М. : АСТ, 2002. 512 с.
4. *Равдангийн Болд* Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США – Россия – Китай. 1910–1973 / Болд Равдангийн. М. : Весь мир, 2015. 399 с.
5. *Викторов С.* Монгольская народная Республика / С. Викторов, Н. Халхин. М. : Гос. соц.-экон. изд-во. 1936. 62 с.
6. Советско-Монгольские отношения 1921–1966. М. : Наука, 1966. 360 с.
7. *Романов Н. С.* Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 559 с.

УДК 675(571.5)(9)

А. В. Неклюдова*

РАЗВИТИЕ КОЖЕВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГУБЕРНСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ГОРОДАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кожевенное производство в начале XX в. являлось традиционной отраслью обрабатывающей промышленности в Восточной Сибири и было сосредоточено в основном в Иркутской губернии. В годы Первой мировой войны изменилась экономическая конъюнктура, что привело к закрытию большого количества мелких и средних предприятий. В статье рассматриваются изменения, произошедшие в работе кожевенных предприятий в военные годы, сконцентрированных в таких крупных городах, как Иркутск, Чита, Красноярск. Приводятся данные о количестве кожевенных фабрик, заводов и мастерских накануне и в годы войны, их размерах, промышленных оборотах, ассортименте производимого товара, числе рабочих. Показана важность размещения государственных заказов на данных предприятиях, а также роль Иркутска как центра организации военной экономики Сибири и регулятора в распределении военных заказов, льгот и кредитов. Анализируются проблемы, с которыми столкнулись кожевенные предприятия, начиная от поставок качественного сырья и заканчивая нехваткой трудовых ресурсов в регионе. Определены причины технического переоснащения ряда кожевенных предприятий. Обозначены меры, предпринимаемые правительством и местной властью, для поддержки промышленного производства, работавшего на оборону страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, кожевенное производство, Восточная Сибирь, государственный заказ, рынок труда, промышленное производство, обрабатывающая промышленность, военный заказ, сырье.

* **Неклюдова Анастасия Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

A. V. Neklyudova

DEVELOPMENT OF LEATHER PRODUCTION IN THE PROVINCIAL AND REGIONAL CITIES OF EASTERN SIBERIA DURING THE FIRST WORLD WAR

At the beginning of the XX century, leather production was a traditional branch of the processing industry in Eastern Siberia and was concentrated mainly in the Irkutsk province. During the First World War, the economic situation changed, which led to the closure of a large number of small and medium-sized enterprises. The article discusses the changes that occurred in the work of tanneries during the war years, concentrated in such large cities as Irkutsk, Chita, Krasnoyarsk. The data on the number of tanneries, factories and workshops on the eve and during the war, their size, industrial turnover, assortment of goods produced, the number of workers are given. The importance of placing government orders at these enterprises is shown, as well as the role of Irkutsk as the center of the organization of the military economy of Siberia and the regulator in the distribution of military loans, benefits and credits. The problems faced by leather enterprises are analyzed, ranging from the supply of high-quality raw materials to the shortage of labor resources in the region. The reasons for the technical re-equipment of a number of tanneries are determined. The measures taken by the government and local authorities to support industrial production that worked for the country's infrastructure are outlined.

KEYWORDS: *World War I, leather production, Eastern Siberia, state order, labor market, industrial production, manufacturing industry, military order, raw materials.*

В начале XX в. города Восточной Сибири были центрами сосредоточения торговли, промышленности и ремесленного производства. Промышленный потенциал городов был направлен в основном на удовлетворение потребностей местных рынков. Первая мировая война, ставшая серьезным испытанием для России и ее окраин, изменила эту ситуацию. В Восточной Сибири началась массовая мобилизация рабочих, крестьян, представителей других слоев населения призывного возраста. Уход на фронт значительной части мужского трудоспособного населения не мог не сказаться на социально-экономическом положении региона. Повсеместно уменьшались посевные площади и поголовье скота, сокращалось количество промышленных предприятий, особенно средних и мелких. Однако некоторые отрасли благодаря государственным воен-

ным заказам были на время «реанимированы» и получили толчок для развития. Одной из таких отраслей обрабатывающей промышленности, традиционной для Восточной Сибири, было кожевенное производство. Оно так же, как и другие отрасли, зависело от общей экономической конъюнктуры, роста поголовья скота, а в военные годы – от государственных заказов.

К началу XX в. кожевенное производство в Восточной Сибири в основном было сосредоточено в Иркутской губернии, где играло одну из ведущих ролей в обрабатывающей промышленности и составляло почти 1/4 часть от остального числа предприятий [1, с. 108]. Все эти предприятия находились в Иркутске. Годовой оборот крупнейшего кожевенного завода составлял 32 тыс. руб. (завод А. К. Брянского и А. И. Кислянской), остальные были среднего размера с годовым оборотом 9 тыс. руб. Несколько предприятий, принадлежавших Н. А. Кислицину, Х. Ютису и Н. Ф. Лаврентьеву, можно было отнести к мелкому производству. Каждое из этих предприятий в среднем за год вырабатывало продукции на 4,6 тыс. руб., имея только по два рабочих [2, с. 190]. В первый год войны в Иркутске заработали новые кожевенные заводы П. П. Гундерина, И. И. Гутмана и братьев Фукс, а также фабрика обуви С. А. Гловацкого. Эти предприятия имели годовой оборот порядка 10 тыс. руб. [3, с. 307–309, 937].

Иные позиции в начале XX в. по развитию кожевенного производства занимали Красноярск и Чита. Так, по данным фабрично-заводской статистики, в Красноярске работал один небольшой кожевенный завод Г. Ф. Колегова, который имел годовой оборот 3 тыс. руб., и два мелких кожевенных предприятия А. М. Егорова и А. А. Толшина [4, л. 40–41].

В Чите функционировало только одно кожевенное предприятие купца Н. А. Колеша, производившее катанки и войлок. На рубеже веков оно стало самым крупным в городе, превосходя по размерам годовой производительности (22 тыс. руб.) красноярские и большинство иркутских кожзаводов [2, с. 190]. Постепенно количество кожевенных предприятий в Чите увеличилось. Накануне войны заработали небольшой шубно-пимокатный завод Л. А. Солобоева, который выделял шубы и полушубки; кожевенный завод наследников А. И. Исаева, вырабатывавший дверной войлок

[3, с. 296]; крупный кожевенный овчинно-катальный завод Г. М. Голумба с годовым оборотом 53 тыс. руб. [5, с. 14]. В отличие от Читы Красноярск в предвоенные годы не мог похвастаться появлением хотя бы небольших кожевенных предприятий.

В годы Первой мировой войны в кожевенном производстве губернских городов Восточной Сибири произошли серьезные изменения. В этот период Иркутск очень быстро превратился в один из немногих центров организации военной экономики на сибирской территории. Накануне войны в Иркутске располагалось и губернское, и Восточно-Сибирское управления. В частности, Иркутск являлся центром Иркутского генерал-губернаторства Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской и Якутской областей, Иркутского военного округа, Главного управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири и Управления Забайкальской железной дороги. Здесь же в городе находились Управление акцизными сборами Иркутской губернии и Якутской области и Управление земледелия и государственных имуществ Иркутской губернии и Забайкальской области. Благодаря главенствующему административному и управленческому положению в Восточной Сибири, Иркутск использовал привилегии распределения военных заказов и получения от государства льгот и кредитов [1, с. 109].

В сентябре 1914 г. состоялось обращение министра внутренних дел Н. А. Маклакова ко всем губернаторам, в том числе к сибирским, с указанием привлечь всех мастеров в городах и за их пределами к работе на заводах, фабриках и мастерских, которые производят продукцию для снаряжения армии [6, л. 238]. Год спустя с предложением усилить работу по обеспечению российской армии всем необходимым обратился к Степному, Иркутскому, Приамурскому генерал-губернаторам приемник Н. А. Маклакова – Н. Б. Щербатов, но уже от имени Особого совещания по усилению снабжения действующей армии [7, с. 174]. В итоге летом 1915 г. была создана сеть военно-промышленных комитетов (ВПК), которые начали активно заниматься получением и распределением военных заказов.

В декабре 1915 г. в Иркутске было учреждено Заводское совещание Сибирского района, которое являлось региональным

представительством Особого совещания по обороне государства. Заводское совещание занималось рабочим вопросом, распределением заказов, контролем перевозок и обеспечением топливом предприятий, обследованием металлических, кожевенных заводов и другими вопросами. К 1916 г. сумма заказов на оборону в Иркутском генерал-губернаторстве достигла 5,4 млн руб., а по Сибири она составила 20,9 млн руб. [8, л. 190 об.], т. е. сумма заказов Иркутского генерал-губернаторства приблизительно равнялась 1/4 от суммы общесибирского заказа. К материально-вещевому снабжению армии было привлечено довольно большое количество предприятий и ремесленников Иркутска.

С осени 1915 г. под руководством Иркутского окружного интендантского управления (ОИУ) начались первые крупные заготовки для фронта. Главное интендантское управление на такие военные заготовки активно предоставляло кредиты. Заказы на поставки получили читинский овчинно-шубный и пимокатный завод Л. А. Солобоева, иркутские овчинно-шубные мастерские М. П. Залесовой, И. Ф. Капустина, К. И. Федина и др. В итоге, Иркутским ОИУ к работе на армию было привлечено 11 частных и казенных предприятий, учреждений Иркутска и губернии, сумма заказов для которых составила 602 тыс. руб. [7, с. 137].

В 1916–1917 гг. в Иркутске действовало семь крупных кожевенных предприятий: ТД «У.Е. Фукс и К°», братьев Мокеевских, И. И. Гутмана и И. С. Вотинцева, занимавшихся производством юфти, мостовья и конины [9, л. 8, 14, 20, 31, 32], а также заводы П. А. Юциса, И. Лукина и С. Л. Сачкова. Всего в 1917 г. в Иркутске работало 25 кожевенных предприятий, из них десять кожевенных заводов, десять шорных и пять шубных мастерских. Необходимо отметить, что эти предприятия не только выполняли государственные заказы, но и снабжали своей продукцией города и окрестности. Так, сапожные и шорные мастерские полностью обеспечивали местный рынок, шубные мастерские захватывали еще и провинцию.

В 1917 г. в Красноярске располагалось крупнейшее из кожевенных предприятий Енисейской губернии – кожевенный завод Товарищества «М. Т. Харитонов и М. И. Анофриева», который в год производил 8 тыс. кож (подошвы, полувал, юфти и мостовья,

опойки, конины, бараньих кож, сыромяти). Из других заводов можно отметить кожевенные заводы К. Касимовцева, Ф. Потылицыной, Колегова [10, с. 158–159], Строганова, сапожную мастерскую Красноярского ВПК, где широко использовали труд военнопленных.

В Чите только десять кожевенных предприятий работали исключительно на оборону. В первую очередь это уже упомянутый шубно-пимокатный завод Л. А. Солобоева, который еще в предвоенные годы увеличил свою производительность в шесть раз (в 1912 г. – 50 тыс. руб.) [5, с. 14]; крупный завод С. И. Чернова, начавший свою работу в 1913 г.; кожевенный завод Г. А. Равве, который функционировал с 1916 г. К этому можно добавить кожевенно-овчинный, шубный, войлокотно-пимокатный завод Я. Е. Окулова, получавший довольно крупные военные заказы на сумму 300 тыс. руб. [11, с. 127], два небольших овчинно-шубных завода М. К. Неустроева и М. К. Шахматова, кожевенные заводы З. И. Андоверова, Читинского Товарищества кожевенного производства, шорный завод С. М. Цына, который изготавливал обувь, и шорно-седельное заведение П. С. Масленникова. Также в городе работали кожевенный завод Соколова и Теплякова, Голумба, сапожная мастерская. Несмотря на то, что Красноярск и Чита отставали от Иркутска по количеству сосредоточенного кожевенного производства, тем не менее, по отчетам фабричных инспекторов, в Забайкалье в целом насчитывалось 23 кожевенных предприятия (15 кожевенных, 4 кожевенно-овчинно-шубных, 2 овчинно-шубно-пимокатных, 2 шорно-седельных), в Енисейской губернии было 21 предприятие (19 кожевенных заводов и 2 мастерских по сапожному и шорному делу). Располагаясь по уездам, они помогали наполнять местный рынок необходимым товаром, что было важно для военного времени, когда наблюдался дефицит товара, рост спекулятивных операций.

В сложный военный период промышленность России практически не получала технического переоснащения. Один из членов Государственного совета В. И. Денисов в записке «Как нам использовать настоящую войну в целях устранения вековой экономической отсталости...» отметил, что техническое переоснащение отечественной промышленности за счет своей страны не-

возможно в ближайшем будущем при трехмиллиардном бюджетном напряжении, внешнем долге и территориальных размерах государства. Однако многие сибирские владельцы кожевенных заводов, сапожных мастерских понимая, что казенные заказы дадут хорошую финансовую выгоду, решились на немалые расходы по техническому переоснащению и расширению своего производства [1, с. 111]. Такого рода изменения можно было наблюдать на кожевенных предприятиях ТД «У. Е. Фукс и К°», Товарищества «И. И. Гутман и сын», Товарищества «Братья Мокеевские», на новом заводе Сибирско-Монгольского торгово-промышленного акционерного общества. Обновление технической базы и энергосиловых установок привели к увеличению объемов производства предприятий в два и более раз. Например, если до 1915 г. завод И. И. Гутмана производил до 3 тыс. кож в год, то к 1917 г. он увеличил производительность до 6 тыс. кож. Также увеличил свою производительность более чем в два раза кожевенный завод братьев Мокеевских.

Накануне войны в кожевенную отрасль Восточной Сибири стал проникать акционерный капитал. Крупнейшим из акционерных обществ в Сибири было Сибирско-Монгольское торгово-промышленное акционерное общество, которое имело уставной капитал более 200 тыс. руб. Оно было создано в Иркутске в 1912 г. и занималось в основном внешнеторговыми операциями с Монголией. Из Монголии были налажены поставки сырья, которое перерабатывалось на кожевенном заводе самого общества под Иркутском. В числе учредителей общества были такие купцы, как И. Д. Камов, С. Л. Кринкевич, Я. Г. Патушинский, В. М. Посохин, Я. Д. Фризер, а также Б. П. Шостакович, который на тот момент являлся управляющим Иркутским отделением Государственного банка.

За период с августа по декабрь 1915 г. общество в самом Иркутске построило предприятие «Сибиро-Монгол», которое стало не только самым крупным, но и самым технически оснащенным заводом в городе. Он располагался в двухэтажном кирпичном здании, где был водопровод, канализация и вентиляция. При нем были небольшие электростанции и две паровые машины Николаевского завода, прокатный стан, кора мельница, 10 зольных, 75 ду-

бильных чанов. Кроме того, завод ждал поступления строгальной, двойной, растягивальной, мездрильной, спиловочной машин. Производительность предприятия доходила до 25–30 тыс. подошвенных кож и юфти в год. Считалось, что при полном техническом оснащении завода объем производства мог достигнуть 50 тыс. кож [12, с. 40]. В 1916 г. комиссия по осмотру кожевенного завода Сибирско-Монгольского торгово-промышленного акционерного общества в докладе отметила отличное качество товара и организационно грамотное производство продукции.

В начале войны большое количество мелких и средних предприятий в Восточной Сибири закрылось, многие были близки к этому, так как не смогли приспособиться к новым условиям, остались без заказов, а главное – испытывали нехватку сырья и рабочих рук.

Для кожевенных заводов (как и для заводов по обработке металлов) серьезной проблемой было обеспечение их сырьем. В 1914 г. для того чтобы поддержать кожевенные заводы в Иркутске была образована единственная на всю губернию комиссия для снабжения сырьем предприятий и контроля качества кожевенных изделий. Однако работы этой комиссии было недостаточно, так как ее деятельность была направлена на развитие только местного потенциала кожевенного производства. Комитет кожевенных заводчиков при Совете съездов предпринимателей торговли и промышленности отмечал, что война застала русскую кожевенную промышленность врасплох, так как заготовка сырья и дубильных материалов, производимая осенью, не могла осуществляться из-за общего расстройств хозяйственного механизма в стране. Это расстройство в первую очередь выразилось в дороговизне и недостатке транспортировочных средств и рабочих рук, в массовых неплатежах. Цены на сырье поднялись на 25–40 %, подорожали химические материалы, а некоторые из них просто исчезли с рынка.

Вопрос сырьевой базы для кожевенного производства региона постарались решить в 1915 г. Главным поставщиком кож стала экспедиция под руководством полковника П. К. Козлова, занимавшаяся в Монголии закупкой скота для нужд действующей армии, а год спустя к снабжению сырьем присоединилась снова со-

зданная Восточно-Сибирская районная кожевенная комиссия, располагавшаяся в Иркутске.

Существовавшие цены на сырье не всегда соответствовали его качеству и часто не устраивали потребителей. Причем эта проблема была не только регионального, но и общероссийского характера. Министерство торговли и промышленности признавало ограниченность рынка сырья и отмечало, что «лишь при появлении больших партий кож цена могла бы упасть до 25 %» [13, л. 35]. В 1917 г. Заводское совещание Сибирского района отмечало в своем протокольном постановлении, что Восточно-Сибирское общество кожевенных заводов, включавшее 25 предприятий в Иркутске и Усолье, закупало сырье по вольным ценам. Такая ситуация в итоге могла привести к значительному сокращению производительности кожевенных заводов, поэтому Министерство торговли и промышленности вынуждено было принять крайние меры для удержания цен на сырье. Так, в постановлении министерства от 14 ноября 1915 г. отмечалось, что если из-за увеличения цены на сырье поставщиком сделка будет отменена, то поставщик мог подвергнуться тюремному заключению сроком до 1 года 4 мес. [14, с. 3]. Данные дела, как правило, рассматривали окружные суды.

Для поддержки кожевенной отрасли правительство предприняло ряд других мер. Кроме введения нормировки цен и снабжения предприятий сырьем, оно отменило административную меру, значительно сокращавшую кожевенное производство, которая выражалась в запрете вывоза готовых кож и сырья за пределы одного района.

Другой проблемой были сроки доставки сырья и провоз товаров по железной дороге. Уже с 1915 г. начали наблюдаться серьезные перебои, к 1917 г. ситуация стала катастрофической. Так, в печати обсуждался развал железнодорожного хозяйства. В газете «Наш путь» отмечалось, что зимой 1917 г. на Забайкальской железной дороге вышло из строя 5–7 % вагонов, в мае почти 30 % вагонов, паровозов – 30 %, причем около 10 % паровозов «ходили на костылях» [15, с. 1].

В военные годы кожевенное производство столкнулось еще с одной трудностью – расстройством рынка труда. В 1914–1915 гг.

проводимая мобилизация мужского населения и значительное уменьшение притока рабочих из-за Урала сократили размеры рабочего рынка. Если в 1912 г. из Европейской части России в Сибирь пришло более 37 тыс. рабочих, то в 1915 г. – около 11 тыс. [16, с. 154].

Обеспечение кожевенных предприятий рабочими руками являлось важной задачей правительства. В годы войны Министерство торговли и промышленности через Комитет по делам кожевенной промышленности собрало у владельцев заводов сведения о наличии рабочей силы и о необходимом количестве рабочих для наилучшей производительности предприятий, а затем приняло ряд мер для предоставления им рабочей силы из различных источников.

В 1915 г. был принят закон о предоставлении отсрочек военнообязанным, которые трудились на предприятиях, работавших на оборону. В 1914–1915 гг. наблюдалось широкое применение на городских промышленных предприятиях, в том числе и кожевенных, труда военнопленных, «реквизированных» малых народов Сибири, а также беженцев и контрактных иностранных рабочих, в основном китайцев и корейцев. Использование данной рабочей силы достигло максимума в 1916–1917 гг. При этом государство пыталось регламентировать использование такого рода труда. Например, в правилах об отпуске военнопленных для работ на частных промышленных предприятиях было записано, что такие рабочие направлялись в отпуск только по заявлениям владельцев предприятий и с согласия фабричных инспекторов. Их охрану должна была обеспечивать местная полиция. Важным условием было то, что количество военнопленных, работающих на предприятии, не должно было превышать 15 % от всего числа рабочих.

Тем не менее на предприятиях региона трудилось много военнопленных. Так, на территории Забайкальской области было размещено около 80 тыс. рабочих такого рода (немцев, венгров, чехов, турок и т. д.). Из них более 32 тыс. трудились в районе Читы, 2,5 тыс. – в Нерчинске, а также в Верхнеудинске и Троицкосавске [17, с. 235].

Контролировать ситуацию на рынке труда пытались и местные власти. Сложная военная обстановка требовала обеспечить предприятия, выполнявшие госзаказы, рабочими, однако назревающая революционная ситуация заставляла правительство на всех уровнях установить жесткий контроль на рынке труда. Постоянно по важным вопросам шла переписка с Министерством внутренних дел, в некоторых случаях проявлялась собственная инициатива по контролю местных трудовых ресурсов. Иркутским генерал-губернатором А. Пильцем 2 сентября 1916 г. было принято обязательное постановление о воспрещении управления заведениями фабричной и заводской промышленности, торговыми предприятиями и типографиями нанимать в качестве служащих и рабочих лиц, не имеющих права жительства в данной местности. На них также была наложена обязанность информировать полицию о лицах, вновь принятых на службу или на работы.

Не остались в стороне от решения задач в сфере трудовых ресурсов органы местного самоуправления. Для урегулирования спроса на труд и его предложения уже с середины 1915 г. городскими и земскими самоуправлениями, национальными, благотворительными и другими учреждениями в России начали создаваться местные бюро труда. 21 августа 1915 г. было открыто бюро труда Иркутского комитета Всероссийского союза городов. В недельный срок после открытия бюро туда обратилось около 800 чел., из которых смогли трудоустроиться только 297 [18, с. 207]. При этом от владельцев торгово-промышленных предприятий поступило запросов на 1 625 чел. [16, с. 167]. Этот факт свидетельствовал о том, что при наличии безработицы сохранялся устойчивый недостаток рабочих на рынке наемного труда. Например, в анкетах-сведениях о состоянии кожевенных заводов Забайкальской области, Иркутской и Енисейской губерний за 1915–1916 гг. практически каждый владелец предприятия указал на недостаток рабочей силы. Такое противоречие объяснялось тем, что при немалом количестве свободных рабочих рук, практически отсутствовала категория квалифицированных рабочих, на которую спрос постоянно повышался.

Таким образом, в годы Первой мировой войны кожевенное производство городов Восточной Сибири было сосредоточено в

основном в Иркутске и Чите. Усиление этой отрасли было продиктовано получением крупных государственных заказов, которые городскими предприятиями осваивались практически в полном объеме. Судьба таких заказов решалась в центре Восточной Сибири – в Иркутске, естественно, что приоритет при распределении часто отдавался местным кожевенным заводам. И если в Иркутске кожевенное производство укрепило свои позиции «искусственно», благодаря административным методам, то в Чите эта отрасль активно развивалась за счет богатой сырьевой базы: развития животноводства, близости Монголии и Китая. Красноярск же практически не получал военных заказов, был далек от источников сырья, поэтому здесь развитие кожевенного производства оказалось на низком уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неклюдова А. В. Развитие торгово-промышленной сферы городов Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. / А. В. Неклюдова. Иркутск : изд-во ИГСХА, 2007. 176 с.
2. Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Среднеазиатских владений / П. А. Орлов. СПб., 1895. 190 с.
3. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Петроград, 1914.
4. Сведения к отчету по г. Красноярску // ГАКК (Гос. архив Красноярского края). Ф. 31. Енисейский губернский статистический комитет. Оп. 1. Д. 182.
5. Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912. 314, LXXXIX с.
6. Об обследовании кожевенных заводов Сибири // ГАИО (Гос. архив Иркутской области). Ф. 141. Заводское совещание военно-промышленных комитетов Сибирского района по обороне государства. Оп. 1. Д. 18.
7. Башкиров В. Г. Работа иркутской промышленности на «оборону» в 1914–1917 гг. // Сибирский город в XVIII – начале XX вв. Вып. 1 / В. Г. Башкиров. Иркутск, 1998. С. 130–145.
8. Об организации в Иркутске Заводского совещания Сибирского района по обороне государства // ГАИО. Ф. 141. Заводское совещание военно-промышленных комитетов Сибирского района по обороне государства. Оп. 1. Д. 1.
9. Анкеты-сведения о состоянии кожевенных заводов по Иркутской губернии 1916–1917 гг. // РГИА (Рос. гос. исторический архив). Ф. 29. Комитет по делам кожевенной промышленности при Министерстве торговли и промышленности. Оп. 2. Д. 19.
10. Башкиров В. Г. К истории промышленности Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. / В. Г. Башкиров, Г. Х. Рабинович, З. Ф. Незнаева // К изучению экономики конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 1962. С. 155–201.
11. Рабинович Г. Х. Буржуазия в обрабатывающей промышленности Сибири (конец XIX – 1917 г.) / Г. Х. Рабинович, В. А. Скубневский // Из истории Сибири. Вып. 17. Томск, 1975. С. 94–147.

12. *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX вв. / Е. М. Даревская. Иркутск, 1994. 396 с.
13. Копии шифрованных телеграмм агента Министерства Островского А. С. // ГАРФ (Гос. архив РФ). Ф. 7743. Министерство торговли и промышленности Временного правительства. Оп. 1. Д. 19.
14. Енисейские губернские ведомости, 1915, № 95.
15. Наш путь, 15 июня 1917, № 5.
16. *Большаков В.Н.* Источники пополнения рабочей силы в годы Первой мировой войны / В. Н. Большаков // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск. 1980. С. 151–173.
17. *Константинов А. В.* История Забайкалья: с древнейших времен до 1917 г. / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2002. 248 с.
18. *Романов Н. С.* Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов. Иркутск, 1994. 555 с.

УДК 625.1

А. В. Хобта*

ИЗ ИСТОРИИ СООРУЖЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЧАСТКА ИРКУТСК – СЛЮДЯНКА

В статье рассматривается процесс сооружения железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка, выясняются детали строительства. Раскрывается деятельность Управления строительства № 12 по организации работ, приводятся данные по количеству рабочих на этом участке трассы. Отмечается деятельность военных подразделений. Выделяются сложности, с которыми сталкивались руководители, и причины срывов планов строительства. Затрагиваются вопросы истории перевода этого участка с паровой на электрическую тягу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история железнодорожного строительства, Управление строительства № 12, участок Иркутск – Слюдянка, железнодорожные войска, паровая и электрическая тяга.

A. V. Hobta

FROM THE HISTORY OF THE CONSTRUCTION OF THE IRKUTSK-SLYUDYANKA RAILWAY SECTION

The article discusses the process of construction of the Irkutsk – Slyudyanka railway line. Details of the organization of this construction are being clarified. The activity of the Construction Department No. 12 on the organization of works is disclosed. The data on the number of workers on this section of the route are given. The activity of military units is noted. The difficulties faced by managers and the reasons for the disruption of construction plans are highlighted. The issues of the history of the transfer of this section from steam to electric traction are touched upon.

KEYWORDS: history of railway construction, Construction Department No. 12, Irkutsk – Slyudyanka section, railway troops, steam and electric traction.

Уже при подготовке к сооружению Транссиба возник вопрос о направлении дороги в обход озера Байкал. Его решение долго

* *Хобта Александр Викторович*, кандидат исторических наук, начальник подразделения по сохранению исторического наследия ВСЖД – филиала ОАО «РЖД».

откладывалось. Проектировщики предлагали несколько возможных направлений, а в итоге был принят вариант, предусматривавший строительство линии по берегу Байкала (Кругобайкальская железная дорога) и устройство железнодорожной паромной переправы через озеро. В 1905 г. линия была принята в эксплуатацию. На создание комплекса Кругобайкальской железной дороги были затрачены колоссальные ресурсы. Однако возможности этой линии оказались слабыми: пропускная способность данного участка дороги была невысока, требовался постоянный ремонт пути вследствие воздействия на трассу природных факторов, скорость движения поездов была низкая. Это «узкое место Транссиба» планировалось перестроить, но известные события первой трети XX в. отодвигали решение этого вопроса. Только в конце 1930-х гг. он вновь зазвучал актуально.

Начало сооружения линии Иркутск – Слюдянка

Согласно планам Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) 1939 г., сооружение железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка предусматривалось в течение 1941–1943 гг. За начало основных работ было принято 1 апреля 1941 г., а открытие временного движения по одному пути намечалось на 1 ноября 1942 г. Сдача линии в постоянную эксплуатацию планировалась с 1 ноября 1943 г. Для подготовительного периода отводилось время с 1 января по 1 апреля 1941 г.

Нужно отметить, что еще в 1930-е гг. в руководстве НКПС рассматривались планы возрождения железнодорожной паромной переправы через Байкал. Так, приказом НКПС от 11 февраля 1939 г. было организовано строительное Управление по сооружению паромной переправы через озеро Байкал (далее – Управление). Однако уже в сентябре 1939 г. Управление перенаправили на совершенно иные работы: НКПС распорядился приступить к подготовительным работам по сооружению железнодорожного участка Иркутск – Слюдянка и подготовку производить за счет сметы на подготовительные работы по паромной переправе. К этому времени проектное задание на линию Иркутск – Слюдянка было уже закончено Союзтранспроектом и предоставлено в НКПС на утвер-

ждение. Правда, НКПС пока воздерживался от утверждения этого проекта [1, л. 2].

Таким образом, Управление (теперь уже по строительству железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка) (строительство № 12) с 1 октября 1939 г. приступило к подготовительным работам. Смета, созданная для сооружения паромной переправы, предусматривала, главным образом, покрытие расходов на изыскательские проекты и приобретение оборудования и стройматериалов, расходы же по самим строительным работам не были предусмотрены. Финансирование работ с трудом было открыто через Иркутское отделение Промбанка. Задержка с открытием финансирования была связана с отсутствием заказчика, поскольку Управление начало работы хозяйственным способом [1, л. 2]. Этот вопрос решался в течение нескольких месяцев.

Тем не менее, согласно утвержденному плану строительства от 15 декабря 1939 г., на 1940 г. предусматривался план работы на сумму 9 млн 800 тыс. руб. при плане финансирования 8 млн 530 тыс. руб. [1, л. 4]. У Управления строительства № 12 имелось два основных подрядчика. Первый – Мостранспроект в лице начальника экспедиции № 12, выполнявший работы по изысканиям, составлению проектного задания и технического проекта железнодорожной линии № 12. С экспедицией был заключен договор на сумму 5 тыс. 841 руб. 20 коп. Второй подрядчик – завод № 112 НКПС, находившийся в г. Горьком (Нижний Новгород), выполнявший заказ по проектированию парома для озера Байкал. С ним был заключен договор на сумму 440 тыс. руб. [1, л. 8]. При этом само строительство в 1939 г. было неопределенным и приносило НКПС одни убытки, о выполнении какого-либо плана работ уже не было и речи. Его по существу не было. Отсутствовали нормальное финансирование и «спуск» необходимых фондов строительных материалов, так как существовавшая практика заготовки материалов и «добыча» их на местном рынке, с постоянным «выпрашиванием» того или иного материала, в конечном итоге приводила к развалу строительства или удорожанию работы. Строительство не имело оборотных средств и краткосрочного кредитования банком на сезонную заготовку материалов [1, л. 9]. Союзтранспроект и Мостранспроект затягивали выполнение своих работ. Для строите-

лей важно было, чтобы изыскания были закончены не позднее марта, а составление сметы не позднее августа 1940 г. [1, л. 9].

Для выполнения задания в 1939 г. в Иркутске были организованы первый строительный участок, со штатным расписанием в 12 единиц, и контора Стройтехснаб. Они имели самостоятельный баланс и находились на хозрасчете. Балансы входили в состав баланса Управления строительством № 12. Обеспечение материалами шло по линии технического снабжения строительства. Все перевозки до объектов производились строительным участком [2]. Начальником строительства в 1939 г. был назначен Н.Н. Лихошерстный [1, л. 10].

Приказом НКПС от 8 марта 1940 г. № 166-а Управление строительства № 12 было ликвидировано. После его ликвидации работы поручили тресту «Востсибстройпуть», где была организована строительная контора № 12. В 1940 г. в план строительных работ треста была включена железнодорожная линия Иркутск – Слюдянка. Помимо треста «Востсибстройпуть» в Иркутске имелось его подразделение – Иркутская строительная контора. На базе этой конторы был создан первый строительный участок на строительстве № 12.

Управление треста стало штабом строительства. Оно должно было оперативно руководить производством работ на объектах и осуществлять контроль, следовательно, нести ответственность за выполнение плановых количественных и качественных показателей [3]. С этими задачами и в 1940 г., и в первом квартале 1941 г. Управление треста не справилось. О первоочередных подготовительных работах имелась полная ясность еще в январе 1941 г., но сделано было очень мало. Плохо шла работа по жилищному строительству, ничего не делалось по развертыванию основных работ. Начался массовый приток рабочих, а к их приему подготовились плохо. Жилье, постельные принадлежности, кровати и другой бытовой инвентарь не был подготовлен, совершенно не было инструмента. К апрелю 1941 г. кое-что было сделано, производился завоз продуктов питания, однако по многим вопросам ситуация была катастрофической. Отсюда – замешательство. Масса рабочих простаивала. Парторганизация «Востсибстройпути» поставила вопрос об устройстве работ перед руководством треста и Иркутским обкомом ВКП (б) [3].

Документация при производстве работ оформлялась не систематически: на объектах отсутствовали журналы работ, акты на скрытые работы оформлялись с опозданием и не везде. Не велась профилактическая работа по борьбе за качество работ и материалов, имели место случаи брака и переделок, причем переделки и брак в работе не оформлялись.

Работы на строительстве № 12 начались во втором квартале 1941 г. в соответствии с приказом НКПС С-29/ЦЗ от 22 марта 1941 г. Создание отдельного строительного управления приказом не предусматривалось. Функции строительного управления № 12 были возложены на аппарат треста «Востсибстройпуть».

В начале года предполагалось, что работы по строительству линии будут осуществляться на подрядных началах участками треста. Но с 1 мая 1941 г. все хозяйственные единицы треста, занятые на строительстве, согласно приказу № 151 от 2 апреля 1941 г., были переведены на выполнение работ хозяйственным способом.

Организационная структура строительства менялась в течение всего 1941 г. Первый строительный участок выполнял работы от Иркутска до пос. Глубокий на 82-м км трассы. После организации второго строительного участка, работы по пос. Глубокий отошли ему [1, Оп. 81. Д. 101. Л. 16]. В последующем, в течение года, первый строительный участок производил работы на трассе от 0-го до 43-го км в основном по строительству временных построек и сооружению жилищно-коммунального, культурно-бытового и производственного назначения, строительству новых и улучшению старых автогужевых дорог, освоению территории строительства, а также работы налаживая связи.

Второй строительный участок был организован 9 апреля 1941 г., он располагался на станции Култук и занимался производством земляных работ, строительством новых и улучшением существовавших автогужевых дорог, возведением временных построек и сооружений. С 9 августа был объединен с четвертым строительным участком.

Третий строительный участок организовали 15 мая 1941 г. Основными его задачами являлись строительство временной и постоянной связи, перенос существовавших линий связи, организация временного энергоснабжения строительства. После

окончательно утвержденного ассигнования по титульному списку на 1941 г. по связи и энергоснабжению, участок, ввиду недостаточности объема работ и необеспеченности материалами и рабочей силой, с 15 августа был передан в состав первого строительного участка на правах прорабского пункта [1, Оп. 81. Д. 101. Л. 16].

В результате изменений к началу четвертого квартала и до конца года строительство имело два строительных участка ПЧСТР-1 (от 0-го до 43-го км) и ПЧСТР-2 (строительство тоннелей). Кроме того, в течение года на строительстве № 12 было занято пять строительно-монтажных поездов: СМП № 5, 6, 25, 27 и 34. По распоряжению НКПС поезда № 5 и 6 с 29 декабря были отозваны со строительства.

В состав строительства № 12 вошли также ремонтно-прокатная база (с 1 октября 1941 г.), контора материально-технического снабжения (аппарат Востсибстройтехснаба совмещал одновременно функции и этой конторы), имевшая на самостоятельном балансе базу в Култуке и группу подсобных предприятий по заготовке делового леса, газогенераторной чурки, дров и т. д.

Следует отметить, что в течение первого квартала 1941 г. перед руководством треста стоял вопрос о консервации строительства № 12. Однако приказом НКПС № 151/Ц от 2 апреля 1941 г. данный вопрос был снят с повестки. Работы были переведены на хозяйственный способ с 1 апреля 1941 г., одновременно проведена инвентаризация работ и организована группа заказчика.

Народный комиссар путей сообщения А. В. Хрулёв 2 мая 1942 г. представил на рассмотрение Государственному Комитету Оборона (ГКО) и на утверждение И. В. Сталину проект постановления НКПС об открытии сквозного рабочего однопутного движения по железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка в первом квартале 1943 г., указывая на то, что с начала строительства уже было выполнено работ на сумму 43,2 млн руб. [4].

Решением ГКО № 1746/С от 13 мая 1942 г. [4, Оп. 1. Д. 34. Л. 220, 221, 223] было принято постановление о форсировании строительных работ на железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка. В соответствии с этим решением НКПС издан приказ № С-353/Ц от 19 мая 1942 г., в котором определены основные тех-

нические указания по строительству линии. В целях ускорения строительства было разрешено: линию сооружать однопутной с учетом возможности строительства второго пути; строительство линии должно было вестись по облегченным техническим условиям; допустить применение на 96-м км линии двойной тяги; искусственные сооружения возводить деревянные, тоннели сооружать однопутные [4, Оп. 1. Д. 34. Л. 220].

По управлению строительства № 12 в июне 1942 г. был издан приказ № 50 об организации на трассе двух хозрасчетных участков с подчинением управлению. Первому участку установили границы от 43-го до 70-го км включительно по новому километражу, присвоив ему наименование – строительный участок № 3; второму – от 71-го км до 124-го км включительно (кроме тоннелей и межтоннельного участка), присвоив наименование – строительный участок № 4. Местонахождение контор строительных участков для ПЧСТР № 3 в пос. Мельниково, для ПЧСТР № 4 – в пос. Култук. ПЧСТР-1 и ПЧСТР-2 передавали вновь организованным участкам все незаконченные работы и объекты на трассе [2, Оп. 212. Д. 1. Л. 71]. Однако уже в июне 1942 г. три батальона 7-й железнодорожной бригады были направлены со строительства на запад, а пять путевых колонн в октябре 1942 г. выбыли на другое строительство. В начале января 1943 г. 7-я железнодорожная бригада убыла на запад в полном составе.

В связи с уменьшением объема субподрядных работ, вызванным произошедшими изменениями в составе подрядчиков и способов ведения работ в границах трассы строительства от 43-го по 70-й км, приказом № 12 от 7 июля 1942 г. организованный 10 июня 1942 г. третий строительный участок дальнейшую деятельность, как самостоятельная хозяйственная единица, прекратил. Все начатые и законченные объекты в указанных границах по состоянию на 1 июля 1942 г. переданы начальнику ПЧСТР-1 [2, Оп. 212. Д. 1. Л. 81].

Учитывая напряженную работу в осенне-зимний период, подготовка к зиме 1942–1943 гг. являлась одной из первостепенных задач, стоявших перед коллективом строительства. Приказом по строительству № 85 от 26 августа 1942 г. вновь было установлено перераспределение участков. 7 июля 1942 г. вышло постановление бюро областного комитета ВКП (б) и исполкома областного Сове-

та депутатов трудящихся о частичном изменении § 7 ранее вынесенного постановления «О форсировании строительства новой железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка» от 29 мая 1942 г. № 157-а 5/921. В соответствии с изменениями председатели райкомов и горкомов вышеназванных населенных пунктов обязаны были провести платную мобилизацию из числа местного населения для работы на строительстве линии сроком до 1 апреля 1943 г. [3, Ф. 127. Оп. 1. Д. 649. Л. 33]. В тот же день, 7 июля 1942 г., был издан приказ НКПС № С-601/Ц о переводе с первого июля 1942 г. строительства железнодорожной линии № 12 с хозяйственного способа работ на подрядный и о передаче группы заказчика в подчинение начальнику Восточно-Сибирской железной дороги. Принятие группы заказчика в ведение дороги было оформлено приказом по Восточно-Сибирской железной дороге № 58/1134 от 4 августа 1942 г.

Однако выполнение приказа НКПС № С-353/Ц, а, следовательно, и постановления ГКО от 13 мая 1942 г. с первых же дней начало срываться. Плохая организация труда, недостаток инструментов, позднее поступление по трудгужповинности рабочих из Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР, несвоевременные переброска экскаваторов и других механизмов и поставка горючего нарушили выполнение директивного графика, составленного в разрезе приказа № С-353/Ц и сорвали сроки выполнения работ. Нужно отметить, что и руководители строительства не принимали решительных мер. В постановлении «О ходе строительства железной дороги Иркутск – Слюдянка» от 7 августа 1942 г. бюро Иркутского областного комитета ВКП (б) отмечало, что строительство железнодорожной линии проходило неудовлетворительно. Постановлением Иркутского обкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся мобилизованные рабочие, служащие и колхозники Иркутской области были закреплены за строительством № 12 до 1 апреля 1943 г. Это требовалось для того, чтобы ликвидировать текучку кадров.

Железнодорожная линия строилась двумя самостоятельными подрядными организациями: трестом «Востсибстройпуть» и Управлением строительства № 12/Т Метростроя, которое осуществляло работы по тоннелям, а также проводило земляные работы на межтоннельном участке. Основным недостатком в организа-

ционной структуре строительства было отсутствие генерального подрядчика, отвечающего за всю стройку в целом. Расчленение работ между двумя независимыми друг от друга подрядчиками на одном строительстве шло вразрез с существующими законоположениями, неизбежно вело к различным мелочным пререканиям между подрядчиками и усложняло надзор за выполненными работами со стороны группы заказчика.

На 1 января 1943 г. заказчик так и недополучил основную техническую документацию, тогда как приказом НКПС С-353/Ц срок открытия сквозного рабочего движения по линии был запланирован уже в первом квартале 1943 г. Только марте 1943 г. все сметы были согласованы в технико-экспертном отделе НКПС. Однако проектно-сметная документация, составленная экспедицией № 12, вызывала разногласия между подрядчиком и заказчиком. Неоднократные обращения группы заказчика в экспедицию № 12 по этому вопросу результатов не принесли, что привело к большим трудностям с финансированием. Проектно-сметная документация по тоннелям, которая выполнялась проектным отделом Управления строительства № 12/Т, также не была закончена, так как почти все сотрудники этого отдела были откомандированы на другие стройки.

Начиная со второй половины 1942 г. и в начале 1943 г. со строительства № 12 постепенно была отозвана на военновосстановительные работы рабочая сила и вывезены механизмы. В таком же положении находилось и строительство тоннелей. Приказом № 56 по Восточно-Сибирскому строительномонтажному тресту от 5 июля 1943 г. в связи с определившейся программой работ по строительству на 1943 г. с 1 июля по 1 августа 1943 г. четвертый строительный участок подготовили к ликвидации. Все материальные ценности отправили на центральную базу в Иркутск [2, Оп. 212. Д. 1. Л. 85]. На строительство перестали поступать лес, цемент, горючее и другие материалы. На протяжении 1943 г. и в 1944 г. строительство № 12 превратилось в своеобразную базу, откуда Цужелдорстроем НКПС черпались технико-материальные ресурсы для других строек. Маломощность оставшегося в наличии коллектива, механизмов и оборудования на протяжении 1943 и 1944 гг. послужила причиной остановки почти всех строительных работ, за исключени-

ем массовых взрывов выемок, проходки штолен по тоннелям и небольшого объема бетонных работ в тоннелях.

Очередным постановлением ГКО от 13 марта 1945 г. было предусмотрено форсирование работ по сооружению линии. Строители обязаны были выполнить необходимый минимум работ, чтобы открыть движение к 15 ноября 1945 г. [1, Оп. 81. Д. 273. Л. 1]. В апреле 1945 г. начальник строительства № 12 поставил перед коллективом большие задачи. На строительство пока еще не прибыла дополнительная рабочая сила. В связи с этим предлагалось «выжимать» план, главным образом, из механизации работ, поэтому на работу экскаваторного парка возлагались большие надежды. Помочь в выполнении плана должны были взрывные работы, но у Желдорвзрывпрома были свои проблемы: не хватало жилья, и отсутствовала механизация.

В 1945 г. на строительство прибыли железнодорожные войска и спецформирования НКПС, на местах имелись гражданские строительные организации [1, Оп. 81. Д. 273. Л. 3]. Во главе строительного управления стоял начальник строительства, он же одновременно являлся начальником железнодорожных войск. Поэтому при Управлении строительства № 12 имелся штаб железнодорожных войск, политотдел. Возглавлял строительство № 12 в 1945 г. генерал-майор Ф. Н. Доронин [5, с. 73], главный инженером был директор-подполковник Н. И. Пугин, инженером планового отдела – Туча.

Для выполнения строительно-монтажных работ Управление строительства № 12 организовало четыре строительных участка. Первый участок (ПЧСТР-1) работал в границах от 0-го до 62-го км в составе одной железнодорожной бригады и двух головных ремонтно-восстановительных поездов (ГОРЕМ), действовал с начала года. Контора участка находилась на 43-м км [1, Оп. 81. Д. 274. Л. 58]. Второй участок (ПЧСТР-2) имел границы от 63-го до 78-го км, состоял из одной железнодорожной бригады и одного ГОРЕМа № 7. Участок был организован 6 июля 1945 г. согласно приказу начальника строительства № 079. Контора находилась на 76-м км. Третий участок (ПЧСТР-3) работал в границах от 79-го до 106-го км (западный портал тоннеля № 1) в составе одной железнодорожной бригады и одного ГОРЕМа. Участок организован 15 апреля 1945 г. согласно приказу № 1/К.

Контора располагалась на 85-м км. Наконец, четвертому участку (ПЧСТР-4) отвели границы от 106-го до 122-го км (за исключением двух тоннелей, на которых работал Метрострой), в его состав вошли одна железнодорожная бригада и один ГОРЕМ. На участке работы велись с начала 1945 г. [1, Оп. 81. Д. 273. Л. 3]. В пределах четвертого участка на субподрядных началах работала мехколонна № 2, которая прибыла на строительство во второй половине июля 1945 г. Она производила земляные работы по разработке выемок и отсыпке насыпей, имея в своем распоряжении экскаваторы и автомашины.

На строительстве (на всей линии) на субподрядных началах работала Иркутская контора Желдорвзрывпрома, которая выполняла работы по массовым взрывам скальных выемок, дроблению негабаритов, рыхлению мерзлых грунтов, а также вела подчистные работы в скальных выемках.

В 1945 г. работы на строительстве были организованы широким фронтом. Укладка пути велась со стороны Иркутска [1, Оп. 81. Д. 273. Л. 4]. Основной объем работ по строительству выполнялся частями железнодорожных войск.

Для непосредственного выполнения строительных работ в 1945 г. на строительство № 12 дополнительно прибыли железнодорожные войска и спецформирования. Первой прибыла 9-я железнодорожная бригада. В период с 19 февраля по 19 апреля 1945 г. эта бригада в полном составе находилась на передислокации. Из Ленинграда бригада по распоряжению начальника железнодорожных войск НКПС была направлена в район г. Катовице в распоряжение первого Украинского фронта. Однако части бригады не доехав до места назначения, были направлены из района Брест – Львов – Перемышль в Иркутск в распоряжение начальника строительства № 12. Бригада имела четыре восстановительных батальона, мостовой батальон, батальон связи, эксплуатационную роту и батальон механизации. Следом прибыли 6-я и 7-я железнодорожные бригады. Наконец, в конце июля 1945 г. прибыла 44-я железнодорожная бригада. Железнодорожные бригады входили в состав Главного управления военно-восстановительных работ.

Железнодорожные войска по состоянию на 1 мая 1945 г. были не в полном составе: ожидалось 15 405 чел., по факту прибы-

ло – 12 200 чел. [1, Оп. 81. Д. 273. Л. 7]. После 5–10 дней работы на трассе часть личного состава 44-й железнодорожной бригады по указанию НКПС была снята со строительства, что дезорганизовало работу всей бригады и нарушило трудовой ритм.

Вместе с железнодорожными бригадами на строительство прибыли ГОРЕМы № 3, 10, 14, 21, 31. Кроме того, в распоряжении управления строительством № 12 имелось пять восстановительных поездов, а на правах субподрядчика работала экскаваторная механизированная колонна треста «Желдорстроймеханизация» («Трансжелдормеханизация»).

Управление строительства № 12/Т, производившее работы по сооружению двух тоннелей (первый протяженностью 660 м на 106-м км трассы и второй – 473,5 м на 113-м км), являлось самостоятельной подрядной организацией с подчинением Главтоннельметрострою. Метрострой имел двух начальников титулов и четырех начальников участков.

Механическая разработка грунта началась шестью экскаваторами, количество которых к концу года увеличилось до 27. Строительству было передано 297 автомобилей марки «Студебекер» и 30 тракторов. Кроме того, имелись автомобили отечественного производства.

Доставка экскаваторов и других тяжелых механизмов на строительство № 12 не имела аналогов в практике железнодорожного строительства. Так, на межтоннельный участок было «заброшено» два паровоза серии О^В, которые транспортировались без разборки в холодном состоянии тракторами путем укладки рабочих рельсовых путей. Туда же доставили один экскаватор «Бьюсайрос» на железнодорожном ходу, четыре платформы, два узкоколейных паровоза и транспортные средства к ним. Своим ходом и с помощью тракторов «заброшены» три тяжелых экскаватора: «Марион», «Воткинец» и «Молотовец». В глубинные участки – на 78–102-й км – своим ходом и с разборкой доставлено 5 паровозов серии О^В, 46 платформ, 4 тяжелых экскаватора [1, Оп. 81. Д. 273. Л. 17].

Сооружение земляного полотна велось и механизированным способом, и вручную, и с помощью взрыва. Механизированным способом выполнено 1 млн 486,9 тыс. куб. м земляных работ

(40,3 %), массовыми взрывами – 749,1 тыс. куб. м (20 %) и вручную – 1 млн 467,3 тыс. куб. м (39,7 %).

Несмотря на неблагоприятные условия для организации работ механизмов, были дополнительно введены в эксплуатацию 7 экскаваторов, 250 автомобилей, 22 трактора, 35 электростанций – все это позволило выполнить огромный объем работ, без которого строительство не имело бы и 50 % выполненного плана [1, Оп. 81. Д. 273. Л. 17].

На основании еще одного решения ГКО «О мерах помощи строительству железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка» от 21 июня 1945 г. № 9172СС и приказа НКПС от 23 июня 1945 г. № 4584 с 1 июля 1945 г. строительство было переведено с подрядного способа на хозяйственный. Все необходимые материалы, механизмы, оборудование и обмундирование до конца строительства, включая горючее (бензин, керосин, дизельное топливо), должны были поставляться целевым назначением в необходимом количестве за счет уменьшения поставок в государственный резерв и остатков на различных предприятиях, а также за счет фондов НКПС.

На основании заданных сроков окончания строительства в 1945 г., больших объемов и важного значения этой линии в связи с войной на востоке, была принята схема организации работ на широком фронте как для всей линии, так и для каждого строительного участка в отдельности. На всех строительных участках трассы было организовано подсобно-вспомогательное производство. Кроме того, строительство имело подсобные предприятия, которые обеспечивали потребности в извести, лесе, дровах и овощах.

Перед Управлением строительства № 12/Т в 1945 г. стояла задача сдать во временную эксплуатацию тоннели в ноябре 1945 г. Однако нехватка кадров и ряд других причин не обеспечили выполнение поставленной задачи.

В 1946 г. в организации строительства произошли некоторые изменения. Теперь работы выполнялись управлением строительства № 12 (хозяйственным способом), Управлением строительства № 12/Т (подрядным способом), железнодорожной бригадой (в/ч «Полевая почта № 62808») (субподрядчик обоих управлений), Иркутской конторой Желдорвзрывпрома (субподрядчик управлений),

Метростроем. В результате реорганизации частей железнодорожных войск в начале 1946 г. со строительства выбыли 7-я и 9-я железнодорожные бригады, была расформирована 44-я железнодорожная бригада, а ее личный состав предан на пополнение 6-й железнодорожной бригады. Оставшаяся на строительстве линии Иркутск – Слюдянка 6-я железнодорожная бригада вышла из подчинения строительства и продолжала работать на условиях субподрядного договора. В 1946 г. эта бригада являлась главным исполнителем всех строительных работ, удельный вес программы которой составлял до 70 %.

Проектными работами занимался Мостранспроект. Однако в 1946 г. данная организация, не закончив проектирование по строительству, совершенно отстранилась от выполнения работ и, несмотря на требования заказчика и строительства № 12, занималась лишь одной отпиской.

Главной работой являлось сооружение земляного полотна. В предыдущие годы производились в основном валовые работы: массовые взрывы скальных выемок, земляные работы по нулевым местам, проходка пионерских траншей во взорванных выемках. В 1946 г. начаты работы по устройству земляного полотна на ряде «пробковых», наиболее сложных по освоению участках трассы. Самым трудным являлся узел межтоннельного участка, состоявший из чередующихся крупнейших скальных выемок и насыпей. Кроме того, требовалось в сжатые сроки максимально механизировать процессы разработки 16 глубоких (до 30 м) скальных выемок, расположенных на крутых косогорах. С большими трудностями по грунтовым дорогам необходимая техника была доставлена на эти участки.

В 1946 г. главный путь был уложен на всем протяжении трассы, из которых 58,8 км являлись землевозными. Станционных путей уложено 20,7 км, стрелочных переводов 50 комплектов. Забалластировано 52,4 км пути. В 1946 г. построены пункты водоснабжения на ст. Большой Луг и Подкаменная. Готовность пункта снабжения на ст. Ангасолка составляла 30 %. Отставание работ произошло из-за отсутствия труб, фасонных частей и оборудования для насосной станции. Также по этому пункту отсутствовал проект дымососной установки.

Освоение большого объема земляных работ усугублялось тем, что основные земляные массы не размещались равномерно по всей трассе, а были сконцентрированы на 69-м и 75-м км и на межтоннельном участке на протяжении 6,5 км, образуя «пробковые места», что могло сорвать сроки открытия сквозного рабочего движения. Наиболее сложный межтоннельный участок трассы состоял из 16 выемок, чередующихся с насыпями, причем выемки по глубине достигали 31,5 м, а высота насыпей 26,5 м. К этому следует добавить, что участок проходил по довольно крутому байкальскому косогору. Указанные обстоятельства требовали сооружения сложной конструкции насыпей для придания необходимой устойчивости земляному полотну. Устойчивость насыпей межтоннельного участка достигалась предусмотренными контрбанкетами, выкладкой метровой толщи откосов насыпи камнем и отсыпкой ряда насыпей чистым камнем.

Руководителями строительства в 1946 г. были:

- начальник строительства директор-полковник пути и строительства Б. И. Недбай;
- автор проекта директор-полковник пути и строительства П. Н. Коваль;
- главный инженер строительства директор-полковник пути и строительства Н. И. Пугин;
- заместитель начальника строительства инженер-майор пути и строительства Н. П. Иванов;
- начальник первого участка инженер-капитан Л. С. Сосинович;
- начальник четвертого участка инженер-майор А. В. Исаев;
- начальник ВП-103 инженер-майор С. А. Лаптев;
- начальник ВП-114 инженер-капитан К. И. Князев;
- начальник ВП-121 инженер-майор И. Г. Кочетков;
- начальник ВП-131 инженер-капитан А. Я. Рапацкий;
- начальник СМП-34 инженер-капитан Ф. С. Пухов [1, Оп. 81. Д. 316. Л. 46].

Во главе строительного управления находился начальник строительства, являвшийся одновременно начальником работавших на строительстве железнодорожных войск. Всю оперативно-производственную деятельность строительства он осуществлял через аппарат Стройуправления и штаб железнодорожных войск.

В связи с переходом в 1946 г. железнодорожных войск на субподрядный способ работ и выбытием ряда строительных организаций, вновь изменилась структура строительства. ГОРЕМ № 3 работал в границах от 0-го до 28-го км; ГОРЕМ № 21 – от 28-го до 42-го км; ПЧСТР-1 – от 42-го до 55-го км; стройпоезд-34 – от 55-го до 59-го км; ГОРЕМ № 14 – от 59-го до 69-го км; ГОРЕМ № 31 – от 70-го до 75-го км; ПЧСТР-4 – от 76-го до 122-го км за исключением двух тоннелей, работы по которым на самостоятельных началах производил Метрострой. Ввиду указанных изменений в составе работавших на строительстве железнодорожных войск были ликвидированы второй и третий строительные участки [1, Оп. 81. Д. 318. Л. 41].

Кроме отдельных строительных организаций в состав управления входили контора материально-технического обеспечения и контора эксплуатации железнодорожного транспорта, отчитывавшиеся по балансу капиталовложений и подчиненные непосредственно управлению строительства № 12. Контора эксплуатации железнодорожного транспорта была организована как самостоятельная хозрасчетная организация с 1 апреля 1946 г. и осуществляла эксплуатацию железнодорожного транспорта на участке трассы от 0-го до 76-го км. Средства железнодорожного транспорта, занятые на работах субподрядчика шестой бригады также являлись средствами данной конторы и были переданы ей на условиях арендных договоров. Оперативной работой железнодорожного транспорта руководил отдел железнодорожного транспорта управления строительства в составе четырех человек оперативных работников.

В 1946 г. изменился также и качественный состав рабочей силы. В результате демобилизации и переформирования в большей численности со строительства выбыли кадры 6-й железнодорожной бригады, взамен которых прибыли эксплуатационники (в основной массе движенцы), не имеющих не только строительных специальностей, но и навыков строительства.

Несмотря на то, что Министерство путей требовало от строителей, чтобы железнодорожная линия № 12 была сдана в однопутном варианте в постоянную эксплуатацию в 1947 г., работы к этому времени были не закончены. Во всяком случае, комиссия при участии представителей Восточно-Сибирской железной дороги,

строительства № 12 и группы заказчика признала возможным организовать в 1947 г. только временную эксплуатацию участка трассы от 0-го до 78-го км.

В 1947 г. строительно-монтажные работы осуществляли следующие организации Министерства путей сообщения:

1. Управление строительства № 12 с четырьмя ГОРЕМами и двумя участками, которые производили работы на участках трассы от 0-го до 97-го км и от 108-го до 122-го км, а также воинские части 9-й железнодорожной бригады, входившие в состав Главного управления военно-восстановительных работ (ГУВВР), производившие работы на подрядных началах от управления строительства № 12 на участке от 97-го до 108-го км.

2. Иркутская контора Желдорвзрывпрома, выполнявшая работы на подрядных началах от управления строительства № 12 и воинских частей ГУВВРа на всем протяжении трассы.

3. Управление строительства № 12/Г Главтоннельметростроя, осуществлявшее строительство тоннелей на подрядных началах от группы заказчика строительства № 12.

В связи с уходом со строительства железнодорожных войск организационная структура строительства в 1947 г. претерпела значительные изменения. Приемка работ производилась теперь управлением строительства № 12, Метростроем, Мостранспроектом, ПЧСТР-1, ПЧСТР-4, ВП-103, ВП-114, ВП-121, ВП-131, Стройтехснабом по строительству № 12, Дорпроектом Восточно-Сибирской железной дороги.

Все проектные работы и некоторые дополнительные работы (например, уточнение полосы отвода в черте г. Иркутска и других местах) должны были быть окончены к 1 мая 1948 г. Однако по состоянию на 1 января 1948 г. бригада Мостранспроекта выполнила работ по договору на 10 % и далее ограничилась лишь общими рекомендациями.

На 1 января 1948 г. на всем протяжении линии № 12 был уложен путь, открыто сквозное движение рабочих поездов, а на участке от ст. Иркутск-1 до 78-го км линия подготовлена для временной эксплуатации. В третьем квартале 1948 г. железнодорожную линию планировали сдать в постоянную эксплуатацию на всем протяжении. Правительственная комиссия под председательством генерал-майора технических войск В. В. Столярова в ноябре

1948 г. вынесла решение признать возможным, после устранения недоделок первой очереди, принять дорогу в постоянную эксплуатацию с 1 июня 1949 г., а недоделки второй очереди устранить уже в процессе эксплуатации.

В 1948 г. строительство так же, как и в предыдущие годы, осуществлялось двумя основными организациями: управлением строительства № 12 (хозяйственным способом) и Управлением строительства № 12/Т (подрядным способом). Управление строительства № 12 на местах имело два строительных участка и четыре восстановительных поезда. Кроме того, в первом квартале 1948 г. на правах субподрядчика от управления работала 9-я железнодорожная бригада (на восточном участке трассы), а с июня месяца еще и поезд Связьрем № 24. Буровзрывные работы производились Желдорвзрывпромом на правах субподрядчика Управления строительства № 12/Т и 9-й железнодорожной бригады.

Потребность в рабочей силе составляла 4800 чел. в день, кроме этого 3 600 чел. требовалось на основные работы. Однако максимальное количество рабочих, занятых на строительстве, было 6 000 чел. в день [1, Оп. 81. Д. 354. Л. 7]. На 1 января 1948 г. рабочих на строительстве было 2 593 чел. (без спецконтингента), а через год – 2 335 чел. В 1948 г. на строительство прибыло еще 3 100 чел., но и убыло в связи с окончанием срока вербовки 3 358 чел.

Постановлением Совета министров СССР № 399-114С от 1 февраля 1949 г. и приказом Министра путей сообщения № 49/Ц от 3 февраля 1949 г. однопутная железнодорожная линия № 12 была принята в постоянную эксплуатацию и с 1 января 1949 г. включена в состав Восточно-Сибирской железной дороги. Актом правительственной комиссии по приему железнодорожной линии был установлен объем работ по устранению недоделок. На его основании, согласно телеграмме заместителя Министра путей сообщения Мирошниченко от 30 января 1949 г. № 502/ЦЗ, составлена и утверждена смета на недоделки на общую сумму 62 млн 826 тыс. руб. [2, Оп. 232. Д. 8. Л. 25]. В постановлении Совета министров СССР от 1 февраля 1949 г. говорилось также о сооружении второго пути на участке Иркутск – Слюдянка.

Таким образом, в 1949 г. на линии № 12 продолжились работы по устранению недоделок, и началось строительство второго

пути. Основные работы выполнялись управлением строительства № 12 до 1 июля хозяйственным способом, а затем подрядным. Иркутская контора Желдорвзрывпрома и поезд Связьрем № 24 работали в качестве субподрядчиков управления строительства. Строительство имело один строительный участок и четыре восстановительных поезда, однако в сентябре 1949 г. строительный участок был ликвидирован.

Рабочей силой в 1949 г. строительство было обеспечено в достаточном количестве. Контроль за ходом работ и их приемка осуществлялись тремя инженерами-инспекторами группы заказчика.

Приказом Главжелдорстроя Востока Министерства путей сообщения от 15 ноября 1949 г. № 73 по управлению строительства № 12 был утвержден следующий состав хозяйственных единиц, выделенный на отдельный баланс промышленного типа: ремонтно-прокатная база, деревообделочный комбинат и контора подсобных предприятий. Жилищно-ремонтная контора по состоянию на 1 января 1949 г. из состава промышленных предприятий была исключена и переведена на баланс строительства № 12 по подрядной деятельности. Она имела лесо- и дровозаготовительные пункты, лесопильное и известковое производство.

В течение года предприятия строительства № 12 испытывали значительные затруднения. Перебои с электроэнергией для ремонтных мастерских и деревообрабатывающих предприятий вызывали простои в работе станков и приводили к неполному использованию рабочей силы, ощущался острый недостаток запчастей для ремонта механизмов и транспортных средств. Работавшие на вывозке леса тракторы постоянно ломались. Отвлечение рабочей силы на благоустройство дорог, вывоз леса, сельскохозяйственные работы также приводило к срыву плана строительных работ.

На основании приказа заместителя Министра путей сообщения Малькевича № И-4-2417 от 8 сентября 1949 г., дорожная комиссия по приемке и эксплуатации однопутной железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка в составе заместителя начальника Восточно-Сибирской железной дороги, директора-полковника пути и строительства И. А. Рыжевцева; начальника строительства № 12, директора-полковника пути и строитель-

ства К. П. Гоценко; начальника группы заказчика строительства № 12, директора-полковника Соложеникина; начальника Военно-мобилизационного отдела Восточно-Сибирской железной дороги, инженер-майора Дорошенко; заместителя начальника службы пути Восточно-Сибирской железной дороги, инженер-майора В. В. Макаревича и других с 10 по 26 октября провела проверку и составила акт по приемке в эксплуатацию однопутной железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка.

Ознакомившись с технической документацией, имевшейся в распоряжении управления по строительству, дорожная комиссия произвела натурный осмотр линии и всех ее сооружений с выездом на место работ. В основном проверке подверглись те недоделки, которые были выявлены предыдущей комиссией 1948 г. К работе комиссии были также привлечены рабочие подкомиссии в составе сотрудников Восточно-Сибирской железной дороги и управления строительства № 12, проводившие осмотр отдельных объектов от земляного полотна до гражданских сооружений.

Несмотря на значительный объем выполненных работ по недоделкам по состоянию на 1 января 1950 г. железнодорожная линия № 12 не была готова для открытия организованного движения поездов. Однако дорожная комиссия разрешила принять линию в эксплуатацию с 20 ноября 1949 г. при условии устранения отмеченных недостатков в процессе ее эксплуатации [2, Оп. 240. Д. 6. Л. 6].

Постоянным совещанием при начальнике Восточно-Сибирской железной дороги от 16 декабря 1949 г. установлено, что из-за наличия большого объема недоделок, непосредственно влияющих на безопасность движения поездов, а также с учетом того, что началось сооружение второго пути, причем первый путь подлежал реконструкции со сдвижением его либо вправо, либо влево до двух метров, нормального движения поездов по линии в процессе строительства организовано быть не могло. Постоянное совещание считало, что в целях создания нормальных условий для сооружения второго пути, железнодорожная линия Иркутск – Слюдянка должна быть передана в эксплуатацию строительству № 12 до полного окончания строительных работ, а руководство строительства № 12, в свою очередь, долж-

но было взять на себя обязательство, на случай необходимого пропуска организованных поездов, содержать в соответствующей готовности первый путь, обеспечив открытие движения поездов в срок до 12 ч.

Сооружение второго пути

В 1950 г. продолжились работы по устранению недоделок первого пути и по строительству второго пути. Приемка работ, оплата и учет расходов производились отдельно по первому и второму пути. Основные работы по-прежнему выполнялись управлением строительства № 12 в составе четырех восстановительных поездов, нескольких воинских частей при участии Желдорвзрывпрома с применением поезда Связьрем № 24. Проектно-изыскательские работы выполнялись Московским отделением Союзтраспроекта и Мостранпроектом.

Начальником строительства являлся К. П. Гоценко, его заместителем – Ширяев, главным инженером строительства – Пугин, заместителем начальника строительства по политчасти – Булаев, председателем участкового комитета профсоюзной организации – Рычков, начальником группы заказчика – Соложеникин, председателем Дорпрофсожа Восточно-Сибирской железной дороги – Новиков. Со стороны Восточно-Сибирской железной дороги строительные работы курировал заместитель начальника дороги И. А. Рыжевцев.

Утвержденными основными положениями к проектному заданию предусматривалось до сооружения Байкальской (Иркутской) ГЭС железнодорожную линию № 12 проектировать под паровую тягу (до 1952 г.), а после строительства ГЭС линию перевести на электрическую тягу.

По проекту створ плотины ГЭС намечался на р. Ангаре в 6–7 км выше г. Иркутска. Подъем Ангары вызывал затопление существовавшей линии, проходившей по левому берегу реки, а также подъем уровня озера Байкал на один метр. Указанное обстоятельство требовало строительства нового участка линии протяженностью 113 км по правому берегу Ангары вне зоны затопления и приведения Кругобайкальского участка до ст. Слюдянка в безопасное для движения поездов состояние либо полного переключе-

чения движения поездов на линию № 12. В техническом проекте сооружения второго пути на участке Иркутск – Слюдянка, составленном Московским отделением Союзтранспроект в 1949 г. на основе проектного задания, подготовленного Мостранспроект, и заключением по нему Бюро экспертизы проектов Министерства путей сообщения рассматривались оба этих варианта. Но в результате их сравнения была установлена целесообразность переключения всего движения на участке Иркутск – Слюдянка на железнодорожную линию № 12, которую, в свою очередь, необходимо было усилить за счет сооружения второго пути и реконструкции всех устройств, а также перевода движения поездов на электрическую тягу.

Проектирование второго пути изначально осуществлялось под паровую тягу. На 1952 г. мощность оборудования линии предусматривала пропускную способность при паровозе серии Е^А и весе поезда 1 500 т – 50 пар поездов в сутки. С учетом одновременной работы линии Иркутск – Байкал (до ее затопления) планировалась пропускная способность 60 пар поездов в сутки.

При паровой тяге и частично оборудованном автосцепкой и автоматическими тормозами вагонном парке предусматривались ограничения в организации движения:

1. При движении поездов на подъем для предохранения хвостовой части поезда на случай обрыва двойная тяга должна была осуществляться с помощью толкача.

2. На спусках движение поездов должно было осуществляться с двумя паровозами в голове с целью обеспечения дополнительных тормозных средств в случае отказа тормозов в поезде.

3. Движение поездов по затяжным спускам ограничивалось скоростью 35 км/ч с нахождением на перегоне только одного поезда и обязательной остановкой поезда на каждом отдельном пункте в пределах крутых спусков. На этих же крутых спусках предусматривалось устройство улавливающих тупиков, обеспечивавших остановку поезда в пределах тупика без аварии.

4. В целях наиболее безопасного движения, поезда разграничивались межстанционными перегонами в направлении спуска, и промежуточные сигналы автоблокировки в пределах этих спусков не предусматривались.

Организация строительства возлагалась на управление строительства № 12, нормативный срок – три года.

Для строительства второго пути предусматривалось полностью задействовать первый путь. Транзитное движение других поездов было возможно только в случае аварии на Кругобайкальском участке. Строительная стоимость второго пути и реконструкция первого пути в ценах 1949 г. составляла 332 млн 897 тыс. руб. [2, Оп. 241. Д. 10 Л. 27].

Согласно плану организации строительства, работы по второму пути нужно было провести с 1949 г. по 1951 г. Уже в 1949 г. следовало выполнить земляных работ в размере 841 куб. м., по кладке искусственных сооружений – 33,5 тыс. куб. м, служебно-технических зданий – 14 тыс. куб. м. Всего, наряду с работами по недоделкам первого пути, в 1949 г. предусматривалось выполнить по строительству второго пути работ на сумму 8,4 млн руб. Разработка грунтов с транспортировкой тачками планировалась в объеме 121 тыс. 212 куб. м, ручная разработка на вылет в объеме 67 тыс. 222 куб. м, вагонетками вручную – 65 тыс. 578 куб. м, а экскаваторная разработка с транспортировкой автомашинами – 45 тыс. 993 куб. м. Всего указанными способами объем работ составил 300 тыс. куб. м.

В соответствии с утвержденным проектным заданием под второй путь предусматривалась постройка постоянных искусственных сооружений и замена существующих деревянных конструкций. Все искусственные сооружения были запланированы по техническим условиям проектирования капитального восстановления и строительства мостов и труб под железную дорогу нормальной колеи еще в 1947 г. При выборе типов сооружений принималось во внимание наличие на участке от Иркутска до 43-го км сейсмической активности (до восьми баллов), поэтому в пределах этого участка предусматривалась постройка железобетонных труб и мостов с массивными опорами. В целях удешевления стоимости организации работ по переустройству временных мостов на постоянные, капитальные опоры были запроектированы раздельными под каждый путь.

Нужно учесть, что в это время работы производились как по постройке второго пути, так и по устранению недоделок первого пути. Смета на недоделки и дополнительные работы была пере-

считана в цены 1950 г. и утверждена приказом Министра путей сообщения № И12-1387/С от 27 апреля 1950 г. в сумме 58 млн 283 тыс. 400 руб. Однако в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 9 мая 1950 г. № 1811 в связи со снижением сметной стоимости строительства на 25 % смета вновь была пересмотрена и утверждена приказом Министра путей сообщения от 28 сентября 1950 г. в сумме 50 млн 819 тыс. 500 руб.

На 1 января 1950 г. технический проект на сооружение второго пути был готов, но к рабочему проектированию так и не приступили, несмотря на приказ прислать в Иркутск группу проектировщиков Мостранспроекта. Проектировщики прибыли с большим опозданием и уже в ноябре, не закончив проектирования, были отозваны обратно, хотя приказом Министра путей сообщения № С-320/ЦЗ от 28 апреля 1950 г. срок окончания рабочего проектирования был установлен в третьем квартале 1950 г. Однако оно так и не было закончено не только к сроку, но и к 1 января 1951 г. Это поставило строительство в затруднительное положение, поскольку в числе недоделок были такие, которые лимитировали ход строительных работ 1951 г, так как на многие объекты не было технической документации, включая объекты водоснабжения и устройства сигнализации, централизации и блокировки. Согласно приказу заместителя Министра путей сообщения от 21–22 июля 1949 г. № 12-1686с с 1 января 1949 г. строительство было переведено с хозяйственного способа ведения работ на подрядный.

Несмотря на то, что дорога уже была сдана в эксплуатацию, фактически до октября 1950 г. по существовавшему первому пути осуществлялся только пропуск рабочих поездов. В 1951 г. руководством строительства было намечено окончание основных работ по сооружению земляного полотна, однако полностью эти работы техдокументацией обеспечены не были. Управление Восточно-Сибирской железной дорогой (начальник Т. Г. Ермаков) плохо организовывало помощь стройке и неудовлетворительно выполняло приказы Министерства путей сообщения о снабжении ее необходимыми материалами. Из 30 тыс. куб. м балласта в 1952 г. было поставлено только 3 000, а рельсов – 35 %. К тому же Управление Восточно-Сибирской железной дороги безответственно относилось к содержанию и охране сооружений, принятых в эксплуатацию от

строителей, ввиду чего они разрушались и приходили в негодность. Во многих зданиях расхищались оконные переплеты, двери и печная арматура. Среди работников эксплуатационного штата линии присутствовала низкая дисциплина, а массово-политическая работа вообще была запущена.

Восточно-Сибирская железная дорога должна была оказать помощь строительству в части улучшения снабжения строившейся магистрали продуктами и промышленными товарами первой необходимости. В целях повышения ее ответственности за строительство линии секретариат обкома КПСС принял решение просить Министра путей сообщения Б. П. Бещева ликвидировать группу заказчика на строительстве, передав ее штаты и функции отделу капитального строительства Восточно-Сибирской железной дороги.

Электрификация и устранение недоделок

Строительство второго пути было начато по утвержденному 19 августа 1949 г. техническому проекту со сметной стоимостью 335 млн 897 тыс. руб. Смета подвергалась изменению пять раз, и окончательная стоимость строительства определилась в ценах второго полугодия 1950 г. в сумме 271 млн 333 тыс. руб. По состоянию на 1 июня 1956 г. по смете второго пути осталось выполнить работ на сумму 29 млн 307 тыс. Кроме того, по смете первого пути сохранялись недоделки на сумму 1 млн 802 тыс. руб.

На основании распоряжения Совета министров СССР от 13 августа 1953 г. № 10537-РС и приказанием Министерства путей сообщения от 14 августа 1953 г. разработан проект по усилению пропускной способности линии с устройством четырех дополнительных улавливающих тупиков с включением стоимости затрат в сумме 6 млн 643 тыс. руб. в общую смету второго пути.

В 1953 г. распоряжением Совета министров СССР от 10 июня 1953 г. № 7918-РС было утверждено проектное задание по электрификации участка Иркутск – Слюдянка. Сметно-финансовый расчет к проектному заданию утвержден приказанием Министерства путей сообщения № 001680-Пр от 11 июня 1953 г. в сумме 162 млн руб. Работы по электрификации линии Иркутск – Слюдянка начались в 1953 г. и по состоянию на

1 июня 1956 г. оставалось выполнить работ на сумму 32 млн 98 тыс. руб.

Помимо установки столбов и контактной подвески для целей электрификации необходимо было проложить линию электропередачи напряжением 110 кв (ЛЭП-110) от Ангарска до Слюдянки, на ст. Иркутск-2, Гончарово, Большой Луг, Подкаменная, Андриановская, Слюдянка-2 построить электрические подстанции для питания электровазов постоянного тока.

Наряду с работами по электрификации предстояло выполнить большой объем недоделок. По земляному полотну он оценивался на сумму 21,7 млн руб., из которых 12 млн руб. приходились на укрепительные мероприятия, до 3 млн руб. – на устройство водосточных сооружений. На некоторых участках ширина земляного полотна, крутизна участков не были доведены до проектных отметок, так как в процессе строительства выяснилось, что километры трассы имеют большое земляное полотно. На 43-м км откос полувыемки не срезан, земляное полотно недосыпано. На ст. Рассоха с нагорной стороны не произведено уположение откоса. Недосыпано земляное полотно и на 53-м км, и на ст. Глубокая. На 66-м, 71-м км отмечались пучины [6].

По искусственным сооружениям объем недоделок в начале 1955 г. составлял 4,96 млн. руб. Не начиналось строительство мостов на улавливающих пунктах и путепровода 112-го км, не были закончены работы по путепроводу у ст. Кая. У большинства мостов не были засыпаны конусы, не расчищены русла. Отмечалось низкое качество работ на мостовых сооружениях (обнажена арматура, присутствовали раковины в бетоне). Не были построены запланированные 14 переездов, не начаты работы по оборудованию переездов автоматической сигнализацией и автоматическими шлагбаумами.

Из общей сметной стоимости железнодорожной линии с учетом ее электрификации по состоянию на 1 апреля 1955 г. было освоено лишь 62,6 % капиталовложений. Не были закончены работы по устройству автоблокировки и механической централизации, развитию отдельных пунктов, укреплению земляного полотна и другим объектам, необходимым для нормальной эксплуатации [3, Ф. 127. Оп. 44. Д. 79. Л. 39].

Совершенно неудовлетворительно велись работы по электрификации линии. При сметной стоимости 162 млн руб. по состоянию на 1 апреля 1955 г. освоено 43,3 млн руб. или 28 % капиталовложений. Установленный план строительно-монтажных работ на 1954 г. по электрификации был выполнен только на 64 %.

Управлением строительства № 12 фактически сорваны сроки сдачи тяговых подстанций под монтаж, установки фундаментов и опор контактной сети. Из шести тяговых подстанций сданы в срок только три, подготовлено под монтаж контактной сети всего лишь 52 % протяженности электрифицируемого участка.

Районное управление «Иркутскэнерго» длительное время не могло решить вопрос о подрядной организации по строительству ЛЭП. Работы по изготовлению опор и сооружению ЛЭП на 1 апреля 1955 г. не были начаты, что создавало угрозу срыва открытия движения на электрифицируемом участке в третьем квартале этого года.

На Восточно-Сибирскую железную дорогу была возложена задача обеспечения безусловного выполнения работ по связи, сигнализации, централизации и блокировке. Т. Г. Ермакову необходимо было обеспечить строителей недостающей проектно-сметной документацией, решить вопросы, возникшие в связи с переводом строившейся линии на электротягу.

В 1955 г. Министерство путей сообщения и Министерство транспортного строительства создали комиссию по определению готовности электрифицированной железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка. Совместными приказами обоих министерств № Б-38977 от 21 ноября 1955 г. была назначена комиссия по установлению степени готовности линии к приемке ее в эксплуатацию правительственной комиссией. В состав комиссии вошли старший строительный ревизор Главного управления капитального строительства Министерства путей сообщения О. Н. Боровик (председатель); заместитель начальника Восточно-Сибирской железной дороги Ф. Ф. Мальцев; начальник группы заказчика строительства № 12 А. Н. Соложеникин; заместитель начальника отдела электрификации и энергоснабжения С. Ш. Анбиндер; начальник отдела Главного управления железнодорожных войск А. Д. Каргашинский; главный специалист Транстехпроекта Б. Г. Поршнев.

Комиссия работала с 28 ноября по 22 декабря 1955 г. и осмотрела состояние всех сооружений, в том числе социально-бытовые объекты. По окончании осмотра срок завершения работ на линии был назначен на 15 февраля 1956 г.

После пробной поездки электровоза, состоявшейся 20 декабря 1955 г. от ст. Иркутск-1 до ст. Большой Луг, комиссия посчитала возможным и необходимым в дальнейшем, по мере подачи напряжения в контактную сеть и выполнения наладочных работ, производить подобные пробные поездки, чтобы к концу января начать временную эксплуатацию линии от ст. Иркутск-2 до ст. Слюдянка-1. Однако, по информации управляющего Иркутскэнерго, напряжение на все тяговые подстанции могло быть подано только в феврале 1956 г. Заканчивалось строительство ЛЭП-110 кВ Иркутск – Слюдянка, но она не обеспечивала надежного энергоснабжения тяговых подстанций. Была необходимость в сооружении второй ЛЭП от Ново-Ленино до Южной. При этом воинской части № 51580 комиссия поручила провести эвакуацию Кругобайкальского участка Восточно-Сибирской железной дороги [1, Оп. 103. Д. 14. Л. 176].

Сдача в постоянную эксплуатацию

Новая двухпутная электрифицированная железнодорожная линия была построена по техническим условиям первой категории железных дорог. Главные пути на перегонах и разделительных пунктах были уложены рельсами типа Р-50 при количестве шпал на один километр 1 840 шт. на прямых участках и 2 000 шт. на кривых. На станционных приемоотправочных путях были уложены 70-фунтовые канадские рельсы при количестве шпал на один километр пути 1 640 на прямых участках и 1 400 на кривых.

В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 24 мая 1956 г. № 2937 для приемки в постоянную эксплуатацию новой электрифицированной железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка была создана правительственная комиссия. Ее возглавил главный строительный ревизор Министерства путей сообщения П. П. Кучеренко. В комиссию вошли заместитель начальника Главного управления пути и сооружений Министерства путей со-

общения Н. Н. Виноградов; главный инженер Главного управления электрификации и энергетического хозяйства Министерства путей сообщения И. И. Иванов; заместитель начальника Восточно-Сибирской железной дороги В. Ф. Мальцев; главный инженер Главного управления железнодорожных войск Министерства транспортного строительства С. В. Борькин; начальник строительства железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка А. Н. Жижилашвили; управляющий Иркутской областной конторой Промбанка В. П. Бехтерев; начальник военных сообщений Забайкальского военного округа В. Г. Богданов.

Комиссия ознакомилась с технической документацией и провела натурный осмотр железнодорожной линии с 5 по 11 июня 1956 г. Для детального осмотра были организованы рабочие комиссии из работников Восточно-Сибирской железной дороги и Управления строительства железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка. Осмотр линии производился со ст. Иркутск-2 до ст. Слюдянка-1 на протяжении 134 км.

Эта линия была электрифицирована, и обеспечивалась постоянным током с напряжением 3 000 В. Одновременно были электрифицированы участки от ст. Иркутск-2 до ст. Иркутск-1 и от ст. Слюдянка-2 до ст. Слюдянка-1 и, таким образом, было полностью электрифицировано тяговое плечо. На линии для сношения по движению поездов построена двухпутная автоблокировка с наложением локомотивной сигнализации и автостопов непрерывного действия. Электрическая централизация стрелок построена на ст. Иркутск-2, Иркутск-1 и Слюдянка-2, механическая – на всех остальных отдельных пунктах. На пяти переездах установлена автоматическая проблесковая сигнализация, на семи переездах такая же сигнализация вместе со звуковой.

В процессе строительства был допущен ряд отступлений от утвержденного технического проекта в связи с привязкой рабочих проектов к местным условиям, а в некоторых случаях по причине отсутствия предусмотренных проектом материалов. Например, местами изменена крутизна откосов выемок по геологическим условиям и характеру грунта, отменены защитные бермы с верховой стороны на участках от 23-го до 42-го км, так как отсутствовала опасность размыва полотна, что было установлено комиссионным осмотром в 1953 г. На некоторых участках был изменен продоль-

ный профиль в целях сокращения работ, на нескольких тяговых подстанциях вместо двух выпрямительно-инверторных агрегатов на каждой установлены выпрямительные агрегаты (выпуск инверторных агрегатов на тот момент не был еще освоен промышленностью).

Наряду с этим имели место отступления, вызванные неточным выполнением отдельных конструктивных элементов. Как правило, отступления согласовывались с проектными организациями, руководством дороги, группой заказчика и в необходимых случаях с Министерством путей сообщения.

При строительстве первого пути все высокие насыпи и глубокие выемки сооружались сразу под два пути. Второй путь пристраивался и с правой и с левой стороны первого пути, что вызывалось сокращением земляных работ и в отдельных случаях было продиктовано инженерно-геологическими условиями в целях создания устойчивости существовавшего первого и пристраиваемого второго пути. На отдельных участках общей протяженностью 24,9 км первый путь сдвигался со своего первоначального положения, как это было предусмотрено проектом строительства второго пути.

Высота насыпей от 73-го км до 121-го км составляла до 26 м, глубина выемок – до 32 м. В главном пути были уложены рельсы типа Р-50 и Р-43 (только на межтоннельном участке), в улавливающих тупиках и на станциях – канадские рельсы. В межтоннельном участке первого пути рельсы типа Р-43 были сменены на рельсы типа Р-50 в порядке капитального ремонта силами Восточно-Сибирской железной дороги, а также построены четыре улавливающих тупика.

На новой линии было построено 174 искусственных сооружения, в том числе три тоннеля, 49 мостов, 43 каменные трубы, 63 железобетонные трубы, 10 железобетонных лотков, 2 путепровода. Общая протяженность всех искусственных сооружений составляла 7 206 м.

Работы по связи и устройствам сигнализации, централизации и блокировки по титулу первого пути предусматривали строительство автоблокировки, напольных устройств локомотивной сигнализации, полуавтоматической блокировки и механической централизации стрелок; по титулу второго пути добав-

лялась местная связь по станциям; по титулу электрификации – частичное переустройство автоматической блокировки, централизации стрелок на станциях, магистральной линии связи и местной связи.

Магистральная линия связи, построенная в 1949 г., состояла из 16 стальных проводов и обеспечивала диспетчерскую поездную связь, постанционную, линейно-путевую, связь энергодиспетчера, межстанционную поездную связь, телеграфную магистральную и поездную связи. В период строительства второго пути за счет средств дороги было подвешено дополнительно шесть проводов, имевших назначение обеспечить дорожную, магистральную, телефонную связи и обходную диспетчерскую связь.

Все станции были оборудованы диспетчерской, поездной, постанционной, межстанционной, энергодиспетчерской и телеграфной поездной связью. Блокпосты оборудовались диспетчерской и поездной связью, тяговые подстанции – энергодиспетчерской, постанционной и местной связью, рабочие околотки дистанции пути – линейно-путевой связью.

С электрификацией линии была произведена реконструкция негабаритных воздушных переходов линий связи и энергоснабжения через железнодорожные пути и выноска магистральной линии связи Министерства путей сообщения на участке Слюдянка-1 – Слюдянка-2. На ст. Иркутск-2, Иркутск-1 и Слюдянка-1 все воздушные линии, оказавшиеся негабаритными, заменены на кабельные или реконструированы.

Проектным заданием на устройство энергоснабжения электрифицированного участка Иркутск – Слюдянка предусматривалось сооружение шести тяговых подстанций, эксплуатационной контактной сети длиной 134 км и с развернутой длиной 478 км, пяти постов секционирования, здания энергоучастка с механическими мастерскими (ст. Иркутск-2), базы масляного хозяйства (Иркутск-2).

Общее количество гражданских сооружений по всем титулам строительства в соответствии с проектом составляло 366 объектов. Из социальных объектов на линии были построены: 3 школы, 3 интерната, 2 красных уголка, родильный дом (ст. Подкаменная), 2 медпункта, амбулатория, 3 столовые, 2 хлебопекарни, 3 овощехранилища, 28 бань.

По титулу водоснабжения первого пути на линии Иркутск – Слюдянка было запланировано строительство трех пунктов водоснабжения – на ст. Большой Луг, Подкаменная и Ангасолка. Из них на ст. Большой Луг и Подкаменная пункты водоснабжения построены с небольшими недоделками, на ст. Ангасолка пункт водоснабжения после сдачи в постоянную эксплуатацию линии остался недостроенным. Установленные паровые насосы не смогли обеспечить подъем воды с озера Байкал на высоту 320 м. По титулу второго пути проектом предусматривалась реконструкция всех пунктов водоснабжения со сменой парового оборудования насосных станций на электрическое. По ст. Ангасолка выполнена коренная реконструкция пункта водоснабжения с устройством дополнительной насосной станции второго подъема на 108-м км с электронасосами и заменой парового оборудования первого подъема электронасосами. По ст. Подкаменная в процессе эксплуатации пункта водоснабжения выявилась ненадежность принятого проектом источника водоснабжения в виде р. Малая Олха, которая в зимнее время перемерзала, и водосборный колодец питался лишь незначительным количеством подрусловых вод. В целом имевшееся водоснабжение на всей линии не могло обеспечить водой, в случае необходимости, перевода движения на паровую тягу.

На линии были построены 15 отдельных пунктов (станции и блокпосты). На ст. Кая, Гончарово, Большой Луг, Рассоха, Подкаменная, Глубокая, Андриановская, Ангасолка, блокпост 112-й км. На ст. Слюдянка-2 построены пассажирские здания.

Потребность в кадрах линии на 1 июня 1956 г. составляла 1 332 чел. или 76,5 % от общей численности работников. Недостаток кадров ощущался в службах пути и сооружений, локомотивной, службе электрификации и энергетического хозяйства.

Стоимость строительства одного километра второго пути новой железнодорожной линии с учетом доделок первого пути на 1 июля 1956 г. составила 2 млн 244 тыс. руб., электрификация – 909 тыс. руб.

По мнению правительственной комиссии, вследствие большого объема недоделанных работ, новая электрифицированная двухпутная линия Иркутск – Слюдянка, предъявленная к сдаче в постоянную эксплуатацию, не соответствовала в целом установ-

ленным требованиям. Однако неизбежность немедленного перевода движения поездов со старой линии на новую трассу из-за необходимости разбора участка старой линии в районе плотины, а также с учетом предстоявшего затопления ее значительной части, правительственная комиссия посчитала возможным, в качестве вынужденной меры, принять новую линию Иркутск – Слюдянка в эксплуатацию с 1 августа 1956 г. и предать ее на баланс Восточно-Сибирской железной дороги. При этом имелось в виду, что некоторые первоочередные работы должны быть закончены в 1956 г.

Первоочередные работы предусматривали окончание строительства к 1 августа 1956 г. линии электропередачи 220 кВ на участке Китой – Иркутск и временный (до пуска Иркутской ГЭС) ввод в действие на напряжение 110 кВ в качестве второй линии питания участка Иркутск – Слюдянка от ТЭЦ № 1 в Ангарске. Министерство путей сообщения обязано было укомплектовать штат; произвести замену четырехдырных подкладок на рельсах Р-50 на шестидырные и закрепить пути от угона по усиленной схеме; направить на линию дополнительное количество электровозов Н-8 и ВЛ-22^М; провести работы по применению рекуперативного торможения; разработать мероприятия по повышению квалификации машинистов электровозов; приступить к радиофикации электровозов; организовать снабжение линии продуктами питания и промтоварами; создать необходимый километровый запас по верхнему строению.

До постановки линии на спусках перевального участка и повышения балластного слоя до проектной толщины, а также устранения больных мест земляного полотна комиссия установила скорость на этих участках не выше 50 км/ч. Ввиду редкого расположения источников воды необходимо было провести дополнительные работы по изысканию новых надежных источников водоснабжения.

Комиссия также считала, что Министерство строительства электростанций должно было вести работы по строительству Иркутской ГЭС так, чтобы в случае аварийных перерывов движения на новой линии имелась возможность в период июля – августа 1956 г. не позднее чем в трехдневный срок вновь перевести движение на старую линию.

Участок Иркутск – Слюдянка обслуживался электровозами ВЛ8 депо Иркутск-Сортировочный. Этот участок был оборудован системой полуавтоматической блокировки с улавливающими ту-пиками и имел самую низкую по дороге пропускную способность, так как была принята система движения поездов с толкачами для преодоления 18 ‰ подъема без изменения веса поезда по дороге. Система предусматривала выталкивание поезда от ст. Большой Луг с запада и от ст. Слюдянка с востока до ст. Андриановская, находящейся на вершине перевала, с возвратом толкачей, соответственно, на ст. Большой Луг и Слюдянка. Начальник дороги, Герой социалистического труда Б. К. Саламбеков заинтересовался этой проблемой, сам проехал на электровозе с поездом по участку и внес предложение не отцеплять толкачи на ст. Андриановская, а следовать с поездами до ст. Большой Луг и Слюдянка. Такое решение позволило повысить пропускную способность участка [7, с. 420–421].

Нормальное ведение поезда по 18-тысячному спуску длиной 40 км невозможно без рекуперативного торможения ведущим электровозом. Как только толкачи перестали отцеплять на ст. Андриановская Б. К. Саламбеков дал указание проверить возможность рекуперации и электровозом-толкачом. В депо Иркутск-Сортировочный провели необходимую работу среди машинистов и машинистов-инструкторов, сделали несколько опытных поездок совместно с вагонниками для определения реакции в составе поезда при одновременной рекуперации ведущего и подталкивающего электровозов и торможении пневматическими тормозами и результаты доложили начальнику дороги. Следует сказать, что подобной практики одновременного рекуперирувания двумя электровозами на сети железных дорог тогда не было. Б. К. Саламбеков, несмотря на возражения некоторых специалистов Министерства путей сообщения, принял решение об обязательном применении толкачом рекуперативного торможения. Это позволило несколько увеличить пропускную способность участка, так как возросла участковая скорость и повысилась надежность с точки зрения безопасности движения. К тому же, это позволило получить значительную экономию электроэнергии, что имело большое значение для экономики дороги.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 80. Д. 1089.
2. Текущий архив ВСЖД. Оп. 161. Д. 39. Л. 16.
3. ГАНИИО. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.
4. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 61. Л. 103, 104.
5. *Мартыненко И. В.* Организация воинских перевозок на Дальний Восток в 1945 г. / И. В. Мартыненко // Железнодорожный транспорт. 2005. № 8. С. 72–77.
6. Музей истории ВСЖД. Альбом фотоснимков по железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка: путевое хозяйство. Иркутск, 1955. Л. 1.
7. *Головатый А. Т.* Воспоминания об учителе / А. Т. Головатый // Н. А. Зензинов Генерал-директор тяги. М. : Диалог МГУ, 1998.

УДК 94(571.53/.54)

В. В. Ткачев*

**РАБОТА ИНЖЕНЕРА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ
А. П. БОГОСЛОВСКОГО ПО ПРИОБЩЕНИЮ
ИРКУТЯН К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

В статье рассматривается работа инженера путей сообщения А. П. Богословского по приобщению иркутян к художественной жизни в конце XIX – начале XX вв. На основе литературы и архивных документов восстановлены исторические факты, связанные с участием Алексея Петровича в организации художественных выставок иностранных и сибирских мастеров в Иркутске. В работе анализируются учредительные и сопроводительные документы, отчеты и планы, афиши и объявления, источники периодической печати и т. д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история Сибири, история Иркутска, А. П. Богословский, городская культура, художественная жизнь, периодическая печать.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: история и особенности развития».

V. V. Tkachev

**WORK OF THE ENGINEER OF THE WAYS
OF COMMUNICATION A.P. BOGOSLOVSKY
ON THE APPEARANCE OF IRKUTYAN TO ARTISTIC
LIFE IN THE LATE XIX – BEGINNING XX CENTURIES**

The article examines the work of the railway engineer A. P. Bogoslovsky on introducing Irkutsk residents to artistic life in the late XIX – early XX centuries. On

* **Ткачев Виталий Викторович**, аспирант исторического факультета Иркутского государственного университета.

the basis of literature and archival documents, historical facts related to Alexey Petrovich's participation in the organization of art exhibitions of foreign and Siberian masters in Irkutsk have been restored. The paper analyzes the constituent and accompanying documents, reports and plans, posters and announcements, sources of periodicals, etc.

KEYWORDS: *history of Siberia, history of Irkutsk, A. P. Theological, urban culture, artistic life, periodicals.*

FINANCING: *The research was supported by Irkutsk State University, project N 091-21-322 "Artistic life in the cities of Baikal Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: history and features of development".*

Исторические исследования современности направлены на то, чтобы дать определенную оценку главным культурным событиям, которые происходили в конце XIX – начале XX вв. Такие работы подчеркивают активное участие отдельных представителей художественной интеллигенции в культурных мероприятиях тех лет. Деятельность А. П. Богословского была направлена на развитие художественного пространства, приобщение иркутян к искусству.

Все чаще исследуются и процесс создания живописных полотен, жизнь и творчество сибирских мастеров. Ученые пишут о том, что особенностью развития городской среды конца XIX – начала XX вв. является то, что в данный период усиливается интеллектуальная основа сибирского общества. Проявление интереса общественности к социальным, экономическим, политическим проблемам региона заставляло их все больше знакомиться с научными трудами, собирать уникальные исторические материалы. В учебных заведениях проводились отдельные занятия о том, как можно понять исторические события. Все эти явления активизировали процесс формирования образованных представителей городского общества. Интеллектуальное движение влияло на проведение научных исследований, в том числе и в сфере культуры. Многие представители художественной интеллигенции последовали примеру известных ученых и совместно с ними создавали выставочные пространства, где знакомили жителей с произведениями искусства, традиционным укладом жизни сибирских народов. Также в конце XIX – начале XX вв. мастера принимали участие в экспедициях в Монголию, Китай, на Алтай и в другие регионы, где фиксировали художественные образы населенных

пунктов, собирали информацию о народных праздниках и повседневной жизни людей.

Многие современные исследования направлены на изучение общественной деятельности художественной интеллигенции Иркутска. Известно, что они участвовали в создании общественных организаций, например, Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО), Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии (ОРНОиНР) и др.

В научных трудах публикуются уникальные документы, которые показывают участие интеллигенции в городских мероприятиях: выставках, лекциях, концертах. Источники подтверждают, что огромные денежные средства от представителей городской общественности поступали на реализацию научных исследований и просветительских проектов.

Исторические источники сообщают современному поколению о том, что в конце XIX – начале XX вв. развивались культурные связи, проводились художественные мероприятия, создавались благоприятные условия для развития художественного пространства.

Изучая деятельность известных представителей художественной интеллигенции, историки показывают, как в городах появлялись коллекционеры, хранители и исследователи культурного наследия. Они поддерживали проекты общественных таких организаций, как ВСОИРГО и ОРНОиНР. Многие предметы из их собраний были отправлены на Парижскую Всемирную выставку в 1900 г. Они способствовали формированию художественной жизни Иркутска, приобщали городское общество к искусству, привлекали к участию в просветительских мероприятиях жителей, так как считали это полезным для развития интеллектуального потенциала сибирского общества.

Данная работа позволяет на примере жизни и деятельности инженера путей сообщения А. П. Богословского рассмотреть, как общественность активизировала работу научных, творческих объединений по созданию выставочных пространств, образовательных и научных центров.

В работе используются документы фондов ВСОИРГО (Ф. 293), ОРНОиНР (Ф. 197) Государственного архива Иркутской

области (ГАИО). Анализируются источники периодической печати, учредительные и сопроводительные документы, касающиеся деятельности творческих, общественных объединений, каталоги выставок, афиши и т. д.

Историю развития художественного пространства Иркутска конца XIX – начала XX вв, научную и выставочную деятельность общественных организаций рассматривали многие историки в своих статьях и монографиях. Историю культурного взаимодействия между разными представителями городского общества изучали В. П. Шахеров, Н. И. Гаврилова, Е. С. Манзырева и др. [1, с. 12; 2; 3]. Конкретно о деятельности А. П. Богословского в Иркутске можно узнать из исследований А. Д. Фатьянова, Т. Г. Ларевой, Ю. П. Лыхина и др. [4, с. 40–41; 5, с. 249; 6, с. 8; 7, с. 11].

Алексей Петрович Богословский – инженер путей сообщения. С 1899 г. служил в техническом отделе Управления работами Забайкальской железной дороги. В 1902 г. его назначили помощником начальника технического отдела и старшим инженером этого же отдела Управления по постройке Кругобайкальской железной дороги. А. П. Богословский активно занимался общественной работой, связал всю свою жизнь с искусством [8, с. 32; 9, с. 16].

Алексей Петрович участвовал в организации мероприятий ВСОИРГО, так был его членом с 1894 г. Известно, что в конце XIX – начале XX вв. общество проводило множество художественных событий: сельскохозяйственная выставка в Иркутске в 1868 г., антропологическая выставка в Москве в 1879 г., Всемирная выставка в Париже в 1898 г., Нижегородская всероссийская выставка в 1896 г., выставка костюмов бурят в 1903 г. и т. д. [10].

При организации выставок использовались специальные методы и приемы. Так, при подготовке второй охотничьей выставки Общества сибирских охотников, проведение которой планировалось 31 января 1910 г. в залах музея ВСОИРГО, был создан организационный комитет и разработаны план, концепция развития и программа. Согласно этому, было прописано, что кроме специальных спортивных охотничьих экспонатов на выставке могли быть представлены всевозможные экспонаты торговли и промышленности, имеющие хотя бы отдаленное отношение к какому-либо виду спорта. От охотничьих и других спортивных обществ, от казенных

оружейных заводов, от мастеров-кустарей и от частных лиц все экспонаты принимались на выставку бесплатно [11].

На выставке было несколько отделов: птицеводство, рыболовство, охотничья литература, акклиматизация, фотографический и художественный материал. В последнем показывались фотографические аппараты и принадлежности к ним, фотографические снимки, охотничьи сцены, местности охот, изображения собак, лошадей, зверей (гравюры, картины и др.) [12]. Правление Общества Сибирских охотников, согласно постановлению общего собрания от 27 июня 1906 г, устраивало в Иркутске в первых числах сентября 1910 г. вторую охотничью выставку. Организация обратилась с официальным письмом в ВСОИРГО о том, что необходимо поддержать данный проект: «Имея намерение устройства в сентябре будущего 1910 года второй фотографической выставки в более обширном размере, с целью иллюстрировать природу, тип и быт населения всей Сибири и соседних с ней стран, имеем честь просить распорядительный комитет возбудить об этом перед администрацией соответствующее ходатайство, если со стороны комитета по устройству такой выставки не встретится препятствий» [13]. По замечаниям экспертов, выставка прошла успешно, так как четко была составлена программа, оформлены и дополнены новыми экспонатами залы музея.

А. П. Богословский был организатором кружка любителей живописи и художественной студии, существовавших при Обществе любителей музыки и литературы в 1899–1900 гг. С 1903 г. Алексей Петрович состоял в ОРНОиНР и постоянно поддерживал его деятельность, организовывал художественные мероприятия в Иркутске: выставки известных сибирских и иностранных мастеров. ОРНОиНР было создано 6 июня 1900 г., когда был принят устав организации и определена первая программа развития. Учредителями общества являлись В. И. Вагин и В. А. Николаев.

В. И. Вагин (1823–1900) – известный общественный деятель, публицист, историк, гласный Иркутской городской думы (1872–1888). В. А. Николаев – общественный деятель, врач Забайкальской железной дороги.

ОРНОиНР было основано на принципах добровольного членства. Об истории создания общества позднее писали в от-

chte: «Стремление содействовать делу народного образования свойственно каждому правильно развитому уму, поэтому мысль образовывать общество, где бы эти отдельные стремления могли быть осуществлены реально, не может считаться принадлежащей одному лицу, – это общая мысль интеллигенции нашего времени» [14].

ОРНОиНР состояло из совета, в состав которого входили: председатель – А. Н. Ушаков; исполняющий обязанности председателя, член от ведомства народного просвещения – М. А. Заостровский; казначей, учредители и почетные члены общества. На 7 сентября 1900 г. ОРНОиНР состояло из 39 членов, а к 1 сентября 1901 г. общество включало уже 225 членов. Для обсуждения текущих вопросов проводились общие собрания. Ответственных лиц по организации мероприятий назначали из состава совета ОРНОиНР путем выдвижения кандидатуры и голосования.

Деятельность ОРНОиНР по приобщению иркутян к искусству можно разделить на несколько направлений: проведение лекций, художественных выставок, концертов и спектаклей с демонстрацией живописных полотен и развитие художественного образования. Свою деятельность ОРНОиНР основывала на предварительном изучении состояния дел в культурной среде Иркутска и сфере образования. Так, члены объединения участвовали в экспедициях на всей территории региона и проводили опрос местного населения путем анкетирования.

В результате анализа полученных результатов было установлено, что определенная часть жителей нуждается в доступных библиотеках, музеях, лекциях с целью приобщения их к культурным традициям России. Для этого создавались библиотеки, школы, организовывались лекции. Так, на заседании ОРНОиНР магистром богословия Иоанном Дроздовым было предложено прочитать несколько лекций по истории искусства для иркутян и других жителей Иркутской губернии.

ОРНОиНР была выявлена также проблема нехватки финансовых средств и преподавателей для проведения просветительских мероприятий: «Воскресная школа Общества распространения народного образования при училище им. Н. В. Сукачевой, как нам стало известно, прекратила на время свою деятельность из-за не-

достатка преподавателей. Продолжительная остановка в симпатичном и полезном деле насаждения просвещения в наиболее нуждающейся части населения города была бы крайне прискорбна, и нужно думать, что лица, сочувствующие делу, не применят отозваться и предложить на общественную пользу свои труды по преподаванию» [15].

В рамках второго направления деятельности ОРНОиНР по приобщению иркутян к искусству организовывались концерты, спектакли, вечера, где демонстрировались живописные полотна сибирских мастеров. Сохранились записи о следующих мероприятиях: «9 февраля 1901 г. состоится общедоступный для народа спектакль “Зачем пойдешь, то и найдешь (женитьба Бальзаминова)”». Сочинения А. Н. Островского. “Дочь русского актера” водевиль в 1 действии с пением»; «10 февраля 1901 г. состоится общедоступный для народа литературно-драматический вечер с танцами “Рассказ Мармеладова” (сцена из романа Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”». “Ночной водевиль” из 1 действия соч. Стаховича. В заключение вечера – танцы»; «14 ноября 1901 г. в зале Иркутской городской думы состоится общедоступное музыкальное утро»; «21 декабря 1901 г. состоится спектакль “Светить, да не греть” драма в 5-ти действиях Н. Я. Соловьёва» и др.

Другим направлением, которым занималось ОРНОиНР, являлось художественное образование и просвещение. В отчете за 1900–1901 гг. сообщается: «Почин к открытию рисовальной школы был положен художником Н. И. Верхотуровым и учителем рисования М. А. Рутченко, исходатайствовавшими уже разрешение г.[осподина иркутского гражданского] Губернатора. Желая придать большую прочность предприятию, они обратились к обществу [ОРНОиНР], чтобы школа была открыта от его имени и с некоторой гарантией предстоящих издержек» [16]. Инициативу создания учебного заведения поддержал и А. П. Богословский.

Рисовальная школа Н. И. Верхотурова была открыта 20 декабря 1900 г. в Иркутске и существовала четыре месяца. Заведывание школой и наибольшая часть труда по преподаванию выпала на долю самого Н. И. Верхотурова. От совета ОРНОиНР для содействия школе был назначен А. В. Адрианов. В течение существова-

ния первой городской общественной школы рисования было истрчено 95 руб. 80 коп.

Для художественной интеллигенции было важно, что городское общество поддержало создание школы. Как отмечал сам Н. И. Верхотуров при выступлении на заседании собрания ОРНОиНР: «Главным мотивом для этого предложения была надежда на большую обеспеченность будущности школы при условии открытия обществом, а не частными лицами, а также надежды на некоторую материальную поддержку» [17].

Николаю Ивановичу Верхотурову удалось доказать, что для городского общества необходимо создавать новые учебные заведения. Несмотря на недолгое существование школы, была проведена отчетная выставка выпускников и подготовлены новые специалисты, которые продолжили создавать живописные полотна в регионе. Согласно отчетным документам, завершили учебу пять человек, среди них можно выделить известного сибирского мастера Н. В. Лодейщикова.

Занятия в иркутской рисовальной школе начались 18 декабря 1900 г. Было принято на курсы 34 чел. из разных городов Иркутской губернии и Забайкальской области. В рисовальной школе проводили занятия Н. В. Денисов, М. А. Рутченко, Н. И. Лыткин, Л. А. Венюков, Н. И. Верхотуров, В. Ф. Попов, Иоанн Дроздов. В дальнейшем на заседаниях общества поднимались вопросы о недостаточности средств для поддержания школы, не хватало материалов (инвентаря), преподавательский состав требовал выделения дополнительных помещений для занятий и проведения выставок. К сожалению, в совете не было таких средств для рисовальной школы, поэтому на общем заседании в 1901 г. было принято решение ее закрыть.

Свидетельства об участии А. П. Богословского в организации художественных выставок в Иркутске сохранились в источниках периодической печати. В газете «Восточное обозрение» от 1900 г. сообщается, что в зале Общественного собрания по Амурской улице состоялась художественная выставка имеющих в Иркутске произведений искусства. Выставка была организована по инициативе А. П. Богословского и других членов кружка любителей живописи, образовавшегося при Обществе любителей музыки и литературы осенью 1899 г. Были показаны

произведения русских и европейских мастеров: И. К. Айвазовского, М. М. Антокольского, А. Г. Варнека, А. И. Корзухина, К. Е. Маковского, С. Тончи, Л. Хофелиха, Р. Шульце, работавших в Восточной Сибири в 1870–1880-х гг. польских ссыльных С. Вронского и Ю. Беркмана, лейтенанта Ф. М. Белкина и др. Кроме того, в выставке участвовали своими работами местные художники и любители: Н. И. Верхотуров, М. И. Зязин, А. И. Кузнецов и др. Выставка вызвала большой резонанс в городе и охотно посещалась публикой. Только за первые три дня на ней побывало более 550 чел. К выставке был издан каталог.

В 1902 г. газеты «Иркутские губернские ведомости» и «Восточное обозрение» писали о том, что в Общественном собрании проходила выставка картин и этюдов лейтенанта Ф. М. Белкина, одного из участников Байкальской гидрографической экспедиции под начальством Ф. К. Дриженко (1896–1902). На выставке было представлено 165 работ, распределенных по нескольким разделам. Самый большой из них был посвящен Байкалу – 72 картины; Северный Ледовитый океан изображало 34 работы; религиозные верования бурят-буддистов, Гусиноозерский дацан, праздник Цам – 20 картин; кавказское побережье Черного моря – 17, Онежское озеро – 14, Крым – 3 и разных этюдов – 5. Выставка была устроена иркутским благотворительным обществом «Утоли моя печали», в пользу которого пошел весь сбор с выставки. Главные хлопоты по устройству выставки взял на себя ее «заведующий» – А. П. Богословский. Выставка вызвала большой интерес у иркутян и была продлена на неделю сверх первоначального срока. Картины продавались.

В Иркутске 2–22 ноября 1903 г., после пребывания в Красноярске и Томске, работала Первая передвижная художественная выставка для Сибири. Выставка, инициатором которой называлась М. И. Педашенко-Третьякова, была составлена в основном из работ петербургских художников. Кроме того, на ней показывались принадлежащие В. П. Сукачёву копии работ западноевропейских художников XVI–XVII вв., и в каждом городе организовывался отдел местных художников. В Иркутске выставка устраивалась ОР-НОиНР (непосредственным устроителем стал А. П. Богословский) и была размещена в клубе ремесленного общества во Власовском переулке. В местный отдел выставки вошли работы иркутских ху-

дожников-любителей: И. О. Боложинского, И. И. Масальского, фон Пецольд, братьев Шешуновых, А. П. Богословского и др. По каталогу общее число экспонировавшихся картин составило 236. По ряду причин, и в первую очередь из-за того, что выставка неожиданно совпала по времени с яркой и эффектной французской выставкой, она потерпела неудачу «и в материальном отношении и в отношении успеха чисто художественного» [18].

Таким образом, деятельность А. П. Богословского влияла на формирование художественного пространства, приобщение иркутян к предметам искусства. Алексей Петрович поддерживал общественные, творческие и научные организации, его жизнь была связана с искусством, он постоянно интересовался новыми направлениями в живописи, творчеством многих художников.

Итак, исследование доказало, что в конце XIX – начале XX вв. в Иркутске активно проводились выставки, концерты, музыкальные вечера и другие развлекательные мероприятия, которые были направлены на то, чтобы поднять уровень образованности жителей, познакомить их с новыми достижениями в искусстве, культурными традициями России. В результате участия горожан в художественных событиях происходил и подъем общего уровня благосостояния населения, происходило улучшение общественного быта Иркутска.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шахеров В. П.* Иркутск купеческий : история города в лицах и судьбах / В. П. Шахеров. Хабаровск : Изд. дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.
2. *Шахеров В. П.* Купеческие библиотеки в культурном наследии Иркутска / В. П. Шахеров // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22. № 3. С. 518–528.
3. *Манзырева Е. С.* История зарождения художественных выставок и музейных коллекций в городах Восточной Сибири (XIX – нач. XX в.) / Е. С. Манзырева // Научное наследие И. И. Соктовой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения И. И. Соктовой, 26–30 июня 2018 г. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2018. С. 59–64.
4. *Лыхин Ю. П.* Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): библиографический словарь / Ю. П. Лыхин. Иркутск : АЭМ «Тальцы», 2000. 408 с.

5. *Лыхин Ю. П.* Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века) / Ю. П. Лыхин. Иркутск : АЭМ «Тальцы», 2002. 334 с.
6. *Фатьянов А. Д.* Судьба сокровищ / А. Д. Фатьянов. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. 112 с.
7. *Фатьянов А. Д.* Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии / А. Д. Фатьянов. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. 192 с.
8. *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Н. С. Романов. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. 542 с.
9. *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1994. 559 с.
10. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 20.
11. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 315. Л. 8.
12. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 382. Л. 2.
13. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 603. Л. 4.
14. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
15. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
16. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
17. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
18. *Ткачев В. В.* История Московского тракта в работах польских художников второй половины XIX – начала XX вв. / В. В. Ткачев // Культура. Наука. Образование. 2021. № 3. С. 30–37.

УДК 330.30

Д. А. Динец, В. Э. Каутц, А. С. Меркулов*

РОЛЬ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАСЧЕТА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ СССР

В статье рассматриваются результаты реформирования социалистической экономики СССР в направлении расширения использования товарно-денежных отношений через придание статусу предприятию основного производственного звена, а также развитие на этой основе хозяйственного расчета. Авторы приходят к выводу, что результатом реформы стало преобразование социалистической экономики в капиталистическую. Причина в использовании хозрасчета как механизма реализации экономических закономерностей социализма не вытекает из его сущности. Реформирование системы управления на макроэкономическом и микроэкономическом уровнях не было в действительности научно обоснованным. Актуальность исследования заключается в доказательстве, что использование механизма, не свойственного сущности экономической системы и стадии ее развития, не дает положительного эффекта в среднесрочном и долгосрочном периодах. Реформирование системы управления макроэкономическими процессами в России в настоящее время не соответствует этапу развития страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социализм, основное производственное звено, управление, хозяйственный расчет, экономическое стимулирование.

* **Динец Дарья Александровна**, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления на железнодорожном транспорте Иркутского государственного университета путей сообщения;

Каутц Владимир Эмильевич, кандидат экономических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения;

Меркулов Анатолий Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

D. A. Dinets, V. E. Kautz, A. S. Merkulov

THE ROLE OF ECONOMIC CALCULATION IN THE ECONOMY OF THE USSR

The article examines the results of the reform of the socialist economy of the USSR in the direction of expanding the use of commodity-money relations through the transfer of the status of the main production link to the enterprise and on this basis the development of economic calculation. The authors conclude that the result of the reform was the transformation of the socialist economy into a capitalist one. The reason for using self-financing as a mechanism for implementing the economic laws of socialism does not follow from its essence. The reform of the management system, both at the macroeconomic and microeconomic levels, was not really scientifically sound. The relevance of the study lies in proving that the use of a mechanism that is not inherent in the essence of the economic system does not have a positive effect in the medium and long term. The reform of the management system of macroeconomic processes in Russia does not correspond to the stage of development of the country.

KEYWORDS: *socialism, the main production link, management, economic calculation, economic stimulation.*

Актуальность исторического анализа экономических реформ социализма с позиций реформирования капиталистической системы состоит в том, что он позволяет понять условия успешности формирования современной экономической системы России. При реформировании в сфере экономики, как и в других областях общественных отношений, применение прошлых методов является противоречивым процессом. Конкретные условия нового объекта реформирования меняют и сами методы. Понять влияние этих условий на старые методы и выработать новые и есть творчество. Показательным примером может служить попытка реформирования социалистической экономики на основе внедрения полного хозяйственного расчета на всех ее уровнях, предпринятая в 1965–1967 гг. Результатом этого стало уничтожение самого объекта реформирования. Причина негативного результата заключается как раз в том, что не были учтены особенности нового объекта. Практические шаги, предпринятые коммунистической партией СССР, не были теоретически осмыслены, теория хозяйственной реформы исходила только из кажущегося здравого смысла, что в перспективе привело к противоположному итогу.

Послевоенное совершенствование хозяйственного механизма социализма и, прежде всего, реформа 1965–1967 гг. показали, что стремление ускорить развитие социализма без определения стадии его развития и конкретных противоречий с использованием управленческих решений, не вытекающих из сути социализма, может привести к печальному результату.

Успешное развитие экономики СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. выразилось в том, что объем валового общественного продукта увеличивался на 9,10 % в год, розничный товарооборот – на 9,25 % [1, с. 253]. Такими результатами не могла похвастаться ни одна страна. Однако более глубокий анализ показал, что накопились проблемы, которые не могли быть решены в рамках сложившейся системы управления как на уровне страны, так и предприятий, что в перспективе могло иметь серьезные последствия. В постановлении сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1965 г. делается вывод, что главными проблемами являются снижение эффективности производства, замедление темпов роста производительности труда, снижение отдачи капитальных вложений и основных производственных фондов [2, с. 317]. В постановлении также указывалось, что причина появления этих проблем заключается прежде всего в том, что хозрасчет на предприятиях носит во многом формальный характер, права предприятий в хозяйственной деятельности ограничены. Рост советской экономики по ключевым показателям, согласно расчетам М. Келдыша [3], представлен в табл.

Таблица

Динамика ключевых показателей прироста с 1954 по 1963 г., %

Показатель	Период		
	1954–1958 гг.	1959–1963 гг.	1961–1963 гг.
Национальный доход	11,0	6,5	5,6
Промышленность	11,0	9,6	9,0
Сектор А	12,3	10,8	10,4
Сектор Б	9,3	7,2	6,5
Сельское хозяйство	8,6	0,0	0,0
Капиталовложения	15,0	6,6	4,0

Помимо проблем, отмеченных в сентябрьском постановлении ЦК, существовали еще и другие. Так, госплан столкнулся с проблемами учета все возрастающей номенклатуры продукции и услуг. Начавшееся внедрение экономико-математических методов не могло решить эти вопросы, поскольку ЭВМ были еще маломощными, мышление управленцев не было готово к передаче ряда функций автоматизированным системам управления (АСУ). В начале 1960-х гг. темпы роста валовой продукции и других показателей стали заметно снижаться. Особенно настораживало снижение фондоотдачи, что свидетельствовало об экстенсивном характере развития экономики [4, с. 253]. Это делало неизбежным торможение роста благосостояния населения. Именно по этому показателю СССР уступал многим капиталистическим странам. Денежные доходы населения опережали объем производства товаров народного потребления и услуг [4, с. 356]. Надо отметить, что благосостояние измеряется не только денежными доходами, а уровнем потребления, условиями труда и жизни. Экономическая система колоссально усложнилась и методы управления, основанные на высоком уровне централизации и показавшие высокую эффективность в определенных исторических условиях, уже не справлялись с необходимостью сбалансированного развития. Экономика становилась все менее управляемой. Назрела острая необходимость качественного изменения системы управления как всей экономикой в целом, так и на уровне предприятий. Новая система управления должна была не только решить создавшиеся проблемы, но и исключить возможность появления условий для их возникновения, т. е. она должна была стать системой «на вырост».

Реформирование системы управления всегда сопровождало социалистическое строительство. В силу неразвитости экономики, доставшейся СССР, переход к принципиально новой системе экономических и политических отношений, естественно, не имел глубокого теоретического обоснования. Поэтому, по нашему мнению, реформирование после войны исходило из поверхностного понимания содержания реформ и сути социализма. Дело облегчалось тем, что в период становления новой системы, когда в ней еще не сформировались собственные экономические закономерности, результаты преобразований могут оказаться

успешными и без глубокого теоретического обоснования. Процесс реформирования хозяйственного механизма в то время осуществлялся часто, поскольку производительные силы развивались очень большими темпами. Решения по совершенствованию системы хозяйствования принимались исходя из здравого смысла. Успехи предвоенного развития СССР породили ложную уверенность, что и без теоретического обоснования можно добиться успехов.

Первые шаги совершенствования управления были предприняты в 1947 г.:

- четко определены основные функции централизованного государственного управления экономикой (планирование, снабжение и внедрение новой техники) [2];
- расширены права министерств, права республик в управлении и планировании;
- пересмотрен порядок использования прибыли путем увеличения ее доли, оставляемой в распоряжении предприятий, и роста их доли в капитальных вложениях.

Кроме того, был восстановлен фонд директора с целью усиления коллективной и личной материальной заинтересованности, увеличивалась ответственность за выполнение государственных планов, постепенно развивался хозяйственный расчет. В области ценообразования главным направлением было экономически обоснованное снижение цен.

Однако это были отдельные шаги, только как реакция на обострившиеся текущие затруднения. Не было концепции развития системы управления. В целом система совершенствования экономики была направлена на более широкое использование товарно-денежных отношений (ТДО) [6, с. 272–290]. Но не было доказательств, что использование ТДО вытекает из сущности новой экономической системы, которая основывается не на движении капитала, а на общественной собственности и плановости.

Значительным шагом в реформировании общей системы управления экономикой был переход в 1957–1962 гг. от отраслевой к территориальной форме управления народным хозяйством. Хотя реформа и решила ряд проблем, связанных с региональным развитием, однако в целом она оказалась неэффективной, поскольку реализация этой формы управления привела к явной децентрали-

ции, разрушению одного из основных принципов народного хозяйства при социализме. Уже в 1964 г. отказались от совнархозов, несмотря на то, что отказ от такой системы управления народным хозяйством помимо экономических оснований имел политическую подоплеку [5].

Надо отметить, что на протяжении 1950-х и начала 1960-х гг. шли постоянные изменения в системе управления экономикой народного хозяйства, но мало затрагивалась экономика предприятий. Существенное изменение всей системы управления экономикой началось после постановления Пленума ЦК КПСС (сентябрь 1965 г.) [6, с. 640–650]. Предлагалось расширить самостоятельность предприятий, усилить материальное стимулирование. Эти мероприятия казались очевидными. Но в условиях социалистического хозяйствования такой здравый смысл столкнулся с противоречием. При социализме производство представляет собой единый производственный комплекс, где интересы отдельного предприятия подчинены достижению общей эффективности экономики, где отдельные предприятия, хотя и обладают относительной самостоятельностью и являются юридическими лицами, но представляют собой звено общенародного производства, работающего по общему плану, являясь «цехом» общенародного предприятия. Кстати, в системе крупных корпораций современного бизнеса отдельные фирмы, входящие в эти объединения, часто являются «цехами», работающими по плану корпорации.

Реформе предшествовали бурные дискуссии о роли закона стоимости, поскольку она основывалась на усилении ТДО. В экономической теории социализма проблема ТДО постоянно была предметом горячих обсуждений [7, с. 195–201; 8, с. 498–535]. Библиография по этой проблеме насчитывает сотни статей и десятки монографий. Сомнения в необходимости реформирования на основе ТДО высказывались в экономической литературе значительно реже. Известный экономист А. К. Хубиев сформулировал этот вывод следующим образом: «Товарное производство не может служить исключительной основой совершенствования хозяйственного механизма» [9, с. 168]. Но эти возражения потонули в массе поверхностных исследований, доказывающих, что ТДО являются сущностными отношениями.

Основным производственным звеном в соответствии с упомянутым постановлением ЦК стало «социалистическое государственное производственное предприятие», которое является «основным звеном народного хозяйства СССР» [10]. Во главу угла ставилась задача расширенного воспроизводства предприятия, а не общественного продукта. Противоречие сущности социализма и внедряемых методов хозяйствования осознавалось руководством страны. Оно догадывалось, что в результате снизится управляемость народным хозяйством. Разрешение этого противоречия виделось в создании производственных объединений. Предполагалось, что крупные научно-производственные объединения, будучи стабильными производственными единицами, включающими в себя научные подразделения, позволят снизить количество объектов управления и будут способны к решению внутренних проблем, ускорению научно-технического прогресса. Эта идея решалась через сокращение количества мелких предприятий путем образования производственных объединений, т. е. укрупнение хозрасчетного звена. В 1978 г. на самостоятельном балансе в СССР насчитывалось 43 767 предприятий, число производственных и научно-производственных объединений составляло 3 857 (8,8 %). Они производили 46,3 % объема реализованной продукции, причем значительная часть из них в своем составе имела 4–5 предприятий [11, с. 115]. Создание объединений должно было вести к вертикальной интеграции, увеличению масштабов производства, усилению специализации и кооперации. Кстати, специализация рассматривалась как важнейшее условие повышения производительности труда. Этот процесс имел место, но его масштабы были незначительными и не смогли оказать большого воздействия на всю экономику. На наш взгляд, существующий уровень анализа истории социализма не дает ответа на вопрос, почему это не реализовалось. Хозрасчет подталкивал предприятия к производству комплектующих изделий на собственных мощностях, поскольку усиление кооперации многократно усложняло материально-техническое обеспечение, а средства для организации производства комплектующих появились за счет фонда развития производства. Более того, промышленные предприятия создавали подсобные сельскохозяй-

ственные предприятия, что приводило к неэффективному использованию рабочей силы и капитальных вложений. Как ни странно, но стимулы хозрасчетных предприятий к получению большей прибыли не подтолкнули их к разработке новой продукции, к механизации и автоматизации производства.

Многие производственно-научные объединения носили формальный характер. Так, внутри производственных объединений на 1979 г. 42,1 % предприятий находились на самостоятельном балансе [12, с. 133]. Производственно-научные объединения давали возможность концентрировать финансовые ресурсы, что было важно для реализации крупных научно-технических проектов. Объединения, основанные на специализации и кооперации прежде самостоятельных предприятий, заменяли экономические отношения на организационно-технологические, которые не требовали для своей реализации ТДО. Следовательно, увеличение количества научно-производственных объединений приводило к тому, что субъектов ТДО становилось все меньше. Пространство ТДО сужалось.

Критериями отнесения предприятий к малым, средним и крупным являются величина основных фондов, численность работников, объем реализованной продукции, которые не учитывают их место в системе экономических отношений. К сожалению, при организации научно-производственных объединений исходили именно из такого внешнего определения размеров предприятий. Адекватным критерием размера предприятия является его удельный вес в производстве однородной продукции. Следовательно, речь идет о специализации как признаке размеров предприятия. Специализация – важнейший фактор роста производительности труда работников за счет его разделения. Содержание отношений специализированных предприятий при взаимоотношениях с другими становится все более технологическим. Концентрация производства, характерная для всей истории социализма, сопровождалась низким уровнем специализации. Это приводило к тому, что создание формально крупных предприятий, а позднее производственных объединений, не меняло характер производственных отношений [13, с. 75–81].

Вторым вариантом решения назревших противоречий была автоматизация системы управления, с проектом которой выступил

В. М. Глушков. По мнению разработчиков АСУ, госплан мог рассчитывать сбалансированные планы. Однако эта система по ряду объективных и субъективных оснований не получила одобрения [13, с. 7]. Сейчас в научной литературе при анализе последствий для экономики бурного развития информатики высказывается мысль, что это создает технические основы для планирования в национальном масштабе. Можно определять пропорции общественного производства не посредством рынка, а через возможность формирования большой базы данных о потребностях и ресурсах общества и на этой основе строить систему планирования. Но использование возможностей таких производительных сил требует иной системы экономических отношений. История борьбы этого направления в экономической науке с другими направлениями интересно изложена в статье «Кто помог СССР проиграть в компьютерной гонке?» [14].

Предприятия получили значительную самостоятельность. Круг планируемых сверху плановых показателей ограничивался:

- общим объемом реализуемой продукции в действующих оптовых ценах;
- важнейшими видами продукции в натуральном выражении;
- общим фондом заработной платы;
- общей суммой прибыли и уровнем рентабельности;
- платежами;
- общим объемом централизованных вложений, в том числе вводом в действие основных фондов;
- заданиями по внедрению в производство новых видов продукции;
- заданиями по комплексной механизации и автоматизации производства.

Прибыль стала источником формирования фондов предприятий, фондов материального стимулирования и социально-экономического развития. Коллективы предприятий получили значительные материальные стимулы. Противоречием этой реформы стало расхождение интересов производственных коллективов и народного хозяйства. Глубокое исследование противоречивости реформирования социалистической экономики в этот период представлено в статье [15]. Создание фонда развития производства, предназначенного для капитальных вложе-

ний, не оказало значимого воздействия на темпы обновления основных производственных фондов. Если в 1964 г. коэффициент обновления составлял 11,8 %, то в последующие годы (за исключением 1970 и 1971 гг.) он снижался и к 1985 г. упал до 6,9 % [16, с. 144]. Деньги у части предприятий для капитальных вложений появились, но как их отоварить? Только за счет сверхплановой продукции других предприятий. Перед руководством предприятий все чаще вставала дилемма: обеспечить государственный план или реализовать продукцию на сторону. Последнее стало встречаться все чаще, и это подрывало основы планового хозяйства. В 1980 г. по предприятиям Минтяжмаша СССР «внеплановый оборот материальных ресурсов (без ведома органов материально-технического снабжения) составил 15 % их потребления» [17, с. 326]. Это говорит о возникновении внепланового обмена. Система хозяйственного расчета стимулировала предприятия к сверхнормативным остаткам. В конце 1980 г. материальный запас в сфере снабжения составил 16,2 млрд руб., а производственный запас только в промышленности около 60 млрд руб. [18, с. 89]. Это же наблюдалось и в сфере незавершенного строительства и с остальными фондами предприятий.

Рост нормы прибыли во многих случаях происходил ни сколько за счет эффективности, сколько за счет ценовых факторов [17, с. 257]. Именно в 1970-х гг. началась инфляция, которая официально не рассчитывалась, поскольку в плановой экономике ее не должно было быть. Предприятия, получившие новый уровень самостоятельности, были заинтересованы в росте цен, но при таком количестве объектов управления контролировать ценообразование оказалось невозможным. Важнейший инструмент регулирования пропорций в народном хозяйстве становился стихийным.

Результаты реформы с позиции количественных показателей за 1966–1970 гг. положительные, однако в последующие годы они резко снижаются. Как оценивать реформирование? В литературе присутствуют крайне противоположные оценки реформы. Однако прежде чем оценивать, необходимо определиться с критериями. Совершенствование системы управления экономикой как в целом, так и на отдельных предприятиях оказалось

существенным, поэтому его результаты надо оценивать не только с позиций количественных показателей, таких как производительность труда, благосостояние и т. д. Данные показатели могут быть достигнуты в краткосрочном периоде, но вопрос в том, насколько они устойчивы. При капитализме критерием эффективности экономических преобразований должно быть увеличение частной собственности, капитала. Иными словами, как реформирование системы производственных отношений социализма было направлено на развитие самого социализма? С позиции московской школы, которая считала исходной категорией социализма планомерность, критерием успеха должно было быть усиление планомерности. С позиции ленинградской школы, которая исходила из отношения собственности, реформа должна была усиливать общественный характер собственности на средства производства. Однако экономические преобразования не усилили планомерность, не усилили и общественный характер собственности. Все оказалось наоборот. Уровень планомерности снизился, усилилась обособленность предприятий, государственная собственность все более превращалась в коллективную. Руководство страны почувствовало, но не осознало изменений в направлении развития страны, и потому интуитивно предприняло ряд мер, тормозивших реформирование.

Более радикальное реформирование в Югославии, направленное на децентрализацию государственного управления путем передачи собственности производственным коллективам, показало, что это не решает экономических и социальных проблем. Этот отрицательный опыт стал еще одним фактором, сдерживающим реализацию реформ в СССР. Но процесс пошел и завершился экономическими и политическими событиями второй половины 1980-х гг. Следовательно, с позиций реставрации капитализма, с точки зрения сегодняшней существующей в России экономической и политической системы реформа экономики в 1965–1970 гг. была успешной. Реформа имела несколько важных последствий. Во-первых, усиление противоречия между централизованным управлением и планированием на уровне предприятий, которое разрушило единый производственный комплекс страны. Во-вторых, ухудшение экономического и социального положения в стране по-

ставили под сомнение необходимость продолжать развитие по социалистическому пути. В-третьих, возникновение социального слоя, заинтересованного в переходе на капиталистический способ производства.

Первый год проведения реформы (1966 г.) дал положительные результаты, выявил основные трудности и противоречия. На новую систему планирования и экономического стимулирования на территории РСФСР было переведено 417 предприятий. Выявилось противоречие реформы. Так, по сравнению с 1965 г. объем реализованной сверх плана продукции увеличился на 7 %, прибыль выросла на 14 % (в целом по промышленности прибыль выросла лишь на 6 %); производительность труда увеличилась на 8 % (в целом по промышленности – на 5 %); средняя заработная плата промышленно-производственного персонала выросла за год на 7 %. Вместе с тем на предприятиях Министерства легкой промышленности РСФСР за год увеличилась стоимость нормируемых запасов товарно-материальных ценностей и выросли сверхнормативные остатки готовой продукции. Не полностью были использованы и поощрительные фонды. В 1966 г. фонд развития производства достиг 113,5 % к плану, а использован был только на 51 %; фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства составил 124 %, а реализован на 37,3 %; фонд материального поощрения составил 117,1%, использован на 70,6 % [17].

Изменение отношений между промышленностью регионов и министерствами во многом делали неизбежными потерю управляемости и дезорганизацию производства. Очевидно, что пятилетка 1965–1970 гг. была самой удачной за послевоенное время по темпам экономического роста. Но этот успех объяснялся в значительной степени экспортом нефти и газа и лишь потом – половинчатыми результатами реформы. С 1970 по 1980 г. по сравнению с предыдущим десятилетием экспорт увеличился в 8 раз, что свидетельствовало о возрастании зависимости всей экономики страны от этого фактора [17]. Если бы не доходы от экспорта нефти, то отрицательные результаты реформы как способа укрепления социализма дали бы о себе знать еще раньше.

Хозрасчет не решал и такую очень важную социальную проблему, как высокая доля ручного и вредного труда, а социа-

лизм не сводился только к экономической эффективности. С 1970 по 1975 г. ежегодный прирост электровооруженности составлял всего 2,3 %, в последующие годы – 1,4 % [17], а этот показатель является условием снижения доли ручного и вредного труда.

Долгосрочные последствия реформы в то время не были предметом детального научного исследования. Положения о противоречивости реформирования социалистической системы управления с помощью ТДО были, но авторы не могли предложить альтернативный механизм управления. Кроме того, они не могли открыто выступать против понимания целей и механизмов реформы, предложенных партийным аппаратом. С другой стороны, преобладание эмпирического подхода, постепенный отказ от диалектики как метода исследования, не давали возможности понять действительных последствий для социализма выдвижения предприятий на роль основного производственного звена экономики. «Главная задача профессиональных экономистов – выяснение того, почему складывается разрыв между интересами общества и выгодами хозяйственников, почему последние берут верх» [13, с. 106]. Но такая задача перед политэкономией не ставилась.

Интересна история попытки реорганизации управления железнодорожным транспортом на основе хозрасчета. В 1965–1970 гг. дальше бригадного хозяйственного расчета дело не пошло. В 1987 г. было принято решение о переходе всех министерств на полный хозрасчет, но в список не попало Министерство путей сообщения (МПС). И только по решению, принятому самостоятельно коллегией МПС в 1990 г., стал внедряться хозрасчет на уровне всей отрасли и производственных звеньев, таких как отделения дороги. Однако опыт показал низкую эффективность такого решения. И дело не в финансовых результатах, снизилась управляемость. В 1996 г. на Восточно-Сибирской железной дороге отказались от отделенческой структуры. Мотивом было повышение управляемости. Реформирование железнодорожного транспорта в 2002 г. не включало развитие внутреннего хозрасчета. Структурные подразделения железной дороги не стали юридическими лицами, единым финансовым центром стало ОАО «РЖД», но даже ОАО «РЖД» не является самокупаемой организацией, в качестве основной цели

не ставится получение прибыли, обеспечивающей расширенное воспроизводство [19].

Совершенствование системы управления экономикой предназначено для разрешения основного противоречия социализма, состоящего в том, что директивно-административные методы управления, внутренне присущие социализму как единому производственному коллективу, и необходимости использования ТДО. Последнее основывается на частной собственности и их порождает. Это противоречие широко обсуждалась в политической экономии, но победила позиция признания социализма разновидностью товарного производства. Причем особенности ТДО на этапе государственно-монополистического капитализма серьезно не анализировались. Интересно, что в 1990-е гг. крупные предприятия с хорошим финансовым состоянием первыми оказались неэффективными. Крупные производственные комплексы как основа индустриализации стали распадаться на множество мелких. Директора этих предприятий таким образом, с одной стороны, обеспечивали хоть какое-то использование производственных фондов, а с другой – активизировали процесс первоначального накопления капитала. Причем этот катастрофический период в экономике СССР и России рассматривался не как объективный процесс и логическое завершение реформирования, а как результат ошибок руководителей [20, с. 119–124].

Показанный эффект реформы интересно проследить на примере железнодорожного транспорта. Железнодорожный транспорт представляет собой вертикальную интеграцию, производственный комплекс, который может эффективно функционировать только как единая организационная форма, следовательно, он должен быть объектом одного собственника. Организация железнодорожного транспорта, энергетической системы – образцы организации производительных сил социализма. Именно такая форма оказывается макроэкономически эффективной. Эффективность рассматривается в технологическом плане, измеряется такими показателями, как скорость оборота вагонов, доставки груза и др. Железнодорожный транспорт относится к инфраструктурным отраслям, поэтому экономические и финансовые показатели не являются определяющими в оценке деятельности. Транспортная отрасль призвана обеспечивать условия для развития территориального разделе-

ния труда – главного фактора повышения эффективности общественного производства и отдельного предприятия.

Как усиление товарно-денежного регулирования советской экономики сказалось на управлении железной дорогой? Анализ литературы, посвященной истории развития железных дорог, показывает, что вопросы экономики и финансовой деятельности в данной сфере рассматриваются очень редко, что говорит о ее мультипликативной роли в экономике страны. Проблемы экономики СССР 1950–1970-х гг. не могли быть решены путем изменения отношений на уровне предприятий. Развитие производительных сил было направлено не на формирование вертикального производственного комплекса, а на рост эффективности предприятий и, следовательно, на их обособление, усиление независимости от экономической системы страны. Это приводило к попыткам, с одной стороны, усилить централизацию, управляемость, что делало экономические стимулы неэффективными, а с другой стороны, управление экономикой пыталось подстроить государственные интересы под интересы усиливающейся самостоятельности предприятий. Произошло разнонаправленное изменение системы управления на уровне предприятий и страны. Реформа 1965 г. по сути дела реформировала процесс перераспределения прибыли или валового дохода. Больше предприятию за выполнение определенных показателей и меньше государству. Но насколько правомерно ожидать коренных преобразований в экономике за счет изменений в распределительном механизме? Нужно ли было менять сам процесс производства [21, с. 234].

Использование ТДО при социализме правомерно в меру неразвитости его исходного и основного начала. ТДО создаются на базе частной собственности на средства производства, когда нет другого способа определения общественно необходимых затрат труда, кроме товарного обмена. Однако когда встает вопрос о развитии, усиление товарно-денежного хозяйства вступает в противоречие с сущностью социализма [22, с. 165]. Экономические отношения реализуют себя через систему управления, которая есть то, что мы называем хозяйственным механизмом. Система управления нацелена на развитие производительных сил, характерных для данного способа производ-

ства. В «Капитале» К. Маркс показал, что система производственных отношений является формой развития производительных сил. Именно таким образом капиталистические отношения обеспечили реальное подчинение труда капиталу. В системе капитализма, особенно на первых его этапах, неизбежно существуют остатки прошлого способа производства. Формирующаяся система управленческих отношений в пределах индивидуального капитала направлена на развитие как производительных сил, так и производственных отношений, свойственных капиталистическому производству, а не предшествующему способу производства.

В экономической системе социализма та же ситуация. Часть производительных сил для эффективного использования требует обособления, часть эффективна только при использовании в масштабе всей национальной экономики. Следовательно, управление должно быть нацелено на развитие производительных сил, применение которых обеспечивает макроэкономическую эффективность, усиливает единый производственный комплекс. Иными словами, необходимо формирование такого производственного процесса, который создавал бы условия для непосредственного общественного труда и постепенно вытеснял его из производства путем механизации и автоматизации. От отдельных предприятий к крупным производственным комплексам – такова логика развития организационной структуры социалистического производства. ТДО являются формой связи между обособленными предприятиями на основе частной собственности. Но высокий уровень специализации и кооперации как условие повышения производительности труда служит причиной для создания крупных предприятий, масштабы которых охватывают всю национальную экономику и не только.

Современный уровень концентрации капитала далеко вышел за пределы национальных границ. Отношения между отдельными производственными единицами транснациональных компаний уже не являются товарно-денежными, хотя, конечно, формально между ними движутся товары и деньги. ОАО «РЖД» может служить образцом единого народнохозяйственного предприятия. Насколько отношения между его структурными подразделениями носят товарно-денежный характер? Железнодорожный транспорт России

при существующей системе организации значительно минимизирует транзакционные издержки. Не случайно при анализе результатов деятельности ОАО «РЖД» не делается акцента на его финансовых показателях. Преобладают технологические показатели эффективности. Главный экономический эффект от железнодорожного транспорта заключается в создании условия для усиления территориального разделения труда. Количественным показателем его эффективности служит мультипликатор, показывающий влияние деятельности железной дороги на рост валового внутреннего дохода. Главным показателем является снижение транспортных издержек. Вторым по важности является показатель обеспечения национальной безопасности, который трудно поддается количественному определению.

Капитализм вырастает из товарного производства. Новая экономическая политика напомнила нам историю XVI–XVII вв. В своей книге «Частный капитал в СССР» Ю. Ларин показал это [23]. Хорошо это продемонстрировал И. Эренбург в романе «Рвач», изобразив, как происходит деформация сознания отдельного человека [24].

Новый хозяйственный механизм сформировал социальную группу, которая идеологически придерживалась антисоциалистических взглядов, концептуально не озвученных. Получил развитие теневой сектор. Хозяйственная практика свидетельствовала о резком росте преступлений, направленных против социалистической собственности.

Сложность объекта управления превысила способность осмыслить законы и формы его движения на основе эмпирических исследований. Возможно причина использования эмпирического подхода в том, что исследование экономики и его методы не стали результатом планомерного развития.

С формированием экономико-математических методов качественный аспект исследований экономической теории был заменен количественным анализом вещественных потоков. Попытки измерить стоимость путем объективно обусловленных оценок стали рассматриваться как основа установления пропорций народного хозяйства, как главный инструмент управления. Таким образом, количественный анализ стал преобладать над качественным, существенным. Это «болезнь» всей мировой

экономической теории того времени. Экономико-математические исследования, заявившие о своем первенстве в оценке качественных, существенных процессов в экономике, не имели достаточного инструментария для расчетов движения колоссальных объемов ее ресурсов. Стали все более преобладать эмпирические методы и абстрактные теории. Эмпирические методы позволяли решать только краткосрочные вопросы, функциональные проблемы. Абстрактные исследования при всей их необходимости не давали рекомендаций для решения проблем развития. Важным фактором, сдерживающим теоретические исследования в сфере общественных наук, стало усиление идеологической борьбы с западными общественными науками.

Насколько нынешнее правительство, предлагая те или реформы, выстраивая новые экономические отношения и закрепляя их в праве, четко представляет состояние нынешней экономики и логику движения? Насколько глубоко сегодняшняя экономическая наука понимает уровень развития российской и мировой экономики, всего глобального мира?

Ответы на эти вопросы получены учеными-экономистами, исходящими из эмпирических фактов, которые не отражают логику развития. Они есть результат научного исследования не всей системы экономических отношений и, соответственно, определения ее внутренних противоречий и путей их разрешения, а только исследования отдельных тенденций, т. е. через функционирование. Законы развития можно понять только через анализ в системе экономических отношений, рассматриваемых как все более интегрируемая часть мировой экономики. Системность в экономических исследованиях заключается в рассмотрении отдельного экономического отношения как части целого и должно завершаться предложениями по совершенствованию управленческих отношений и определению социальных сил, заинтересованных в реформах. Позитивная и нормативная экономическая теория становится единой и разделенной только в качестве этапов исследования. Экономическая теория возвращается к политической экономике. Только в таком виде теория становится практичной, а практика теоретичной.

Экономический подъем России в 2000–2008 гг. является восстановительным, и заслуги государства в этом незначительны. Второй этап, начавшийся с 2009 г., показал невысокие результаты: ВВП увеличился лишь в 2,6 раза без учета инфляции, хотя власть принимала много решений, направленных на повышение темпов развития. Причина неудачных действий Правительства РФ, на наш взгляд, заключается в том, что оно использовало методы воздействия на экономику, не свойственные данному этапу развития России. Повторялись ошибки реформирования экономики в СССР. Экономика России характеризуется высоким уровнем концентрации, тесным слиянием государственного аппарата с монополиями, что раньше определялось понятием «государственно-монополистический капитализм», а также высокой долей сырьевого сектора, который и определял направление развития экономики. На этом этапе как показывают и теория, и практика капитализма резко возрастает роль государства в качестве регулирующего центра экономики. Но монополистический сырьевой сектор, слившийся с государством, по-прежнему удерживает экономику России в наезженной колее. Ждать высоких темпов роста от сырьевой экономики в настоящее время ни теоретически, ни практически не оправдано. Мировая рента, получаемая сырьевым сектором, должна концентрироваться в федеральном бюджете и стать источником инвестирования в высокотехнологические направления. Как и в 1980-е гг. образовалась социальная прослойка бизнесменов, которым не выгодны структурные изменения. Сможет ли государственный аппарат действительно стимулировать переток капитала из сырьевых отраслей в отрасли новой индустриализации? Экономические исследования самых различных концепций однозначно видят необходимость серьезных структурных изменений, но они не становятся политической экономикой, т. е. не озвучиваются те политические силы, которые тормозят модернизацию и те силы, которые не заинтересованы в реформировании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История социалистической экономики СССР. Т. 7. М. : Наука, 1978. 603 с.

2. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства : постановление. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 сент. 1965 г. // *А. Н. Косыгин* К великой цели: Избранные речи и статьи. В 2 т. Т. 1. М. : Политиздат, 1979. 317 с.
3. Архив Российской академии наук. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51: 1.
4. История социалистической экономики СССР. Т. 6. М. : Наука, 1980, 589 с.
5. *Щербакова Т. И.* Советский опыт применения модели территориального управления 1957–1964 гг. / Т. И. Щербакова. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/380007357>.
6. 1965, постановление сентябрьского пленума ЦК КПСС. URL: <https://volgota.livejournal.com/593217.html>.
7. Всемирная история экономической мысли : в 6 т. Т. 4. Теория социализма и капитализма в межвоенный период. М. : Мысль, 1990. 590 с.
8. История политической экономии социализма. Изд-во ЛГУ, 1983, 609 с.
9. *Хубиев К. А.* Собственность в системе производственных отношений / К. А. Хубиев. М. : Изд-во МГУ, 1988. 168 с.
10. Об Утверждении положения о социалистическом государственном производственном предприятии: постановление от 4 окт. 1965 г. № 731. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6309.htm.
11. Народное хозяйство СССР в 1978 г. Стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1979. 631 с.
12. Общественный характер производства и социалистическая собственность / под ред. В. Н. Черковца. М. : Экономика, 1985.
13. *Сухотин Ю. В.* Потенциал экономической теории / Ю. В. Сухотин. М. : Наука, 1989. 192 с.
14. Кто помог СССР проиграть в компьютерной гонке? URL: <https://zen.yandex.ru/media/infocus/kto-pomog-sssr-proigrat-v-kompiuternoi-gonke-611cc63c9656b756b4d53648>.
15. *Губанов С.* «Косыгинская реформа»: итоги и уроки / С. Губанов. URL: <https://institutiones.com/personalities/672-kosiginskaya-reforma.html>.
16. *Баяскаланова Т. А.* Обновление основных производственных фондов промышленности России / Т. А. Баяскаланова. Иркутск : ИрГТУ, 2010. 144 с.
17. *Медведев В. А.* Социалистическое производство. Политэкономическое исследование / В. А. Медведев. М. : Экономика, 1976. 326 с.
18. *Коваленко С. Г.* Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х – 1970-х годов / С. Г. Коваленко // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 37–47.
19. *Меркулов А. С.* Анализ инвестиционного процесса ОАО «РЖД» / А. С. Меркулов, Г. В. Силичева // Финансовые исследования. 2021. № 2 (71). С. 82–88.

20. *Наумушин В. Г.* Рациональная модель модернизации экономики России / В. Г. Наумушин, Г. В. Пайда, В. Н. Астальцев. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ. 2005. 266 с.
21. *Покрытан А. К.* Экономическая структура социализма: функционирование и развитие / А. К. Покрытан. М. : Экономика, 1985. 264 с.
22. *Цаголов Н. А.* Закон стоимости при социализме / Н. А. Цаголов. 1959. 235 с.
23. Частный капитал в СССР» (Антология экономической классики). М. : Эконом, 1993. 486 с.
24. *Эренбург И. Г.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. / И. Г. Эренбург. М. : Худож. лит., 1991. 734 с.

УДК 347.43

Е. П. Шевчук*

ЕДИНОЛИЧНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ, КОМПЕТЕНЦИИ, ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

В статье рассматривается природа хозяйственных обществ. Такие коммерческие организации создаются юридическими и (или) физическими лицами путем обособления их имущества в результате внесения вкладов в уставный капитал общества для осуществления коллективной предпринимательской деятельности с использованием общего имени. Единоличный исполнительный орган хозяйственного общества может быть представлен физическим лицом (директором, генеральным директором, президентом), который состоит в трудовых отношениях с хозяйственным обществом, а также управляющей организацией, которой передаются полномочия единоличного исполнительного органа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: хозяйственное общество, коммерческая организация, юридическое лицо, физическое лицо, коллективная предпринимательская деятельность.

E. P. Shevchuk

SOLE EXECUTIVE BODY OF A BUSINESS COMPANY: NATURE, ESSENCE, COMPETENCIES, BASIC CONCEPTS

Business companies are a generic concept that unites commercial organizations created by legal entities and (or) individuals by separating their property as a result of making contributions to the authorized capital of the company for the implementation of collective business activities using a common name. The sole executive body of a business company may be represented by an individual (director, general director, president) who has an employment relationship with the business com-

* **Шевчук Елена Павловна**, старший преподаватель Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, Юридического института Иркутского государственного университета.

pany, as well as by a management organization to which the powers of the sole executive body are transferred.

KEYWORDS: *business company, commercial organization, legal entity, individual, collective entrepreneurial activity.*

В России по данным Федеральной налоговой службы РФ по состоянию на 1 января 2021 г. в Едином государственном реестре юридических лиц зарегистрировано 3 млн 436 тыс. 556 действующих юридических лиц, 2 млн 822 тыс. 481 коммерческая организация, из которых 2 млн 727 тыс. 921 – общества с ограниченной ответственностью и 60 тыс. 310 – акционерные общества [1; 2]. Таким образом, хозяйственные общества, как организационно-правовая форма, составляют 81,13 % от числа всех действующих юридических лиц в России и почти 99 % всех коммерческих организаций [3].

Эффективное корпоративное управление способствует успешному и устойчивому развитию организации, его грамотное осуществление является залогом принятия взвешенных управленческих решений, своевременности выявления рисков, принятию адекватных мер по предотвращению или минимизации рисков.

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [4] оперирует такими понятиями, как «единоличный исполнительный орган», «директор», «генеральный директор», кроме того, когда речь идет о передаче полномочий исполнительного органа общества другой коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю, используется термин «управляющий».

Данные обстоятельства в своей совокупности существенно актуализируют необходимость изучения выбранной темы. Управление обществом осуществляется его органами, а не участниками (акционерами) непосредственно. Из этого следует важное практическое обстоятельство: решения исходят исключительно от органов управления обществом; участники (акционеры) могут осуществлять свои права на участие в управлении корпорацией только в рамках тех органов, куда они непосредственно входят, и только в той мере, в какой это предусмотрено законодательством и уставом хозяйственного общества.

Исходя из положений п. 3 ст. 65.3 ГК РФ обязательным органом корпорации является единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, председатель и т. п.) – волеизъявляющий орган в системе корпоративного управления, в ли-

це которого корпорация проявляет себя вовне, действуя по общему правилу без доверенности на основании устава, приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности.

В соответствии со ст. 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (далее – Закон № 14-ФЗ) [5] генеральный директор – это лицо, которое, действуя без доверенности от имени общества, осуществляет руководство текущей деятельностью общества, в том числе представляя его интересы и совершая сделки.

Руководитель организации – это работник, трудовая функция которого в соответствии с трудовым договором состоит в руководстве организацией, в том числе в выполнении функций ее единоличного исполнительного органа [6]. Нормы Трудового кодекса Российской Федерации [7] в части регулирования полномочий руководителя общества имеют отсылочный характер к Закону № 14-ФЗ. В п. 3 ст. 40 этого закона определяется, что в круг непосредственных правомочий генерального директора общества включаются:

- выдача доверенности на право представительства от имени общества, в том числе доверенности с правом передоверия;
- издание приказов о назначении на должности работников общества, об их переводе и увольнении;
- применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий;
- иные полномочия, указанные в уставе общества.

Трудовую функцию генерального директора Верховный Суд РФ охарактеризовал как возможность совершать от имени организации действия по реализации ее прав и обязанностей, возникающих из гражданских, трудовых, налоговых и иных правоотношений, в частности:

- осуществлять полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом организации;
- выступать в качестве правообладателя исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации;
- выступать в качестве работодателя в трудовых отношениях с другими работниками организации [8].

От исполнительного органа хозяйственного общества зависят стабильность и эффективность деятельности; принятие стратегически важных решений; финансово-экономическая устойчивость и прибыльность; конкурентоспособность общества; удовлетворение интересов акционеров-участников, учитывающее при этом интересы работников, контрагентов и иных заинтересованных в деятельности организации лиц; воздействие на общество и окружающую среду; поддержание деловой репутации на высоком уровне; обеспечение справедливого отношения ко всем участникам и иные цели деятельности, предусмотренные учредительными документами или стратегией и бизнес-планом [9].

Компетенция же самого исполнительного органа в гражданско-правовых отношениях – круг вопросов, в связи с ведением которых и с целью достижения целей общества исполнительный орган и наделяется полномочиями по образованию воли общества и выражению ее вовне.

Категория «полномочие» по-разному рассматривается в публичном и частном праве. Публичное право оперирует понятием «полномочие» в тесной связи с понятием «предмет ведения». В самом общем виде предмет ведения – круг общественных отношений, в рамках которого субъект публичного права наделен полномочиями принимать решения. Полномочия – не частное от предмета ведения. Так, городской округ вводит местный налог (вопрос местного значения, относящийся к его предмету ведения) посредством издания муниципального правового акта (полномочие по реализации вопроса местного значения). Полномочия единоличного исполнительного органа могут быть охвачены соответствующими действиями по реализации компетенции: заключением сделок, изданием приказов и пр.

Иначе полномочие понимается в частном праве. Эта категория используется преимущественно в институте представительства и в этом же контексте упоминается в ГК РФ (ч. 2 ст. 31 и ч. 1 ст. 53 гл. 10).

Таким образом, следует четко разделить две сферы деятельности лица, реализующего полномочия единоличного исполнительного органа, и говорить, с одной стороны, о внутренних управленческих отношениях, в которых его роль состоит в осуществлении текущего руководства деятельностью хозяйственного

общества, в ведении его дел, и включает в себя принятие решений по поводу предпринимательской деятельности общества (реализация общих и приоритетных направлений деятельности, целесообразность заключения конкретных сделок, кадровые вопросы и пр.), а с другой – о внешних отношениях, в которых данное лицо выступает представителем общества.

Под внешними отношениями в данном случае необходимо понимать отношения хозяйственного общества со всеми третьими лицами, в том числе и с его работниками. Модель правового статуса единоличного исполнительного органа предполагает три элемента: возникновение и прекращение полномочий, компетенции и полномочия единоличного исполнительного органа, его ответственность. Правосубъектность лица как предпосылка к приобретению полномочий единоличного исполнительного органа рассматривается в первом из элементов статуса. Сами органы правосубъектны во внутренних отношениях, что позволяет в полной мере охарактеризовать правовое положение единоличного исполнительного органа.

В отличие от представленных в науке моделей, выработанных представителями науки конституционного права, авторская модель отражает именно статус единоличного исполнительного органа и избавлена от элементов, которые могут обладать тем же самым содержанием и у других субъектов права или не могут описать правовое положение единоличного исполнительного органа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Об акционерных обществах: федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г., с изм. от 24 февр. 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
3. Выписка из ЕГРЮЛ. URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 12 мая 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 32. Ст. 3301.

5. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г., с изм. от 24 февр. 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 21// Российская газета. 2015. № 124.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 30 апр. 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 мая 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
8. *Кирина Е.О.* О правовой природе отношений между обществом и единоличным исполнительным органом / Е.О. Кирина // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 342.
9. *Кашанина Т. В.* Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ : учеб. для вузов / Т. В. Кашанина. М. : Инфра-М НОРМА, 1999. 815 с.

УДК 342

А. С. Мартынов*

УЧАСТНИКИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЗАИНТЕРЕСОВАННОЕ ЛИЦО

Отношения в сфере перевода земельных участков из одной категории в другую имеют давнюю историю. В данном правоотношении одной из сторон являются органы государственной власти, которые принимают решение о переводе земель в другую категорию. В статье анализируются положения Федерального закона «О переводе земель и земельных участков из одной категории в другую». В частности, автором рассмотрена основная категория в законе – заинтересованное лицо. Акцентируется внимание на субъектном составе исследуемых правоотношений. Категория заинтересованного лица соотносится с легальными категориями участников земельных отношений, закрепленных в статьях Земельного кодекса Российской Федерации. Подробно рассматриваются такие понятия, как заинтересованное лицо, собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы, арендаторы, обладатели сервитута. В работе понятие «заинтересованное лицо» раскрывается не только посредством соотношения с иными участниками земельных отношений, но и за счет анализа содержания ходатайства и документов, предоставляемых заинтересованным лицом. Таким образом, автор приходит к выводу, что заинтересованным лицом может быть в первую очередь собственник. Вместе с тем право любого лица на перевод земельных участков из одной категории в другую вытекает из положений Конституции РФ. Связывать категорию заинтересованного лица с лицом, обладающим правом на земельный участок, неверно, так как заинтересованным лицом может быть лицо, не имеющее титульного права на земельный участок или земли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: земельное право, заинтересованное лицо, ходатайство о переводе земельных участков, участники земельных отношений, Земельный кодекс.

* **Мартынов Александр Сергеевич**, старший преподаватель Юридического института Иркутского государственного университета, юрист ООО «Маяк».

A. S. Martynov

PARTICIPANTS IN LAND RELATIONS AND THE PERSON CONCERNED

Relations in the field of land transfer from one category to another have a long history. In this legal relationship, one of the parties is the state authorities that decide on the transfer of land to another category. The article analyzes the provisions of the Federal Law "On the transfer of lands and land plots from one category to another". In particular, the author considers the main category in the law - an interested person. Attention is focused on the subject composition of the studied legal relations. The category of the interested person correlates with the legal categories of participants in land relations enshrined in the articles of the Land Code of the Russian Federation. Concepts such as an interested person, owners of land plots, land users, landowners, tenants, owners of an easement are considered in detail. In the work, the concept of "interested person" is revealed not only through the relationship with other participants in land relations, but also through the analysis of the content of the petition and documents provided by the interested person. Thus, the author comes to the conclusion that the interested person may be primarily the owner. At the same time, the right of any person to transfer land plots from one category to another follows from the provisions of the Constitution of the Russian Federation. It is incorrect to associate the category of an interested person with a person who has the right to a land plot, since an interested person may be a person who does not have a title right to a land plot or land.

KEYWORDS: *land law, interested person, petition for the transfer of land plots, participants in land relations, the Land Code.*

Как известно, в правоотношениях должны быть участники. В ином случае правоотношений нет, поскольку в традиционном представлении правоотношения – это общественные отношения по поводу какого-либо объекта, которые урегулированы нормами права.

Земельные отношения определены в доктрине, а также в законодательстве. В последнем земельные отношения – отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Участниками земельных отношений, как это установлено ст. 5 Земельного кодекса Российской Федерации [1], могут быть граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования. Кроме того,

в земельных правоотношениях могут участвовать иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица.

Отношения в сфере перевода земельных участков из одной категории в другую имеют давнюю историю [2, с. 8]. До принятия специального закона они регулировались разрозненно. Нормы о переводе земель из одной категории в другую были рассредоточены в различных нормативных правовых актах. Например, такие нормы можно было найти в ст. 5 Земельного кодекса РСФСР [3], Указе Президента № 323 [4], ст. 63 Лесного кодекса Российской Федерации [5] и др.

Подход государства к отношениям, связанным с переводом земель из одной категории в другую, изменился с принятием Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ (далее – Закон № 172-ФЗ) [6]. Разработчики проекта указывали в качестве основной идеи необходимость урегулирования отношений, которые возникают при изменении целевого назначения [7]. По их мнению, принятие закона должно было способствовать созданию регламентированной и максимально прозрачной процедуры перевода земель из одной категории в другую, а также позволить Правительству РФ от имени Российской Федерации, органам исполнительной власти в субъектах Федерации от имени субъектов РФ и органам местного самоуправления от имени муниципальных образований осуществлять регулятивные и исполнительно-распорядительные функции в отношении земельных участков, находящихся соответственно в частной и публичной собственности. В качестве актуальных недостатков процедуры перевода земель из одной категории в другую разработчики закона отмечали ряд моментов. Во-первых, на момент принятия закона перевод земель из одной категории в другую в федеральном законодательстве практически не осуществлялся. Отмечалось, что только п. 8 Указа Президента Российской Федерации «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» от 27 октября 1993 г. № 1767 устанавливалось, что продажа земельных участков, используемых в сельскохозяйственном производстве, с изменением целевого назначения производится по решению органа исполнительной власти субъекта РФ. Это не соответствовало положениям ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации о свободе осуществления соб-

ственным своим правам по владению, пользованию и распоряжению земельным участком в пределах, установленных законодательством. Стоит отметить, что разработчики проекта, по мнению автора, искажали действительность, ведь как было упомянуто, отношения по переводу земель из одной категории в другую регулировались, в том числе, и Земельным кодексом РСФСР.

Другой недостаток законодательства о переводе земель на момент разработки и принятия Закона № 172-ФЗ, по мнению разработчиков, заключался в том, что на практике перевод земель из одной категории в другую независимо от формы собственности осуществлялся не только органами местного самоуправления, но и актами органов государственной власти РФ, например, Правительством РФ. Это приводило к необоснованному сокращению сельскохозяйственных угодий, хаотичной застройке, нерациональному использованию земель и т. п. Подтверждением тому являются материалы сложившейся судебной практики по делам до 2004 г. [8].

Итогом указанных выше обстоятельств и стало принятие Закона № 172-ФЗ [9]. На сегодняшний день этот закон является единственным актом, который закрепляет порядок и процедуру перевода земель из одной категории в другую, особенности перевода земель или земельных участков в составе таких земель из одной категории в другую.

В рамках статьи хотелось бы исследовать правовое положение и особенности участников отношений по переводу земель. В данном правоотношении одной из сторон являются органы государственной власти, которые принимают решение о переводе земель в другую категорию. Укажем, что в ст. 8 Земельного кодекса РФ определена данная система органов государственной власти. С другой стороны участником правоотношения является лицо, которое выступает с инициативой о переводе земельного участка из одной категории в другую, т. е. заинтересованное лицо.

Анализируя существо указанных правоотношений, прежде всего следует отметить, что перевод земель, безусловно, является земельным правоотношением. Содержание отношения по переводу земель из одной категории в другую укладывается в положения ст. 2 и 3 Земельного кодекса РФ. Следовательно, можно сказать о

применимости к этим отношениям и других статей Земельного кодекса РФ, в частности, ст. 5. В ней перечислены участники земельных отношений. К их числу, согласно п. 1, отнесены граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования. В п. 3 ст. 5 закреплён статус, в котором могут выступать в земельных правоотношениях эти участники. Так, это могут быть собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы, арендаторы участков, обладатели сервитутов.

Таким образом, в первую очередь заинтересованным лицом может быть собственник. Могут ли быть заинтересованными лицами в процессе перевода земель из одной категории в другую иные участники – землепользователи, землевладельцы, арендаторы и обладатели сервитута? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать не только само понятие «заинтересованное лицо», но и обратиться к положениям, которые закрепляют процедуру подачи ходатайства с иными документами.

Землепользователи – это лица, владеющие и пользующиеся земельными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования или на праве безвозмездного пользования. Право постоянного пользования регулируется как Земельным кодексом РФ (ст. 39.9), так и Гражданским кодексом РФ (ст. 268, 269). Очень важным для дальнейшего анализа является определение природы изменения категории земель в отношении земельного участка. Необходимо понимать, является ли перевод земельного участка из одной категории в другую реализацией правомочия пользования или правомочия распоряжения. Как известно, большинство вещных прав ограничены по своей природе, когда ограничение связано с реализацией правомочия распоряжения. В Гражданском кодексе РФ есть нормы, которые раскрывают правомочия собственника. На основании ст. 209 можно сказать, что собственнику принадлежит возможность отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом. Итак, доктринальное определение правомочия распоряжения собственни-

ка, как возможности определять юридическую судьбу земельного участка, раскрыто в п. 2 ст. 209 Гражданского кодекса РФ. Видим, что распоряжение связано как с совершением сделок по отчуждению имущества с прекращением права, так и по передаче имущества без прекращения права. Так, примером последнего может быть передача земельного участка в аренду, в безвозмездное пользование и тому подобные сделки. В ст. 269 Гражданского кодекса РФ закреплено, что лица, которым земельные участки предоставлены в постоянное (бессрочное) пользование, не вправе распоряжаться такими земельными участками, за исключением случаев заключения соглашения об установлении сервитута и передачи земельного участка в безвозмездное пользование гражданину в виде служебного надела в соответствии с Земельным кодексом РФ. Можно сделать косвенный вывод, что распоряжение земельным участком на праве постоянного пользования в форме изменения категории земельного участка не допускается. Таким образом, перевод земельного участка в другую категорию не является актом реализации правомочия распоряжения.

Землевладельцы – лица, владеющие и пользующиеся земельными участками на праве пожизненного наследуемого владения. Право пожизненного наследуемого владения регулируется ст. 265, 266 Гражданского кодекса РФ. Отдельно упоминается это право в некоторых нормах Земельного кодекса РФ, в частности, в ст. 11.8, 39.24, 40 и в ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ [10]. Нормы Гражданского кодекса РФ не признают за лицом, обладающим участком на праве пожизненного наследуемого владения, возможности распорядиться им, за исключением передачи по наследству.

Арендаторы земельных участков – лица, владеющие и пользующиеся земельными участками по договору аренды, договору субаренды. Право аренды земельными участками регулируется ст. 22, 39.6, 39.7, 39.8 Земельного кодекса РФ. В соответствии с определением договора аренды правомочия распоряжения у арендаторов земельных участков нет.

Могут ли все перечисленные субъекты выступать как заинтересованное лицо в исследуемых отношениях? Для ответа на этот

вопрос следует обратиться к ст. 2 Закона № 172-ФЗ. В данной норме закреплено, что заинтересованное лицо вместе с ходатайством должно представить копию документа, удостоверяющего статус заявителя (копия паспорта от физического лица, выписка из единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) от юридического лица или выписка из единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) от индивидуального предпринимателя), выписку из единого государственного реестра недвижимости на земельный участок, заключение экологической экспертизы, согласие правообладателя.

Основываясь на этом перечне, можно отметить, что заинтересованным лицом в нашем случае может быть и лицо, не имеющее титульного права на земельный участок или земли, поскольку перечисленные документы могут быть представлены вне правовой связи с земельным участком. Так, в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ [11] содержащиеся в государственных реестрах сведения и документы являются открытыми и общедоступными. Выписку из ЕГРЮЛ или выписку из ЕГРИП может получить любое лицо как в бумажном, так и в электронном виде.

В соответствии со ст. 62 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ [12] сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН), за исключением сведений, доступ к которым ограничен указанным федеральным законом, предоставляются органом регистрации прав по запросам любых лиц, в том числе посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования (сеть Интернет, включая портал единой системы межведомственного электронного взаимодействия и подключаемых к ней региональных систем межведомственного электронного взаимодействия, иных технических средств связи), а также посредством обеспечения доступа к федеральной государственной информационной системе ведения ЕГРН или иным способом, установленным органом нормативно-правового регулирования. Видим, что выписку из ЕГРН может получить, а, следовательно, и предоставить в орган государственной власти, любое лицо.

В соответствии с законодательством (ст. 10 Закона № 172-ФЗ) перевод земель особо охраняемых территорий и объектов или земельных участков в составе таких земель в другую категорию осуществляется при наличии положительных заключений государственной экологической экспертизы и иных установленных федеральными законами экспертиз.

Одним из важнейших принципов, который закреплен Федеральным законом «Об экологической экспертизе» от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ (далее – Закон № 174-ФЗ) [13], является принцип гласности, участия общественных организаций (объединений), учета общественного мнения. В ст. 19 этого закона конкретизируется указанный принцип, закрепляется право граждан получать от федерального органа исполнительной власти и органов государственной власти субъектов РФ, организующих проведение государственной экологической экспертизы конкретных объектов, информацию о результатах ее проведения. Вывод о возможности получения положительного заключения государственной экологической экспертизы косвенно можно сделать на основании положений ст. 18 Закона № 174-ФЗ. Поскольку заключение государственной экологической экспертизы может быть оспорено в судебном порядке, то, следовательно, в порядке, установленном процессуальным законодательством Российской Федерации, заключение может быть получено. Сказанное подтверждает возможность лица, не являющегося заказчиком государственной экологической экспертизы, получить заключение и представить его для совершения иных действий, например, при обращении с ходатайством о переводе земель или земельных участков из одной категории в другую. Следует еще раз обратить внимание, что проведение экологической экспертизы при переводе земель из одной категории в другую в соответствии с законодательством реализуется довольно редко. Так, проведение экологической экспертизы, сопровождающей перевод земель из одной категории в другую, предусмотрено нормами Закона № 172-ФЗ. В частности, в п. 1 ст. 10 закреплено, что перевод земель особо охраняемых территорий и объектов или земельных участков в составе таких земель в другую категорию осуществляется при наличии положительных заключений государственной экологической экспертизы и иных установленных федераль-

ными законами экспертиз в соответствии с законодательством Российской Федерации об охране окружающей среды. Кроме того, есть необходимость проведения экологической экспертизы (ст. 12 Закона № 172-ФЗ), если земли водного фонда переводятся в другую категорию по основанию прекращения существования водных объектов, изменения русла, границ и иных изменений местоположения водных объектов, в том числе связанных с созданием искусственных земельных участков в случаях, предусмотренных Федеральным законом «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19 июля 2011 г. № 246-ФЗ.

В 2011 г. в Закон № 172-ФЗ было включена ст. 4.1, которая установила, что документы, предусмотренные п. 1 (утратил силу), п. 2.1 (выписка из ЕГРИП для индивидуальных предпринимателей или выписка из ЕГРЮЛ для юридических лиц), п. 3 (выписка из ЕГРН на земельный участок, перевод которого из состава земель одной категории в другую предполагается осуществить) и п. 4 (заключение государственной экологической экспертизы в случае, если ее проведение предусмотрено федеральными законами) ч. 4 ст. 2 запрашиваются исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления в органах и подведомственных государственным органам или органам местного самоуправления организациях, в распоряжении которых находятся указанные документы, если заинтересованное лицо не представило указанные документы самостоятельно. Таким образом, заинтересованное лицо должно представить только документы, подтверждающие статус лица (паспорт, выписки из ЕГРИП или ЕГРЮЛ) и согласие правообладателя земельного участка на перевод земельного участка из состава земель одной категории в другую, за исключением случая, если правообладателем земельного участка является лицо, с которым заключено соглашение об установлении сервитута в отношении такого земельного участка.

Положение Закона № 172-ФЗ о согласии правообладателя вызывает ряд возможных трактовок.

Во-первых, можно сказать, что данное положение ориентировано на лиц, использующих земельные участки на ином праве, кроме права собственности. Закономерность вывода обусловлена прежде всего положениями земельного законодательства о необходимости использовать земельные участки по целевому назначению. Далее, необходимость согласия собственника на перевод земель несобственниками (иными правообладателями) вызвана как нормами иного, например, гражданского законодательства об аренде или праве безвозмездного пользования, так и нормами земельного законодательства о целевом использовании земель в Российской Федерации. Для примера рассмотрим случай аренды земель сельскохозяйственного назначения. Так, если бы арендатор без согласия арендодателя мог осуществить перевод земель из одной категории в другую (при условии отсутствия в договоре аренды земельного участка указания на такую возможность), то он бы столкнулся с невозможностью исполнить надлежащим образом обязательство по аренде – вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором. Это касается и права безвозмездного срочного пользования земельным участком, поскольку на землепользователе лежит аналогичная обязанность по возврату имущества в том состоянии, в котором он его получил.

Во-вторых, данное положение можно трактовать иным образом. В случае, если земельный участок принадлежит на праве собственности лицу и на ином (вещном или обязательственном) праве правообладателю, тогда уже собственник должен заручиться согласием правообладателя (землепользователя, землевладельца или арендатора земельного участка). Данный вывод обусловлен экономическим интересом последних по использованию земельного участка, поскольку, например, договор аренды с собственником или договор безвозмездного пользования земельным участком заключались в согласованности целевого назначения земельного участка и основных видов экономической деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя. Таким образом, изменение собственником целевого назначения земельного участка повлекло бы необоснованные потери для арендатора или землепользователя с последующей необходимостью

либо вносить изменения в учредительные документы и ЕГРЮЛ, либо, если на земельном участке были созданы объекты недвижимости, соответствующие прежнему целевому назначению земельного участка, обеспечить их снос или изменение характера деятельности в них.

В-третьих, рассматриваемое положение можно трактовать и так, что заручиться согласием правообладателя может и должно лицо, не имеющее прав на земельный участок. Прежде всего следует отметить, что включение пункта о необходимости предоставления согласия правообладателя, не устанавливает в Законе № 172-ФЗ какие-либо требования к форме согласия. Там не содержится и отсылки к подзаконным нормативным правовым актам, которыми бы утверждались требования к форме и содержанию согласия правообладателя.

Подводя итог проведенному анализу, хотелось бы отметить следующее. Представляется, что категорию заинтересованного лица необходимо уточнить в законодательстве. Прежде всего данного уточнения требует используемый терминологический аппарат основного земельного закона – ст. 5 Земельного кодекса Российской Федерации. Здесь важным для понимания является сама категория «заинтересованное лицо». Так, интерес обычно определяется как положительно окрашенный эмоциональный процесс, связанный с потребностью узнать что-то новое об объекте интереса, повышенным вниманием к нему [14]. Если посмотреть на основания, по которым категории земель могут быть переведены в другую категорию, то можно отметить, что по большей части они направлены на «усиление» (повышение) режима охраны. Думается, что обосновывать «заинтересованность» при обращении с ходатайством о переводе для титульных владельцев – правообладателей земельных участков, нет смысла, поскольку понятно, что для правообладателя интерес в переводе обусловлен социальными, природоохранными аспектами, а также вопросом ответственности за неиспользование земельного участка по целевому назначению или в связи с неиспользованием земельного участка, или неисполнение обязанностей, предусмотренных ст. 42 Земельного кодекса Российской Федерации. В отношении лиц, не являющихся титульным правообладателем земельного участка категория «заинтересованность» может быть обоснована иначе. В силу прямого указания в

законе (ст. 42 Конституции Российской Федерации), каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. В то же время, согласно ст. 58, на каждом гражданине лежит обязанность сохранять природу и окружающую среду, каждый должен бережно относиться к природным богатствам. Таким образом, каждый, реализуя свое право и осуществляя обязанность, гипотетически, может выступать как заинтересованное лицо в переводе земель из одной категории в другую.

Не является убедительным и состав документов, который должен быть предоставлен вместе с ходатайством. Ведь часть этих документов может быть запрошена самим органом, который принимает решение о переводе земельного участка из одной категории в другую. Как было указано, в целом все документы могут быть получены и представлены лицом, не имеющим право на земельный участок. Согласие может быть получено путем направления запроса-просьбы посредством письма титульному правообладателю земельного участка.

В противовес сказанному, впрочем, можно сослаться на подп. 1 п. 2 ст. 3 Закона № 172-ФЗ, в котором одним из оснований отказа в рассмотрении ходатайства закреплено обращение ненадлежащего лица. В большинстве комментариев к этому закону под ненадлежащим лицом авторы понимают лицо, которое не является правообладателем на ту категорию земли или земельный участок в составе такой категории земли, о переводе в другую категорию которых оно обращается [15; 16]. На наш взгляд, такое представление необоснованно сужает круг заинтересованных лиц. Под ненадлежащим лицом следует понимать тех лиц, которые не обладают право- и дееспособностью. Ненадлежащим лицом может быть лицо, выступающее по доверенности от имени физического лица, индивидуального предпринимателя или юридического лица, в случае, если доверенность не предусматривает право лица подавать ходатайство о переводе земельного участка из одной категории в другую.

В завершение подытожим, что право любого лица на перевод земельных участков из одной категории в другую вытекает из положений Конституции РФ. Связывать категорию заинтересованного лица с лицом, обладающим правом на земельный участок, неверно, поскольку законодательные акты принимаются во взаимо-

связи с уже действующими нормативными правовыми актами, в том числе с Земельным кодексом Российской Федерации. Всех лиц, имеющих право на земельные участки, законодатель связал с категориями, упомянутыми в ст. 5 данного кодекса. Документы и содержание ходатайства о переводе подтверждают возможность инициировать процесс перевода лицом, не имеющим титульного права на земельный участок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2001, № 44. Ст. 4147.
2. *Пуряева А. Ю.* К вопросу о переводе земель лесного фонда в истории лесного и земельного законодательства в переходный период 1991 года / А. Ю. Пуряева // Экологическое право. 2019. № 5. С. 8–10.
3. Земельный кодекс РСФСР от 25 апр. 1991 г. № 1103-1 // Ведомости СНД и ВС, 1991, № 22. Ст. 768.
4. О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР: указ Президента РФ от 27 дек. 1991 г. № 323 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992, № 1. Ст. 53.
5. Лесной кодекс Российской Федерации от 29.01.1997 № 22-ФЗ (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 5. Ст. 610.
6. О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую: федер. закон от 21 дек. 2004 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5276.
7. Новости России и мира. Законопроекты РФ. URL: <https://www.lawmix.ru/lawprojects/55671>.
8. Обзор практики применения арбитражными судами земельного законодательства: инфор. письмо Президиума ВАС РФ от 27.02.2001 № 61 // Вестник ВАС РФ. № 5. 2001 ; СПС КонсультантПлюс.
9. О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую: федер. закон от 21 дек. 2004 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5276.
10. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 137-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4148.
11. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08 авг. 2001 г. № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.
12. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.

13. Об экологической экспертизе: федер. закон от 23 нояб. 1995 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.
14. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru>.
15. О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую: коммент. к федер. закону (постатейный) / П. В. Евдокимов, Т. В. Крамкова, П. Н. Павлов и др. ; под ред. А. А. Ялбулганова. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. М. : Юстицинформ, 2006.
16. О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую: коммент. к федер. закону от 21 дек. 2004 г. № 172-ФЗ (постатейный) / под ред. О. Л. Дубовик // СПС КонсультантПлюс.

ПСИХОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.18

С. С. Полищук, М. В. Феоктистова*

УЧАСТИЕ ЭКО-ОТРЯДА «КПСС» ВО ВСЕРОССИЙСКОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ КВЕСТЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ «ПРОКЛИМАТ»

В статье рассказывается об участии студентов Иркутского государственного университета путей сообщения во Всероссийском экологическом квесте для студентов «ПроКлимат», который способствовал сохранению добровольческой активности в условиях затяжного периода самоизоляции. Онлайн-соревнование студенческих команд российских вузов было направлено на изучение проблемы изменения климата и позволило молодежи внести свой вклад в решение этого вопроса. В работе оценивается важность и актуальность подобных мероприятий для студентов и общественности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ассоциация «зеленых» вузов, экология, квест «ПроКлимат», команда Полищука Сергея Сергеевича.

S. S. Polischuk, M.V. Feoktistova

PARTICIPATION OF THE «TPSS» ECO-TEAM IN THE ALL-RUSSIAN ECOLOGICAL QUEST FOR STUDENTS «ABOUTKLIMAT»

The article describes the participation of students of the Irkutsk State University of Railways in the All-Russian ecological quest for students “Proclimat”, which contributed to the preservation of volunteer activity in a prolonged period of self-isolation. The online competition of student teams of Russian universities was aimed

* **Полищук Сергей Сергеевич**, кандидат технических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения;

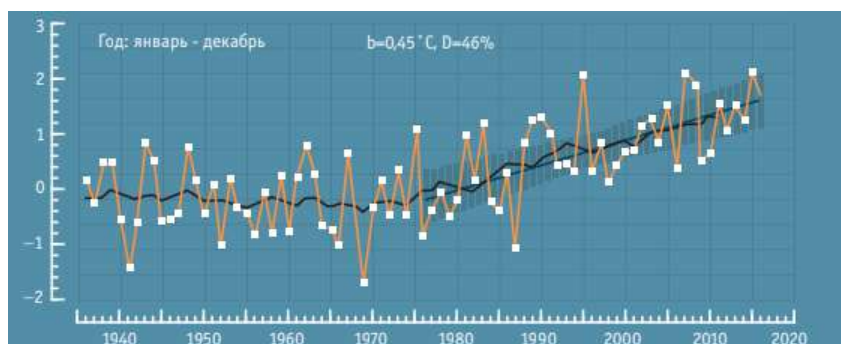
Феоктистова Маргарита Владимировна, студентка Иркутского государственного университета путей сообщения.

at studying the problem of climate change and allowed young people to contribute to solving this issue. The paper assesses the importance and relevance of such events for students and the public.

KEYWORDS: *association of “green” universities, ecology, quest “Proklimat”, the team of Polishchuk Sergey Sergeevich.*

Изменение климата является одним из основных современных вызовов человечеству. Согласно научным данным, среднегодовая температура планеты уже повысилась примерно на 1°C по сравнению с доиндустриальным уровнем. Последствия изменения климата увеличивают риск природных катастроф, имеют глобальный характер и беспрецедентные масштабы. Это более сильные и частые штормы, наводнения, засухи и пожары. Более того, изменение климата – процесс, который развивается нелинейно: с каждым градусом повышения среднегодовой температуры планеты увеличивается риск необратимых изменений в климатической системе и последствий, к которым будет невозможно адаптироваться. При нынешних темпах выбросов парниковых газов среднегодовая температура планеты может повыситься на 4°C уже в этом веке.

Российская Федерация занимает четвертое место в мире среди стран по антропогенным выбросам парниковых газов, и проблему глобального современного изменения климата не решить без активного участия нашей страны в этом процессе. К тому же на всей территории России средняя скорость роста среднегодовой температуры воздуха в 2,5 раза больше скорости роста глобальной температуры [1]. Широко известен феномен современного потепления климата – увеличения средней температуры в приповерхностном слое (рис.).

***Среднегодовые значения температуры воздуха
в приповерхностном слое в среднем по России***

На территории нашей страны увеличивается число метеорологических опасных явлений. Их среднее значение за 2014–2018 гг. превысило аналогичное значение за 1998–2002 гг. почти в 3 раза [2]. Такую опасную тенденцию невозможно игнорировать, от принятых решений зависит благополучие нынешнего и будущего поколений.

Гринпис (Greenpeace) предлагает следующее:

- сделать приоритетом государственной политики каждой страны энергоэффективность и развитие возобновляемых источников энергии;
- не позднее 2030 г. отказаться от продажи автомобилей с двигателями внутреннего сгорания;
- оперативно тушить пожары во всех лесах;
- снизить производство и потребление продуктов животного происхождения на 50 % к 2050 г. [2].

Эко-отряд «КПСС» (команда Полищука Сергея Сергеевича) Иркутского государственного университета путей сообщения (ИрГУПС) [3, 4] уже становился победителем в квестах от Ассоциации «зеленых» вузов России [5]. В данной статье представлен опыт его очередного участия в 2021 г. в квесте «ПроКлимат». Квест дает представление о негативных последствиях изменения климата, стимулирует молодежь на то, чтобы внести вклад в решение этой глобальной проблемы и снизить свой климатический след.

Проект включает не только захватывающие задания, но и увлекательный просветительский контент. Первый уровень квеста можно выполнить, не выходя из дома. Это очень удобно в период пандемии коронавируса, когда невозможно реализовать свой потенциал в реальных условиях.

Участникам предлагается выполнить интересные задания; познакомиться с фактами об изменении климата; просмотреть и обсудить фильмы экологической направленности; провести собственную информационную кампанию или акцию; снять видео, сделать мемы и всем этим поделиться с аудиторией в социальных сетях.

Далее приводится более подробный список заданий квеста «ПроКлимат»:

1. Изучение материалов об изменении климата и его последствиях в России и в мире. Прохождение теста и публикация поста в социальных сетях «Пять фактов об изменении климата, которые должен знать каждый».

2. Проведение для студентов просветительского мероприятия с показом и обсуждением видео об изменении климата.

3. Создание студентами забавных, но содержательных и умных мемов, которые будут способствовать распространению знаний об изменении климата.

4. Участие в акциях международного молодежного климатического движения #FridaysForFuture (FFF) – Пятницы ради будущего. Создание плакатов.

5. Выполнение заданий, направленных на бережливое отношение к электроэнергии.

6. Изучение достижений современной науки и техники, которые помогают рационально использовать электроэнергию.

7. Составление списка и распространение советов по экономии и рациональному использованию тепла и энергии.

8. Съемка видео в формате TikTok на тему сохранения энергии.

9. Проведение опроса в вузе на тему растительного питания.

10. Организация фестиваля для студентов по бесплатному обмену вещами.

11. Проведение эколого-просветительской кампании, направленной на профилактику природных пожаров.

12. Реализация эколого-просветительской кампании, которая познакомит детей с проблемой лесных пожаров и способами ее решения.

За каждое выполненное задание команда получала баллы, после суммирования которых определялся ее рейтинг среди остальных команд-участниц квеста. Эко-отряд «КПСС» занял первое место и вместе с остальными победителями квеста был приглашен в Москву на пятый слет Ассоциации «зеленых» вузов России. Данная ассоциация является общероссийским молодежным экологическим объединением представителей студенческих команд вузов и ссузов России [5]. Ее программа ориентирована на реализацию экологических принципов устойчивого развития и «зеленой» экономики в российских университетах.

Важность участия студентов в подобной деятельности неоспорима, ведь задания квеста сопровождаются интересными и полезными обучающими и методическими материалами. У каждого квеста своя тема, но все они связаны с разными аспектами снижения экологического следа и экономией природных ресурсов. От участия в подобной деятельности студент получает следующие преимущества:

1. Повышение уверенности. Чем больше человек получает знаний в той или иной области, чем чаще участвует в публичных выступлениях и знакомится с новыми людьми, тем более коммуникабельным и уверенным он становится. Уверенность помогает без труда высказывать и отстаивать собственные взгляды.

2. Возможность раскрытия внутреннего потенциала. Задания в квестах развивают творческие, исследовательские, коммуникативные навыки. У студента может появиться новое увлечение или раскрыться определенный талант.

3. Улучшение исследовательских и дедуктивных навыков: умение видеть проблемы, задавать вопросы, выдвигать гипотезы, давать определения понятиям, классифицировать, наблюдать, проводить эксперименты, делать выводы и умозаключения и др.

4. Проявление способности выступать в защиту важных ценностей. Решение экологических проблем является общественным благом. Вклад студента в это направление в той или иной степени формирует в нем осознанность и сопричастность к обществу и природе, способствует становлению личности.

5. Приобретение (улучшение) организаторских способностей. Проведение лекции, организация акции, показ фильма – все это требует наличия данных способностей.

6. Вклад в престиж вуза. Победа в квесте дает возможность представлять команду на всероссийском уровне.

7. Обмен опытом со студентами с других регионов России. Возможность тиражирования своего опыта на другие вузы России под девизом: «Делай как мы, делай лучше нас»!

Внеучебная деятельность для студента вуза очень важна, ведь она помогает всесторонне развиваться ему как личности. Это развитие творческих, ораторских способностей, чувства патриотизма, бережливого отношения к природе. Вовлеченность студентов во внеучебную активность оказывает положительное влияние на мно-

гие аспекты студенческой жизни [3, 4, 5]. Благодаря приобретенным разнообразным навыкам повышается и привлекательность студентов в среде работодателей. Квест «ПроКлимат» является ярким примером внеучебной деятельности через «зеленый» активизм, причем в виде альтернативного интерактивного взаимодействия на всероссийском уровне в период самоизоляции. Квест позволил студентам самостоятельно погрузиться в работу и выполнить треки в рамках заявленной тематики, попробовать себя в роли исследователей, волонтеров, блогеров и даже учителей. Более активным членам команды он дал возможность побывать в Москве и представить вуз на всероссийском уровне, поделиться своими достижениями с другими участниками слета. Для волонтеров «КПСС» участие в подобном мероприятии является особым опытом и мотивацией: не останавливаться на достигнутом в направлении «зеленого» волонтерства и двигаться дальше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенов С. М. Как человек влияет на глобальный климат Земли? / С. М. Семенов // Век географии. М. : Росучебник, 2018. С. 53–75.
2. Greenpeace. Что России делать с климатическим кризисом. URL: <https://greenpeace.ru/news/2019/09/20/chto-rossii-delat-s-klimaticheskim-krizisom>.
3. Полищук С. С. Роль экологического отряда «КПСС» ИрГУПС в воспитании молодежи / С. С. Полищук, А. А. Серикова // Культура. Наука. Образование. 2019. № 2 (51). С. 139–143.
4. Серикова А. А. Экологический отряд КПСС Иркутского государственного университета путей сообщения и его участие в экопросвещении молодежи / А. А. Серикова, А. Д. Винник, С. С. Полищук // Эколого-правовая культура: основы формирования в интересах устойчивого развития Прибайкалья: материалы науч.-практ. конф., Иркутск, 30 мая 2019 г. Иркутск : Востсибпечать, 2019. С. 110–112.
5. Полищук С. С. Опыт участия эко-отряда «КПСС» в треке от Ассоциации «зеленых» вузов России / С. С. Полищук, М. А. Мурадян, А. И. Макарова // Культура. Наука. Образование. 2020. № 3 (56). С. 149–152.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА, КОЛЛЕГИ, УЧЕНОГО

11 ноября 2021 г. скончался Василий Евдокимович Осипов – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, действительный член Российской академии естественных наук по отделению «Проблемы школьного образования».

Василий Евдокимович родился 10 июня 1941 г. в с. Комой Эхирит-Булагатского района Иркутской области. После окончания Тугутуйской средней десятилетней школы он в 1958 г. поступил учиться на физический факультет Иркутского государственного педагогического института, который успешно окончил в 1965 г. и получил диплом учителя физики и основ производства.

В 1964–1967 гг. Василий Евдокимович обучался в аспирантуре на кафедре теоретической и математической физики. В период обучения им была подготовлена кандидатская диссертация по теме «Проблема вероятности в физике в ее историческом развитии и философском значении». В 1967 г. Василий Евдокимович защитил диссертацию на заседании совета Иркутского государственного университета, и ему была присуждена ученая степень кандидата философских наук.

В ноябре 1967 г. он был принят на должность ассистента кафедры философии и политэкономии Иркутского педагогического института, 7 августа 1968 г. – избран на должность старшего преподавателя этой же кафедры, а 21 ноября 1969 г. – избран на должность доцента.

26 марта 1971 г. Василий Евдокимович был утвержден в ученом звании доцента на кафедре философии Иркутского пединститута. В сентябре 1981 г. его пригласили в Иркутский сельскохозяйственный институт на должность заведующего кафедрой философии и научного коммунизма.

В 1990 г. им была подготовлена и опубликована крупная монография «Принципы неопределенности, соответствия и дополненности в структуре стиля научного мышления». В 1991 г. на ученом совете Ленинградского университета Василий Евдокимович успешно защитил докторскую диссертацию по теме опубликованной монографии, и ему было присвоено ученое звание доктора философских наук.

Решением Комитета по высшей школе Министерства наук, высшей школы и технической политики России 17 декабря 1992 г. Василию Евдокимовичу было присвоено ученое звание профессора по кафедре философии, социологии и истории. С 20 сентября 1993 г. по 20 июля 1998 г. он занимал должность профессора, заведующего кафедрой философии, социологии и истории в Иркутском сельскохозяйственном институте.

С 20 июля 1998 г. его трудовая деятельность была связана с Иркутским государственным университетом путей сообщения (ИрГУПС).

Работая в системе высшей школы с 1967 г., Василий Евдокимович постоянно участвовал в научных конференциях различного уровня по философии науки и техники, по проблемам методологии и теории познания. Он долгое время являлся членом специализированного Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по философским дисциплинам при Иркутском государственном университете.

В ноябре 1997 г. Российская академия естественных наук на основании устава академии избрала Василия Евдокимовича действительным членом академии по отделению «Проблемы школьного образования».

По результатам научных исследований Василий Евдокимович был награжден в 1998 г. нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования».

Являясь высококвалифицированным преподавателем и глубоким ученым, Василий Евдокимович проводил лекционные и семинарские занятия по таким дисциплинам, как «Философия – общий курс», «Философия науки и техники», «Логика научного исследования», «Философские проблемы науки и техники». Он был бессменным председателем комиссии по сдаче кандидатских экзаменов по философии.

С февраля 2001 г. по май 2003 г. Василий Евдокимович работал заведующим кафедрой философии и социальных наук ИрГУПС. После этого он занимал должность профессора. Много работал со студентами и аспирантами. Под его руководством защищено шесть кандидатских диссертаций. За 58 лет научно-педагогической деятельности им было опубликовано в самых разных изданиях около 100 научно-исследовательских и научно-методических работ, порядка 40 из них подготовлены в ИрГУПС. По его инициативе и при непосредственном участии в ИрГУПС была открыта аспирантура по истории и философии науки, был организован выпуск научного журнала «Культура. Наука. Образование». Почти в каждом номере журнала публиковались его статьи по самым разным научно-методическим философским проблемам.

Василий Евдокимович всегда тесно сотрудничал со своими коллегами из других вузов. Результатом этого сотрудничества явилась подготовка и публикация монографии «Системно-диалектический метод» в соавторстве с Н.С. Коноплевым, профессором Иркутского государственного университета, и Э.А. Самбуровым, профессором Иркутского научного центра СО РАН.

Он систематически повышал свой профессиональный уровень, в том числе за счет изучения опыта работы других кафедр. Так, в 2011 г. Василий Евдокимович прошел повышение квалификации на кафедре философии Иркутского государственного университета по программе «История и философия науки». В 2015 г. он проходил месячную стажировку на кафедре философии Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН. Руководство Восточно-Сибирской железной дороги, ИрГУПС и г. Иркутска высоко ценили его общественно-политическую, научно-методическую и научную деятельность. 31 августа 2011 г. Министр транспорта Российской Федерации И.Е. Левитин объявил благодарность Василию Евдокимовичу за большой личный вклад в подготовку специалистов для железнодорожного транспорта.

В 2015 г. в связи с 40-летием ИрГУПС Дума г. Иркутска объявила Василию Евдокимовичу благодарность за многолетнюю добросовестную плодотворную работу по развитию и совершенствованию учебного процесса, за значительный вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов для железнодорожного транспорта.

В 2016 г., в связи с 75-летним юбилеем, приказом ректора ИрГУПС А.П. Хоменко Василий Евдокимович был награжден почетной грамотой вуза за многолетний добросовестный труд, успехи в научной деятельности и в деле подготовки молодых ученых.

Последней его наградой была почетная грамота за многолетний добросовестный труд и значительный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов для железнодорожного транспорта (приказ ректора ИрГУПС от 20 марта 2020 г. № 150-КО).

Работая в ИрГУПС, более 20 лет он сеял в вузе разумное, доброе, вечное. Василий Евдокимович был вынужден уйти с работы, которую он всецело любил, в связи с тяжелой болезнью.

Коллектив кафедры и все, кто знал его и работал с ним, глубоко скорбят, будут помнить его и благодарить за те добрые дела, которые он делал в ИрГУПС на протяжении всей своей трудовой деятельности. Светлая память о нем сохранится на долгие-долгие годы.

*В. Г. Третьяков
А. Е. Кацаев*

Приглашаем к участию в нашем научном журнале. Здесь публикуются материалы, соответствующие следующим рубрикам:

- История
- Философия
- Культурология
- Психология
- Право и управление
- Теория и практика образования

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

Представляемые материалы (за исключением рекламных и информационных заметок о научных форумах, культурных мероприятиях, новых книгах) должны отвечать тематике журнала. Тексты статей присылаются на любом электронном носителе или по электронной почте письмом с вложением двух файлов:

1. Файл со статьей (должен быть назван по фамилии автора, например: «Петров. Статья.doc»).
2. Файл со сведениями об авторах (должен включать следующую информацию: фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание и должность, полное название учреждения; контактный телефон и e-mail, – и должен называться, например: «Петров. Справка.doc»).

ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТА

На первой строке слева – индекс УДК. На следующей строке справа размещаются инициалы и фамилия автора (-ов): строчными буквами, жирным шрифтом, **14 кегль** (отсюда же ссылкой внизу страницы прописываются полностью ФИО, научная степень, должность и место работы, город, e-mail). На следующей строке – название статьи прописными буквами, жирным шрифтом, **14 кегль**, выравнивание по центру. Ниже – аннотация и ключевые слова на русском языке, выравнивание по ширине, **12 кегль**, курсив.

Ниже, через одну строку, в таком же порядке прописываются все эти же данные на английском языке.

Через два интервала следует текст:

1. Параметры страницы: размер бумаги – А4; ориентация – книжная; поля: верхнее – 3 см, все остальные 2,5 см.

2. Параметры основного текста: стиль – обычный (Normal); шрифт – Times NRC, размер – **14 кегль**, интервал одинарный, отступ первой строки – 10 мм, остальные – 0; выравнивание – по ширине;

- **не допускается ручное** форматирование текста;
- расстановка переносов устанавливается автоматическая;
- страницы не нумеруются;
- таблицы, рисунки и формулы **не должны выходить** за текстовое поле.

3. Рисунки, графики и диаграммы должны быть введены в текст и подписаны. **Подрисуночные подписи выполняются в основном тексте.** Формулы вводятся с помощью редактора формул в одном окне для каждой отдельной формулы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.100-2018. Источники располагать **в порядке их упоминания в тексте** статьи. Список печатается через один интервал **12 кеглем.** **ССЫЛКИ** (сноски) оформляются **по тексту в квадратных скобках**, где указывается порядковый номер источника в списке и страница (том, описание, фонд, дело и др.), к которой автор желает направить читателя.

Редакция оставляет за собой право отбора и редактирования материалов. По результатам обсуждения редколлегией принимается решение: а) о публикации статьи, б) об отправке статьи на доработку в соответствии с замечаниями рецензента, в) об отказе в публикации статьи. Мотивированное заключение о необходимости доработки или об отказе в публикации направляется автору электронной почтой.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных (в том числе географических названий) и иных сведений энциклопедического характера, а также за точность данных списка источников и литературы.

Адрес для отправки материалов в журнал:

664674, Иркутск, ул. Чернышевского, 15,
Иркутский государственный университет путей сообщения, корп. Д, каб. 621 (кафедра философии и социально-гуманитарных наук).

Материалы можно направлять электронной почтой:

e-mail: tretvv@yandex.ru Третьяков Валерий Валерьевич, зам. главного редактора, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, т. 8-902-578-71-29.

Пример оформления статьи

УДК

И. А. Иванов*

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация (должна содержать 1200–1400 печатных знаков).

Ключевые слова (7–12 слов).

I. A. Ivanov

PROBLEMS OF MODERN YOUTH

Abstract (must contain 1200–1400 characters).

Keywords (7–12 words).

Основной текст [1, с. 234]. Основной текст [2, с. 35]. Основной текст [См.: 3]. Основной текст [4, с. 11]. Основной текст [5, л. 48–48 об.].

Основной текст [6]. Основной текст [7, с. 15]. Основной текст [8, с. 81]. Основной текст. Основной текст [9, с. 22].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч.-ред. совет : В. С. Степин (пред. совета) [и др.]. М., 2010. Т. 2 : Е–М. 634 с.
2. Введение в философию : учеб. пособие для вузов / авт. кол. под рук. И. Т. Фролова. 5-е изд., доп. М., 2012. 654 с.
3. Лебедев С. А. Методология научного познания : монография / С. А. Лебедев. М., 2016. 256 с.
4. Осипов В. Е. Диалектика: натурфилософский и субъективно-материалистический подходы к ее обоснованию / В. Е. Осипов // Культура. Наука. Образование. 2014. №1 (36). С. 7–37.
5. ГАИО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 59.
6. Лосев А. Ф. Миросозерцание Вл. С. Соловьева / А. Ф. Лосев. URL: http://www.odin-blogo.ru/mirosoz_solovieva_t1/13.
7. Феоктистова О. А. Нормирование научно-исследовательского труда: методологические подходы / О. А. Феоктистова // Наукovedenie : интернет-журнал. 2014. № 5 (24). URL : <http://naukovedenie.ru>.
8. Качество жизни студентов медицинского вуза с учётом этнических особенностей / О. А. Карабинская, В. Г. Изатулин, О. А. Макаров [и др.] // Сибирский медицинский журнал. 2014. Т. 125, № 2. С. 80–83.
9. Есауленко И. Э. Комплексный психофизиологический подход к изучению тревожности и страха / И. Э. Есауленко, Ю. В. Щербатых, Е. И. Ивлева // Стресс и поведение : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2001. С. 21–22.

* *Иванов Иван Александрович, кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного университета.*

КУЛЬТУРА НАУКА ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (61) 2021

Редактор *Т. И. Кочульская*
Оригинал-макет и обложка *Н. Е. Кильдишева*

Подписано к печати 7.12.2021. Дата выхода 20.12.2021.
Формат 70×100¹/₁₆. Офсетная печать. Усл.-печ. л. 14,0.
План 2021 г. Тираж 500 экз. Заказ №

Распространяется бесплатно

ISSN 2410-1451

Зарегистрировано в Роскомнадзоре, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68123
(16+)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет путей сообщения»
(664074, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15)

Адрес издателя и редакции: 664674, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15
Тел.: (8-3952) 638-311 (01-47, 01-29)

Отпечатано в типографии ИрГУПС
Иркутск, ул. Чернышевского, 15
